

Алексей Гравицкий, Сергей Палий Аномальные каникулы

S.T.A.L.K.E.R. – 85

Аннотация:

Одни ходят туда за артефактами в надежде поскорее обогатиться. Других влечёт жажда знаний. Третьи мечтают добраться до исполнителя желаний и предотвратить катастрофу... Но что привело в Зону отчуждения шестерых подростков?

Их не манит мрачная романтика.

Детям здесь не место, однако, у них совершенно особенная, понятная только им цель.

Они не похожи на сталкеров: не готовы убивать, не станут цапаться из-за наживы, да и вообще мыслят иначе. Но Зона не различает тех, кто переступил её границы. Она ломает, меняет людей.

Навсегда.

Алексей Гравицкий, Сергей Палий Аномальные каникулы

Серёже Палию из 10 «Б»

Лёше Гравицкому из 10 «В»

Мы вас помним.

Мы вами никогда больше не будем...

Глава первая. Мертвый лес

Коробки, ящики, ветошь. Из-за металлической бочки выглядывали длинные девичьи ноги. Наташка о своих достоинствах знала не хуже окружающих и подчеркивала их всегда и везде, даже там, где не нужно. Вот и сейчас натянула на себя коротенькие джинсовые шорты. Вернее, не шорты даже, а джинсы с отрезанными штанинами.

Сверху, подчиняясь моде, шортики едва покрывали копчик, и то лишь когда Наташка стояла. А снизу... В общем, штанины были срезаны под корень, в напоминание о них остались лишь разлохмаченные края. Но даже этих лохмушек Ворожцов не видел: ноги уходили за бочку и оставляли простор для фантазии.

Ворожцов дорисовал продолжение и почувствовал, как вспыхнули уши. Все-таки что ни говори, а Наташка красивая, хоть и глупая. Впрочем, сама-то она себя глупой не считает и ведет себя соответственно. Этакая доступно-неприступная красавица. Доступная для всех, если верить тому, что болтают. неприступная для Ворожцова.

Наташка с первого дня смотрела на него сверху. Дескать, ты мальчик еще, ничего не понимаешь в жизни, и ничего тебе со мной не светит. Ворожцов и не претендовал. Ему нравилась Леся, а вовсе не Наташка. Именно об этом он сейчас себе и напоминал, глядя на Наташкины ноги и наступая на хвост собственным фантазиям.

Грузовик трянуло. Заезавшийся Ворожцов треснулся головой о бочку. В бочке и в голове от удара загудело — кажется, на одной ноте. Зато все мысли о Наташке, Лесе, ногах и других частях тела вышибло враз.

Машину швыряло на ухабах. Дорога если и была, то давно уже кончилась, превратившись в подобие стиральной доски. Ладно, если верить брату и его маршруту, то трястись осталось всего ничего.

Словно подтверждая его мысли, грузовик начал притормаживать. Тормозил долго, но остановка вышла неожиданно резкой. Ворожцова мотнуло в другую сторону, и он уже мысленно приготовился к тому, что бочка на него сейчас повалится.

Опасения не оправдались. Бочка устояла.

Заглох мотор. В наступившей тишине щелкнул замок. Едва уловимо качнуло машину. Хлопнула дверца. Водитель вылез из кабины. Хорошо. Теперь главное — дожидаться подходящего момента. Главное — не торопиться.

По ту сторону кузова слышались шаги, скрипнула раз-другой зажигалка. Ворожцов притих, стараясь не издавать ни звука. Снова чиркнул кремь, по всей вероятности, бесполезно, потому как следом послышалась короткая по форме, но могучая по содержанию фраза. Голос водителя был хриплый, будто он с вечера нализался холодного пива.

— Андрюха! — позвал все тот же хриплый голос. — Прикурить есть?

— Есть, — ответил другой, пободрей и помоложе.

Ворожцов припомнил посадку. Они долго присматривались к машинам, а затем одним стремительным броском махнули в два замыкающих колонну грузовика.

По всему выходило, что Андрюхой мог быть только водила последней машины, в кузов которой нырнули Леся, Тимур и Мазила.

— Ты покурить-то успеешь? — любопытствовал невидимый водитель Андрюха.

— Салага, — рассмеялся в ответ хриплый. — На этом посту отродясь меньше получаса не стояли. Тем более сегодня Лехницкий дежурный, а он дотошный. Пока все накладные и грузы не проверит лично, хрен пропустит.

При поминании о личном досмотре грузов Ворожцов прижался к бочке с такой силой, что в глазах потемнело. Что будет, если сейчас кто-то залезет в кузов и найдет их там, он даже представить себе не мог. В любом случае — пряниками не накормят. Здесь они уже не десятиклассники на каникулах, а малолетние преступники.

На глаза снова попались Наташкины ноги. Дура, чего она их на проход-то выложила!

— Так что кури, Андрюха, — подытожил хриплый голос. — Пока нам зеленый свет дадут, ты не только покурить — выпить и протрезветь успеешь.

Какое-то время ничего не происходило, и Ворожцову начало казаться, что водилы обо всем догадались, что разговор этот — отвлекающий маневр, а сами они сейчас вломятся в кузов и схватят их.

Но время шло, а вламываться никто, кажется, не собирался.

— Дорога — говно, — подал голос Андрюха, затягиваясь. — Думал, машина развалится на хрен.

— Эта не развалится, — благоговейно протянул хриплый. — Отечественный автопром.

— Отечественный автопром — тоже говно, — упаднически подметил Андрюха.

— Зато наш автопром к нашим дорогам приспособлен. И кончай ворчать.

— Я не ворчу, — проворчал Андрюха. — Только ты подумай, а если от этих колдобин груз побьется, придет в негодность, виноват кто будет?

— Не побьется.

— Откуда такая уверенность?

— Никогда не бился. Почему сейчас должен?

— Все когда-то бывает в первый раз, — продолжал нудеть Андрюха. — Вот ты залезь, проверь.

Ворожцов снова сжался. Гулко стучало сердце. Звук сердцебиения, казалось, разлетался по всему грузовику и множился, гулким эхом отскакивая от стенок.

— Сам залезь и проверь, — обозлился хриплый. — Чего ты мне на уши приседаешь?

На мгновение сердце остановилось. Кровь прилила к голове, зашумела в ушах. Страх липким потом заструился по спине.

Послышались шаги. Замершее сердце заколотилось с невероятной скоростью, вновь заполняя стуком все пространство кузова.

— Эй, спорщики, — перекрыл этот дикий стук третий голос, — хорош бодаться, давай сюда с накладными.

— Вот сейчас тебе Лехницкий все и проверит, — пообещал, удаляясь, хриплый голос.

Снова открылась и захлопнулась дверца кабины. Затем три пары ног затопали в сторону блокпоста.

Ворожцов выдохнул с невероятным облегчением. Еще немного подождать, и...

— Чего расселись?

От страшного шепота он дернулся, задним числом соображая, что это всего лишь Сергуня. Физиономия блондинчика вынырнула из-за ящиков вслед за шепотом.

— Чего орешь? — шепнул в ответ Ворожцов.

— Ничего не ору. Хватай Казарезову, и на выход, пока они сюда не сунулись.

С прохода тотчас исчезли Наташкины ноги, и появилось недовольное лицо.

— Я тебе ухвачу, — чуть ли не громче Сергуни предостерегающе зашептала она. Причем смотрела при этом почему-то на Ворожцова, который ни хватать, ни щупать никого не собирался. — Ты, Ворожцов, руки при себе держи.

Сергуня хихикнул.

Ворожцов не стал ничего говорить: не место и не время, — только подхватил за лямку рюкзак и пополз к борту. Там замер, прислушиваясь к происходящему снаружи, и, не услышав ничего подозрительного, аккуратно оттянул край брезента.

Вдаль уходила раздолбанная, некогда асфальтированная дорога. По обе ее стороны тянулся лес — густой настолько, что даже обочины заросли кустами. Это удобно. Если, конечно, кусты не ядовитые.

Перед кузовом их грузовика стоял другой, замыкающий колонну. Видимо, того самого Андрюхи. Кабина машины покрылась грязью и пылью. Сквозь изъелое облезлыми «дворниками» лобовое стекло был виден подвешенный в кабине выцветший динамовский вымпел.

— Чего замер, Ворожа? — пропыхтел в самое ухо Сергуня.

— Погоди, — еле слышно огрызнулся Ворожцов.

Из последнего грузовика на обочину шлепнулся рюкзак. За ним второй. Из-за кузова высунулось лицо Тимура. Снова исчезло. Потом к кустам метнулась, пригибаясь, Леся. Дальше Ворожцов смотреть не стал.

Откинув брезентовый полог, он осторожно, стараясь не шуметь, опустил на разбитый асфальт рюкзак и, перемахнув через борт, ловко спрыгнул следом. Тут же, подхватив рюкзак за лямки, отскочил к углу кузова, выглянул и мгновенно отпрянул.

Вперед до самого блокпоста тянулась вереница грузовиков. На кузове того, что остановился перед ними, стояла на заднем борту обшарпанная маркировка «Люди». Брезент был откинут, обнажая нутро кузова, а там, опершись на борт, сидели мрачные парни лет двадцати пяти на вид.

За спиной, гулко топнув, спрыгнул с борта Сергуня. Ворожцов обернулся: следом спускалась Наташка.

— Там военные, — кивнул в начало колонны Ворожцов. — Много. Так что за мной, по одному, до кустов и дальше в лес. И быстро.

— Ты, Ворожа, покомандуй еще. Дуй в кусты и не крикай. Тут и без сопливых скользко.

Ворожцов подавил желание дать Сергуне по его блондинистой голове и, подтянув лямки рюкзака, снова подошел к углу кузова. Кусты торчали совсем рядом, но тем не менее до них оставалось метра три открытого пространства. А в кузове переднего грузовика сидели человек двадцать, не меньше.

Он качнулся было вперед, но в последний момент побоялся, отшатнулся обратно. Мысленно отругал себя за нерешительность и рывком, на полусогнутых, метнулся к кустам.

Не оборачиваться! Не отвлекаться на грузовики, на военных, на водил... Ворожцов на несколько секунд убедил себя в том, что не существует ничего, кроме кустов. Он видел покачивающиеся на ветру мутно-зеленые листья, видел ветки.

Кусты встретили, немилосердно отхлестав по бокам. Чувствуя, что опасное открытое место позади, Ворожцов на бегу повернул голову. Все пронеслось перед глазами мгновенно, как упавшая на пол пачка фотографий...

Улепетывающий к обочине от последнего грузовика Мазила...

Замешкавшийся Сергуня, почему-то стоящий спиной к кустам...

Испуганная Наташка, зацепившаяся чем-то за борт грузовика...

Следующий грузовик. Ободранная надпись «Люди». Хмурые лица военных в кузове. Глаза одного из них, который заметил Ворожцова...

Они схлестнулись взглядами лишь на секунду. Тот парень в военной форме не закричал, не выстрелил, не поднял шум. Он только улыбнулся криво, уголком рта. И было в этой корявой улыбке одновременно столько понимания, грусти, боли, зависти, что Ворожцов вздрогнул, словно его ударило током.

Ветка немилосердно врезала по щеке, едва не угодив в глаз. Он поспешно отвернулся и бросился сквозь кусты в лес. Перед глазами все еще стоял борт грузовика с надписью «Люди» и взгляд военного. На какую-то секунду Ворожцову показалось даже, что незнакомый солдат, которого он видел первый и скорее всего последний раз в жизни, знал про него все. И прошлое, и настоящее, и будущее, и причины, по которым он с приятелями оказался здесь и сейчас.

Кусты остались позади. Замелькали стволы деревьев. Погони вроде бы не было. Да и зачем кому-то за ними гнаться? Ворожцов притормозил и обернулся. Никого. Неужели Сергуню с Наташкой поймали? Против того, чтобы поймали Сергуню, он ничего не имел. Надменный блондинчик с замашками гламурного подонка раздражал.

Павел, старший брат Ворожцова, видел Сергуню всего один раз и тут же выдал в его адрес весьма едкое замечание: дескать, мальчик посмотрелся Паши Воли по телевизору и решил подражать, но таланта, наглости, опыта и элементарной взрослости не хватило.

Ворожцов тогда заступился за одноклассника, но про себя подумал, что брат прав.

Брат вообще часто говорил разумные вещи, до самостоятельного понимания которых Ворожцову не хватало какой-то малости.

К брату он относился с уважением. К словам его прислушивался всегда. Особенно прежде. После того, как Павел вернулся из Зоны, пропасть между ними увеличилась. Брат стал чаще говорить о вещах совсем уж туманных. Причем Ворожцов чувствовал за его словами силу, уверенность и понимание, но сам уразуметь то, о чем говорил брат, не мог. Это угнетало.

С треском разошлись в стороны кусты. Между деревьев появилась Наташка. За ней следом бежал Сергуня.

— Где вы столько времени пропадали? — мрачно поинтересовался Ворожцов, поворачиваясь к лесу и прибавляя шаг. — А еще говорил, не командовать.

— Это все Казарезова, — на ходу огрызнулся Сергуня.

— Иди ты, — проныла в ответ Наташка. — Я и так любимые шорты порвала.

— Сама дура, — фыркнул Сергуня. — Вот поймали бы нас там, порвали бы тебе не только любимые шорты.

Сказано это было с таким превосходством, что Наташка потеряла дар речи. А спустя полминуты охота спорить прошла у всех. Ворожцов перешел на бег, Сергуня с Наташкой были вынуждены поддержать заданный темп. И хотя бежали они не очень быстро, при наличии рюкзаков за плечами желание болтать как-то пропало.

Какое-то время был слышен только топот и сдавленное сопение. Первой выдохлась Наташка: просто перешла на шаг и окликнула негромко:

— Не бегите, а.

— Тормози, Ворожа, — прохрипел Сергуня, и по голосу стало ясно, что он тоже выдохся. — А то Казарезова скопытится.

— Не дожدهшься, — отозвалась Наташка.

Ворожцов сбавил темп, тем более что пробежка далась ему также тяжело, зашагал не спеша. В общем, торопиться уже было некуда — за ними никто не гнался.

— Прикинь, — у Сергуни прорезался голос, — я уж бежать собрался, а Казарезова карманом за борт зацепилась и ни туда, ни сюда. Я уж думал — хана.

— Как можно карманом зацепиться? — не понял Ворожцов.

— У меня там была бабочка пришита прикольная, — с тоской в голосе поведала Наташка. — Теперь ни бабочки, ни кармана. И дырка на ползадницы. А все ты! — набросилась она на Сергуню. — Не мог осторожнее снимать, да?

— А ты бы еще вечернее платье в лес надела, — окрысился блондинчик.

— А ты и поскакал, как сайгак, меня бросил, — укорила Наташка. — А меня, между прочим, заметили. Там в кузове сидел такой и смотрел прямо на меня. Но тебе-то все равно, только о себе и думаешь.

— Кончайте орать на весь лес, — тихо сказал Ворожцов, которому уже надоела эта перепалка.

Он ожидал услышать в ответ новые наезды, но Наташка с Сергуней не только не полезли на рожон, но и неожиданно притихли.

Лес здесь был совсем дикий. Нечищенный и нехоженный. Ворожцов шел осторожно, прислушиваясь к каждому шороху, приглядываясь к каждому кусту, ловя любое движение. Ничего страшного и необычного пока не наблюдалось. Но лес был какой-то неживой.

— Дрянной лес, — пробормотал он.

— Лес как лес, — тут же отозвался Сергуня. — Ты лучше скажи, далеко еще топать?

Место встречи было обозначено заранее на тот случай, если две группы разминутся. Так и вышло. Наладонников с навигаторами и картами тоже было только два. По одному на группу. Один достался Ворожцову, другой Тимуру. На ворожцовский претендовал Сергуня, но так как Ворожцов добыл его лично, тиснув у брата, вопрос, кому достанется ПДА, даже не обсуждался.

Координаты места встречи заложили заранее в оба навигатора, и сейчас оставалось только тупо шагать в нужном направлении. Ворожцов поглядел на экран наладонника, забрал вправо.

— Метров триста еще.

Через пару сотен метров вдалеке слышались приглушенные голоса. Тимур со своей группой, как и следовало ожидать, вышел к месту первым. Конечно, у него-то все дисциплинированно. Леся спорить не станет, Мазила — тем более: он маленький.

На самом деле Мазила был младше всего на полгода, но полгода эти оказались критичными. Если остальные окончили десять классов, то Мазила только перешел в десятый. Это формально делало его младше уже на год, а год — это ощутимо. Как-никак пятнадцатая часть жизни.

Об этом Ворожцов тоже не думал, пока тема не всплыла в разговоре с Павлом. Брат и разъяснил, откуда чего берется чисто психологически.

Голоса впереди смолкли. Вероятно, там за деревьями слышали их шаги.

— Стой! Кто идет? — донесся напряженный голос Тимура. — Стрелять буду.

— Свои, — бодро отозвался Ворожцов, мысленно улыбаясь угрозе. Стрелять он будет. Из чего? Из гаубицы карманной?

Еще десяток шагов, и он увидел всех троих. Тимур явно расслабился, поняв, что в самом деле идут свои. Леся была спокойна, кажется, немного устала. Мазила дернулся вперед с щенячьей радостью. Он даже похож был сейчас на дурную лохматую собаку дворянской породы.

— Приветствую в Зоне, сталкеры, — радостно сообщил малец.

И все-таки он мелкий, подумалось Ворожцову. Не ростом. Ростом-то Мазила на полголовы его выше. А так — мальчишка еще. Все играет. А тут серьезней надо.

— Сталкер нашелся, — брезгливо фыркнул Сергуня.

— Мы еще не в Зоне, — ответил Ворожцов. — И если будем на месте стоять, то и завтра до нее не доберемся.

— Передохнем и пойдем, — решил за всех Тимур.

Ворожцов поглядел на Тимура. Высокий, темноволосый. Он выглядел старше других. В отличие от сверстников в нем уже проявлялось больше мужского, чем подросткового. Во всяком случае, внешне.

— Вы чего так долго? — спросил Тимур. Не у него спросил, у Сергуни. И Ворожцов почувствовал укол самолюбия.

— Это все Казарезова, — поделился Сергуня.

— Иди в баню, — фыркнула Наташка и повернулась к Лесе. — Леська, они меня достали. Мне с тобой пошептаться надо.

И Наташка двинулась к ближайшим кустам. Леся спокойно пошла следом.

— Эй, вы куда? — окликнул Сергуня.

— Куда надо, — огрызнулась Наташка. — За нами не ходить.

— Сейчас вернемся, — мягко добавила Леся.

Голос ее прозвучал настолько уверенно, что никто из парней спорить не решился. Девочки исчезли в кустах.

— Она что, думает, что здесь как в школе? Пошла в женский тубзик пошептаться и сигаретку выкурить? — пробурчал уязвленный Сергуня. — А вдруг там кровосос?

— Нет там кровососа, — уверенно заявил Тимур. — Мы еще не в Зоне.

Он со значением посмотрел на часы и добавил:

— Пять минут на отдых — и вперед. Нам сегодня до реки дойти надо.

Ворожцов скинул рюкзак, достал фляжку и сделал пару глотков. Пить хотелось жутко. В грузовике укачало, после — нервная встряска, и в глотке теперь было сухо, как на пороховом складе. Но много пить он не стал. Впереди еще марш-бросок. Так что заливать в себя лишнюю жидкость незачем, только потеть от выпитого сильнее будешь.

Через несколько минут из кустов вышли Леся с Наташкой. Наташка сменила порванные шорты на потертые джинсы. Видимо, здравый смысл перевесил желание быть соблазнительной всегда и везде.

— Девчонки, вы все-таки одни не ходите, — попросил Ворожцов, ловя себя на том, что в голосе звучат какие-то по-родительски заботливые нотки. — Мало ли что.

— Ага! Может, мне тебя еще в туалет с собой брать? — фыркнула Наташка. — А если темно, то с фонариком, чтоб тебе видней было. Нахал ты, Ворожцов.

Сергуня мерзко хихикнул. Даже Тимур улыбнулся. Поднялся, закинул на плечи рюкзак и поглядел на остальных уже серьезно.

— Готовы? Тогда Ворожцов, Мазила и девчонки за мной. Сергуня замыкает.

Ворожцов подтянул лямки. Рюкзак был старый, и правый ремень все время сползал. За Тимуром потопал безропотно, но с долей обиды. Это ведь он предложил выбраться в Зону. Он обозначил цель. Он все спланировал. Разве что компанию собрал Тимур. А теперь Сергуня в арьергарде, а Ворожцов посередине с девчонками и мелким. И где справедливость?

Да и компания... Зачем надо было тащить с собой Сергуню, который никого, кроме себя, не слышит? Зачем нужны были девчонки? Наташка увязалась следом за Лесей, Леся одна бы не пошла. Оно и понятно — ни одна девчонка в компании парней без подружки в такую авантюру не ввяжется.

Против Леси Ворожцов ничего не имел. Она ему нравилась настолько, что вопреки здравому смыслу рад был бы увидеть ее где угодно, хоть в аду, лишь бы рядом. Хотя здравый смысл иногда задирает голову и орал, что девчонке тут не место, что тут может быть опасно, что лучше бы она осталась дома.

А Мазилу Ворожцов пригласил сам. Вернее, не пригласил — мелкий напросился. Неизвестно, откуда он узнал об их походе — или экспедиции, как больше нравилось называть Ворожцову авантюру, — но узнал и прицепился. И не отстал, пока не взяли.

Мазиле, по большому счету, здесь тоже было нечего делать. Тянуло его в Зону, кажется, исключительно потому, что он коллекционировал истории про сталкеров, мутантов, артефакты и фанател от тридцатипятикилометрового в диаметре куса земли. Теперь он имел возможность называть себя сталкером. А если еще какой артефакт по дороге прихватит, так вообще нос задерет, не иначе.

Интересно, кстати, а зачем они все согласились идти в Зону? Глупая тяга к приключениям? Желание обогатиться? Зачем он сам туда идет и почему все это затеял, Ворожцов знал, но в истинной причине не признавался даже себе, хотя она была много раз озвучена, и о ней знали все.

А вот, скажем, Сергуня. Ворожцов оглянулся на шагающего позади всех блондинчика. Ему ведь место на дискотеке или в ночном клубе. В шикарной машине с девками, даром, что ли, сынок богатого папаша. Но здесь ему уж точно не место. Однако ж вон, топает.

С другой стороны, и Ворожцову здесь делать нечего. Хотя по лесам он ходил, и не единожды. Палатку ставил за десять минут в темноте, костер под дождем разводил, на местности ориентировался на раз-два. Но лес лесу рознь.

Добравшись до этой мысли, он огляделся по сторонам. Лес был мертвым. Зелень имела мутноватый оттенок, словно выгорела на солнце или покрылась слоем пыли, а то и еще чего похуже. Насекомых не было вовсе. Даже комаров.

Живности, которая в обычном лесу кишмя кишит и в траве, и на деревьях, тоже не было слышно. Только поскрипывали на ветру деревья. Так бывает на болоте или где-то у дороги, где всю жизнь вытравили глупые туристы, загадив все кострищами, банками от пива и прочим мусором. Вот только ни болота, ни следов туристической активности тут не наблюдалось. А лес стоял — мертвый и жуткий. И чего ждать от него, Ворожцов не знал.

Он поглядел на спутников. Тимур пер впереди, как танк. Энергичный, подтянутый, боевой. Уверенный в себе. Девчонки о чем-то весело переговаривались на ходу. Сергуня время от времени пытался над ними подтрунивать. Мазила восторженно вертел башкой по сторонам. Опасности для них, кажется, не существовало вовсе. То есть они знали о ней с чужих слов, как каждому известно, что нельзя заплывать за буйки. Опасно. И мышцы может свести. И тонут чаще те, кто хорошо плавает, а не те, кто не плавает вовсе. Но когда и кого это останавливало?

Лес сгустился, но жизни в нем не прибавилось. Затем впереди наметился просвет. Ворожцов глянул на экран наладонника, сверяясь с навигатором. Там впереди, за деревьями, текла Припять.

— Пришли. — Тимур остановился и тоже поглядел в свой ПДА. — Ночевать будем здесь.

— А может, на ту сторону махнем, пока светло? — бодро предложил Сергуня.

— С той стороны Зона, — напомнил Ворожцов. Залихватский настрой попутчиков ему не нравился. Не понимают они, что ли, куда идут?

— И чего?

— Заночуем уже в Зоне, — поддакнул Мазила.

— Мелкий, притухни, — осадил Сергуня.

— Вот именно, что заночуем в Зоне, — терпеливо повторил Ворожцов. — Брат говорил, что каждая ночь в Зоне — испытание. Может, правильнее сделать так, чтобы этих испытаний было поменьше? Мы там еще успеем заночевать.

Тимур посмотрел на Ворожцова с улыбкой, с какой половозрелый дядя смотрит на ребенка, боящегося темноты.

— Что, очко заиграло? — усмехнулся он, но, повернувшись к Сергуне, добавил уже серьезно: — Ночевать будем здесь. Скоро стемнеет. Даже если переправиться успеем, потом по темноте лагерь ставить не круто.

— Ну, вы ставьте палатки, мальчики, — обрадовалась Наташка, — а мы...

— А вам тоже найдем, чем заняться, — твердо оборвал ее Тимур.

Дело нашлось всем. Мазилу с девчонками отрядили за дровами. Тимур с Сергуней взялись ставить палатку. В дугах и колышках Тимур разбирался не очень, потому все время сверялся с затертой инструкцией. Но к процессу подошел с энтузиазмом. Сергуня, судя по выражению лица, в инструкции не понял ничегошеньки, да и на практике устройство палатки оказалось для него делом еще более темным, чем лес вокруг. Однако признаваться он в этом не спешил, потому занял позицию человека, который все знает, но мешать не станет, потому просто постоит на подхвате. А чтобы не выглядеть чурбаном, Сергуня суетливо вертелся вокруг Тимура и без умолку чесал языком.

Ворожцов поглядывал на них, внутренне улыбаясь. Он не спешил, но вторую палатку в одиночку поставил быстрее, чем Тимур с Сергуней первую вдвоем.

Передохнуть ему не дали. Стоило только бросить рюкзак в тамбур и застегнуть тент, как тут же оживился Сергуня.

— Эй, Ворожа, ты чего там тунеядствуешь? Раньше за тунеядство, говорят, срок давали.

— Сделал дело — гуляй смело, — отозвался Ворожцов.

— Сделал дело — помоги товарищу, — настоял на своей версии Сергуня. — Иди сюда, помогай. А то взял себе палатку, которая легче собирается, и думаешь откосить? Не выйдет.

— Все палатки собираются одинаково. — Ворожцов перехватил у Тимура тент, который тот вертел уже пять минут.

— Ничего подобного, — потряс инструкцией Тимур. — У меня по-другому. У твоей один выход, а у моей два.

— Принцип одинаковый. — Ворожцов взял край тента, перекинул через купол палатки и пошел на другую сторону. — Мы с братом...

— Да плевать на твоего брата, — перебил блондинчик. — Ты дело делай, а не языком метель.

Ворожцов зло стиснул зубы. Уж кому-кому, а не Сергуне на эту тему рот открывать. Молча подошел к блондинчику, ткнул ему в руки край тента, потребовал сердито:

— Держи.

— Опять командуешь? — набычился Сергуня.

— Не команду, — холодно произнес Ворожцов. — Но предупреждаю: отпустишь — будешь сам собирать.

— Напугал ежа, — пробурчал под нос Сергуня, скорее из природной вредности, чем от желания поспорить, но край не отпустил.

Через пять минут палатка была готова. Спустя еще пару минут появились девчонки и Мазила.

Мелкий пер здоровенное бревно, Леся несла охапку крупных веток. Наташка тащила довольно жидкий пучок хворостинок. Свою ношу она бросила первой.

— Не женское дело ходить за дровами, — заявила сходу. — Мы с Леськой готовить будем, а костром пусть Мазила занимается. Или он, — кивнула она на сидящего у свежесобранной палатки Ворожцова. — Ему все равно делать нечего. А я с вашими дровами ноготь сломала.

— Какая трагедия, — съязвил Мазила, швыряя бревно.

Ствол гулко хлопнулся о землю у ног Наташки, та испуганно шарахнулась в сторону.

— Ты чего, мелочь, офиндел?

— Я ж по ногтю не попал, — пожал плечами Мазила.

Фраза вышла явно издевательской, но выглядел Мазила при этом виновато, и в голосе не было ни тени издевки. Так и не решив, изгаляется мелкий или просто дурак, Наташка развернулась и гордо прошествовала к рюкзакам. Принялась копать, пытаясь найти котелок, чай и продукты.

Бревно, что приволок Мазила, оказалось сырым. Пока набрали нормальных дров, пока разложили костер, почти стемнело. Потому чай и макароны готовили уже в сумерках.

Ужин смели в один присест. В магазине, когда запасались продуктами, Сергуня разнылся, что не станет жрать это дерьмо. Сейчас же умял макароны с тушенкой чуть ли не первым, выскоблил миску и в отсутствие добавки с сожалением смотрел на жующих приятелей.

— Подъем в семь утра, — предупредил Тимур.

— Чего так рано? — возмутилась Наташка.

— Да, — поддержала Леся, — можно бы и поспать. Мы ж не в школу идем.

— Вот именно, — отрезал Тимур. — Кто рано встает... В общем, подъем в семь.

— Тогда мы спать, — поднялась Леся. — Спокойной ночи.

И она пошла к ворожцовской палатке. В груди екнуло. При мысли, что будет спать с ней рядом, сердце зашлось радостно.

Наташка встала следом.

— Спокойной ночи.

Третьим подскочил Мазила.

— Мне тоже спать охота, — бросил он и устремился за Наташкой.

— Эй, мелкий, — цыкнул Сергуня. — Ты куда?

Мазила обернулся, на роже возникло непонимание.

— Туда, — кивнул он на палатку, под пологом которой возилась разубаюющаяся Наташка.

— Тебе-то туда зачем, мелочь?

— Как зачем? — искренне удивился Мазила. — Спать.

Пожав плечами, он скрылся в палатке.

— Вот зараза, — сердито бросил Сергуня. — Кайф обломил.

— Да тебе бы и так ничего не обломилось, — фыркнул Тимур.

— Это ему ничего не обломится, — пробурчал Сергуня. — Во мне не сомневайся. Наоми я бы кэмпбел. А теперь мне вашими носками всю ночь пыхтеть.

Ворожцов сидел и слушал все это с мрачной миной. Единственное, что его утешало: в палатке Мазила, который в самом деле пошел спать. А не Тимур или, того хуже, Сергуня.

Хотя брат говорил, что такие, как Сергуня, которые громче всех орут о своих постельных подвигах, на самом деле никаких подвигов на этой ниве не совершали. И вообще вопли на тему от комплексов.

— Кто караулить будет? — спросил Ворожцов. — Брат говорил...

— Да плевать, что твой брат говорил, — оборвал блондинчик. — Твой брат зануда. И ты такой же.

В отблесках костра Сергуня выглядел распаленным, диким, и в глазах сверкала не мысль, а отблеск, как от зеркала. Словно костер сдернул с быдловатого, глуповатого и диковатого мальчишки маску взрослости и налет гламура, высвечивая подноготную.

— Мой брат там был, — рассудительно заметил Ворожцов. — Ты — нет. И...

— И что? — снова перебил Сергуня. — Твой братец и в Зону-то не ходил. Так, прошелся по самому краю. И то обгадился.

— Это была научная экспедиция, — пояснил Ворожцов, снова ловя себя на желании стукнуть Сергуню по балде.

— Не, — поддержал Тимур блондинчика, — это лоховство — в Зону и без оружия. Тем более со старыми ботанами.

— Они ученые, — заступился Ворожцов.

— Лохи они. И брат твой — лох, — радостно подытожил Сергуня. — И ты такой же. Настоящие пацаны в Зону без оружия не ходят.

— Ты, что ли, с оружием?! — не выдержал Ворожцов. — Пацан нашелся.

Сергуня поглядел на него с таким превосходством, что был бы на месте Ворожцова кто другой, закомплексовал, осознав свою ничтожность.

Медленно, как в старинном кино про ковбоев, блондинчик запустил руку за пазуху и выудил оттуда угловатый пистолет. Крутанул напряженным и явно долго тренированным движением, протянул Ворожцову. Тот осторожно взял оружие в руки.

Ствол был теплый, напился от человеческого тела и не успел еще остыть. Весил, наверное, с килограмм. Выглядел нескладным. Не было в нем плавности линий: даже рукоять торчала едва ли не под прямым углом. На черной щеке красовалась обведенная в круг пятиконечная звезда. Ворожцов в оружии не разбирался, но символика не оставляла сомнений в том, что пистолет был выпущен в прошлом веке, в стране, которая давно уже не существует.

Сергуня с гордостью забрал пистолет.

— Так вот, — заявил он, передавая ствол Тимуру.

— Откуда взял?

— У отца. Он коллекционирует всякое такое. У него много. Один пропадет на пару дней, он и не заметит.

— ТТ, — сказал Тимур.

— Он самый, — подтвердил Сергуня. — И целая обойма.

Тимур отдал пистолет хозяину, небрежно подтянул рюкзак. Щелкнули запоры, пальцы Тимура быстро распустили тесемку, и из-под клапана вынырнул куцый ствол крупного калибра. Вскоре обрез оказался на свежем воздухе во всей красе, также к нему была изъята неполная коробка патронов.

— А без оружия в Зону ходят только лохи, — радостно заключил Сергуня. — Так что, Ворожа, ты карауль, а нам бояться нечего. Тем более что мы и не в Зоне еще. Здесь, кроме нас, вообще никого нет.

И блондинчик отправился к палатке.

После ухода Сергуни Тимур больше не подначивал. Но было видно, что он солидарен скорее с блондинистым, чем с Ворожцовым.

Впрочем, вскоре и он отправился спать.

Ворожцов остался один. Встал, прошелся от палатки к палатке, разминаясь. Вернувшись, сел спиной к костру. В какой-то книжке он читал, что нельзя смотреть на огонь, потому что глаза привыкают к свету, и ты становишься слепым. А враги в лесу на огонь не смотрят и прекрасно видят в темноте. У кого преимущество в такой ситуации, объяснять не надо.

К костру он поворачивался разве что боком, чтоб подкинуть веток. На пляшущие языки пламени старался не глядеть вовсе.

Через пару часов стало совсем холодно. Ворожцов придвинулся как мог близко к костру, съежился — но помогло это слабо. Из палатки, где осталось одно место и для него, доносился безмятежный храп. Было в нем что-то домашнее и даже уютное.

Ворожцову стало казаться, что он в самом деле не прав и перестраховывается. Здесь ведь еще не Зона. Чего бояться? И зачем сидеть, когда можно идти спать? Тем более он тоже не безоружен: у него нож охотничий есть. Правда, для Тимура и тем более Сергуни это не аргумент, только повод для шуток, но ему-то что.

Костер тихонько потрескивал. Несмотря на озноб, начало клонить в сон.

Он почувствовал, что проваливается. Выдергивал себя из дремотного состояния и снова летел во тьму, где зарождаются сновидения.

Кажется, он все-таки заснул...

Резко взвизгнуло на высокой ноте.

Ворожцов подпрыгнул, чувствуя, что подпустил врага ближе, чем надо было, и теперь все они погибнут по его вине.

Костер тлел красными головешками, по недогоревшей деревяшке лениво ползал синеватый затухающий огонек.

Лес молчал.

Он огляделся, прислушался. Тихо.

Приснилось, что ли?

На автопилоте подцепил несколько веток, бросил в костер. Огонек принялся расходиться. В костре затрещало, словно голодному кинули кость.

Ворожцов почти успокоился. Видимо, и вправду приснилось. Но стоило только страху улечься, как над лесом снова прокатился дикий, истошный, душераздирающий крик. Голос был высоким и нечеловеческим. Так могла кричать женщина или ребенок, которого живьем резали на части. Так мог кричать мужчина, которого кастрировали без наркоза.

Кто так мог кричать в Зоне, он боялся даже предположить.

Вопль затих. Через секунду вжикнула молния, и из-под тента показалась заспанная рожа Сергуни.

— Чего орешь, Ворожа? Напугать вздумал? Не выйдет.

Из соседней палатки выглянула напуганная Наташка.

— Вы сдурели?

— Это не я, — огрызнулся Ворожцов, не обращая на Наташку никакого внимания.

— Ну да, это старина Витас горланит.

— Имбецилы, — обозлилась Наташка.

— Ты, Казарезова, доктор, что ли, чтобы диагноз ставить?

Сергуня вылез на улицу и принялся шнуровать кроссовки. Следом за блондинчиком высунулся Тимур.

— Чего там?

— Ворожейкин прикалывается. Ща я ему нос вправлю, и все.

Ответить Ворожцов не успел. Истошный вопль раздался в третий раз. Сергуня замер, так и не дошнуровав кроссовок.

Наташка переменялась в лице. Даже в полумраке было видно, насколько она побледнела.

— Это что?

— Не знаю, — тихо сказал Ворожцов.

Тимур нырнул в палатку. Когда показался снова, в руке был обрез. Не дожидаясь, когда Сергуня закончит со своими шнурками, пихнул его в бок и принялся поспешно натягивать ботинки.

— Далеко кричит, — определил Ворожцов. Страх понемногу отступал, уступая место здравому смыслу. — Скорее всего, за рекой.

— Кто кричит? — осипшим вдруг голосом спросила Наташка.

— Казарезова, изыди. — Сергуня поднялся на ноги и достал ТТ. — Мужчины разберутся.

Наташка молниеносно растворилась за пологом. Из недр палатки раздался ее недовольный голос.

— Мелкий, вставай, хорош спать. Там кричит кто-то.

Мазила проворчал что-то в ответ, но через минуту вылез, протирая кулаками заспанные глаза.

— Кто у вас тут кричит? — спросил вяло, но стоило только ему увидеть пистолет в руке блондинчика, как от сонливости не осталось и следа.

Глаза загорелись азартом.

— Ух, ты! — выпалил он. — Настоящий? Дай заценить, а?

— Перебьешься, — отмахнулся Сергуня и убрал ТТ.

Вокруг снова было тихо. Никто не кричал. Ворожцов слушал лес, но тот был по-прежнему мертв.

— Может, птица какая? — предположил Тимур.

— Ты здесь видел птиц? — вопросом ответил Ворожцов.

Тимур поиграл желваками, не ответил.

— Ладно, — признал он наконец. — Будем караулить по очереди. Сперва Серый, потом я. А ты ложись спать — свое уже отдежурил.

— А я? — захлопал длинными ресницами Мазила.

— Без сопливых скользко, — отмахнулся от него Сергуня.

Ворожцов поднялся и пошел к палатке. На полдороге повернулся к блондинчику.

— На костер не смотри.

— Это тебе брат сказал? — ядовито ухмыльнулся Сергуня. — Топай баиньки, сам разберусь.

Спорить Ворожцов не стал. Первый испуг отступил, адреналин улегся, и ему снова хотелось спать. Не говоря больше ни слова, он откинул полог, стянул ботинки и нырнул в тепло палатки.

Глава вторая. Переправа

Тимур терпеть не мог взрослых. Раздражала их привычка указывать, что он еще слишком мал для самостоятельных решений. Он уже давно не ребенок, и все поучения предков только действуют на нервы. Какой прок в заботе и воспитании, если от них хочется бежать подальше?

Отец с самого детства навязывал Тимуру спортивный образ жизни и записывал в разные секции. Спортивная гимнастика, плавание, ушу, карате... Тимур нигде не задерживался надолго — не умел проигрывать. Это жило где-то в генах: победа давалась ему легко, как нечто само собой разумеющееся, зато любое поражение было равносильно трагедии. А в секциях всегда полно сильных и ловких ребят, умеющих больше, чем новичок. И даже если стараться — найдется разрядник, которому унизительно проиграешь.

Последняя выходка отца окончательно доконала Тимура. Тот притащил его к какому-то знакомому тренеру по боксу и попросил поставить удар, а то «фигурные махи ногами в драке могут не выручить». Мужик с красным одутловатым лицом оценивающе поглядел на Тимура и подозревал мосластого пацана лет двенадцати. Велел:

— Поработайте минутку. Посмотрим.

Тимур натянул перчатки, вышел на мат и принял защитную стойку. Пацанчик расхлябанно подошел и, не поднимая рук, заулыбался. Обидно, с превосходством. Эта наглая улыбка взбесила Тимура, и он решил проучить сопляка. Ударил прямым в голову. Резко и неожиданно. Но пацан прочитал атаку, словно заранее знал, что его ждет. Легко ушел в сторону и зарядил по печени так, что у Тимура мгновенно потемнело в глазах. После этого добавил прямой в разрез. Неожиданно сильно для своей комплекции. Из носа хлынула кровь, замутило, и пришлось повиснуть на шведской стенке, чтобы не упасть. Пацанчик снова ухмыльнулся и стянул перчатки.

— Каратист, что ль?

Тимур не ответил. Хотелось дать выход злости и броситься на обидчика, но от сознания, что получит еще сильнее и опозорится, стало совсем тошно. Он зло сплюнул на холодный мат розовую слюну и ушел, не обращая внимания на укоризненный взгляд отца и призывы краснорожего тренера остаться и поработать над техникой.

Вечером мать, как обычно, отпилила мужа за то, что мотает ребенка по физкультурам вместо того, чтобы думать о поступлении в университет. Предки постоянно спорили на кухне, полагая, чаду еще рано участвовать в семейных советах. Отец радел за то, чтобы после школы сын пошел в армию и поучился жизни, а мать ни в какую не желала отдавать Тимурку на растерзание солдафонам. Ей грезился престижный вуз для вполне смышленного мальчика, карьера успешного журналиста...

Самого Тимура, разумеется, никто не спрашивал. Впрочем, если бы и спросили, вряд ли бы удалось ответить что-то вразумительное: он сам не знал, чего хочет от жизни. Но все равно было обидно и противно, что его мнение никому не интересно.

А предки своим поведением раздражали, они как бы ободряюще похлопывали по плечу, приговаривая: «Не торопись, еще успеешь повзрослеть».

Тимуру понравилась затея Ворожцова. Захотелось испытать себя на прочность. Самому, не с подачи взрослых.

К тому же здесь не было ни опеки, ни скрытого превосходства. Все на равных. Ну, разве что Мазила помладше остальных...

Сквозь синюю ткань палатки уже просвечивало солнце. Светлые пятна подрагивали в такт колышающимся деревьям, сквозь листву которых пробивались косые лучи. Не хватало птичьей трели или, на худой конец, стрекотания кузнечика. Но лес не спешил нарушать тишину.

Тимур вжикнул молнией и откинул верхнюю часть спальника. Приподнялся и размял затекшие мышцы, покрутил головой. В шее хрустнуло. Рядом заворочался Ворожцов, сопя и неразборчиво бубня во сне. Тимур поглядел на мясистое ухо однокашника, висок с пульсирующей жилкой, пушок сивых волосков на щеке, прикрытой свитером. Неглупый парень этот Ворожцов, но рохля, как и брат его.

Выбравшись в тамбур, Тимур натянул ботинки, отметив, что запашок от носков за ночь так и не выветрился до конца. Будет не круто, если девки учуют.

На улице, съездившись в кокон одеяла, кемарил у погасшего костра Сергуни. Тимур зябко передернул плечами. Утро выдалось свежее, вовсе не июльское. Хорошо, что они догадались взять теплые вещи.

Тимур усмехнулся, оглядел сгорбленную фигурку Сергуни и поднял миску с фестоном вчерашней вермишели. Подхватив с бревна ложку, он тихонько обошел гламурного караульного сзади. Ох сейчас и сдристнет блонда непуганая...

Песня разорвала идиллию рассвета столь внезапно, что Тимур вздрогнул и выронил ложку, занесенную для побудочного удара по миске. Сергуни тоже подскочил как ужаленный и, запутавшись спросонья в одеяле, грохнулся наземь. Выругался.

Музыка продолжала лупить из дешевого динамика. Попсовый девичий голосок надрывался про лето на египетских пляжах, мотосафари и заводные танцы живота.

— Казарезова, — догадался Тимур, обходя извивающегося возле подернутых пеплом углей Сергуни. — Прибыю дуру.

Музыка действительно долбила из девчачьей палатки. Откинув полог, Тимур сунул голову внутрь и нос к носу столкнулся с Наташкой. Она как раз собиралась вылезать. В одной руке Казарезова держала косметичку, в другой — вопящий на всю катушку мобильник.

— Куда лезешь? — возмутилась она. — И не пялься. Я ж еще не накрутилась.

Тимур перехватил хрупкое запястье, отобрал телефон и выбрался из палатки.

— Э! Ты чего? Мобилу отдай! — возмутилась Наташка.

Не обращая внимания на ее вопли, он отколупал заднюю крышку, выковырял аккумулятор, обрывая горластую певицу, и сунул разобранный гаджет в карман.

Казарезова подошла сзади и толкнула Тимура в плечо.

— Не твоя мобила, — заявила она. — Верни.

На помятом после сна лице застыла недовольная гримаска. Обидели мышку, надудонили в норку.

— Музыкачку послушать решила? — спросил Тимур.

— И что? — с вызовом вскинулась Казарезова. Потом прищурила один глаз и с хитринкой добавила: — Кончай корчить из себя строгого папу. Тебе не идет.

Тимур не улыбнулся в ответ. Ворожцов, может, и зря перестраховывается, но с этой козы спесь надо сбивать, иначе всех пропалит. Если военные поймают — мигом ментам сдадут. А завершить поход на нарах кутузки — приятного мало.

— Ты понимаешь, что мы на запретной территории? — спросил Тимур. И, не дав Наташке раскрыть рта, припечатал: — Мобилу получишь обратно, когда вернемся. А пока перебеешься без эсэмсочек и песенок.

— Тимур, ты оборзел, что ли? — угрожающе нахмурилась Наташка, косясь на выползших Ворожцова и Мазилу. — Проблем хочешь?

— Еще угроза в мой адрес — и пойдешь домой пешком. Одна, — процедил Тимур, чувствуя, как волной нарастает раздражение от выходов Казарезовой.

— Одна уж точно не пойду... — хмыкнула она, ища поддержки у Леси, но подружка еще не выбралась из палатки. — Если хоть царапинку оставишь на аппарате, денег будешь должен.

— Всю жизнь вкалывать буду, лишь бы расплатиться, — обронил Тимур и пошел собирать рюкзак.

Он чувствовал, что Наташку аж наизнанку выворачивает от желания обложить его последними словами, но страх остаться одной в лесу удерживает ее от опрометчивых поступков. Это хорошо, пусть побаивается. Именно его пусть боится, а не остальных пацанов.

— Завтракать будем или сразу почапаем? — деловито поинтересовался Сергуня, заталкивая пистолет за ремень.

— Перекусить надо перед переправой обязательно, — встрял Ворожцов. — Там неизвестно когда еще успеем поесть.

— Печенье с минералкой, — решил Тимур. — Горячее некогда готовить. Чем скорее на ту сторону переберемся, тем лучше. За сегодня надо успеть до места дойти.

— А рядом брода нет? Или моста? — шмыгнув носом, спросил Мазила. — Ну а то, может, ловчее пешком, чем на лодке-то туда-сюда, а?

— Брат говорил, что есть старая пристань выше по течению, — сказал Ворожцов, выдергивая колышки из земли. — Там мост неподалеку, но полно аномалий.

— Покажи-ка, где именно? — попросил Тимур, доставая ПДА.

Ворожцов взгляделся в карту, подвигал по экрану пальцем, приблизил и ткнул в небольшую заводь. Судя по размеру квадратов на масштабной сетке, от их лагеря до пристани было километров пять.

— Далеко, — покачал головой Тимур. — Часа два потеряем. На лодке будет быстрее.

Мелкий вздохнул и принялся сосредоточенно грызть печенье. Лопатки торчали под олимпийкой, как два обрубленных крыла. От его вчерашнего энтузиазма не осталось и следа.

Когда с сухим завтраком было покончено, а спальники и палатки уложены, Тимур подозвал Ворожцова. Протянул свернутую в виде сигары лодку с прицепленным к чехлу ножным насосом.

— На-ка, потащи малость. Я вчера весь день горбатился.

Ворожцов пожал плечами и без пререканий принял ношу. «Интересно, — подумал Тимур, искоса взглянув на ботана, — если ему рюкзак свой всучить, так же безропотно согласится корячиться? Мямля. Какой в школе мямля, такой же и в чащобе».

— К реке выходим тихо, — вслух сказал он, обращаясь ко всем. — Я иду первым, замыкает Сергуня. Вопросы?

— Лучше б все-таки через мост, — пробормотал Мазила.

— Вопросов нет. Надеюсь, все отключили мобилки? — Тимур посмотрел на демонстративно отвернувшуюся Казарезову. — А то если кто на дискотеку собирался, то поворотом ошибся.

Сергуня хихикнул и вытащил из-за пояса пистолет — массивный ствол ему там явно мешал.

Тимур сунул ПДА в карман и положил цевье обреза на левую ладонь. Правая удобно лежала на рукояти. Ружье добавляло уверенности, от тяжести металла веяло некой магией силы. А еще Леся смотрела на него с оружием в руках уважительно, и это зажигало в груди приятный огонек гордости.

Раздвинув заросли борщевика, Тимур шагнул на склон в сторону просвета между деревьями. Судя по карте, там текла Припять, на другом берегу которой уже была Зона.

Территория отчуждения вокруг бывшей атомной станции, ставшая после некоего катаклизма приютом для ботанов и чудаковатых старателей, ищущих здесь необычные штуковины — артефакты. Про Зону ходило множество самых противоречивых слухов и баек в интернете. Кто-то утверждал, что в глубине территории — проход в параллельный мир, откуда то и дело прорывается нечисть, другие рассказывали о клондайке, где спрятаны сокровища древних поселенцев, и охраняют их призраки с заточенными в кулоны душами. Чего только не болтали... Достоверно было известно лишь то, что местность считалась закрытой и охранялась как внутренними войсками Украины, так и сводными отрядами миротворцев.

Лично Тимур знал лишь одного побывавшего в Зоне очевидца — унылого брата Ворожцова. Но делиться впечатлениями тот не любил, да и вообще болезненно реагировал на любые попытки заговорить на скользкую тему. Правда, время от времени Павел напивался, и вот тогда уж его проносило на полную катушку. Он трепал пальцами густую шевелюру с тремя белоснежно-седыми клочками и заводил извечную песню о проклятии, лежащем на гиблой земле, о том, как их экспедиция обнаружила аномалию с уникальными свойствами и разбила лагерь неподалеку, чтобы изучить влияние каких-то загадочных хронополей на живые организмы. Якобы ростки пшеницы, используемые в качестве опытных образцов, после длительного воздействия аномалии становились моложе.

Это все, что можно было понять из путаных бредней брата Ворожцова. После третьего стакана он скатывался в такую заумь, что становилось тошно. А потом его неизменно срывало. Он вскакивал, бешено вращая глазами, и завывал, словно умалишенный: «Разряди-и-лась! Эта херовина разрядилась в обратную сторону...» Тимур становился свидетелем нескольких таких истерик, и первое время они его даже потешали. Но потом Ворожцов, которому надоели насмешки в адрес брата, растолковал, что произошло с экспедицией на самом деле, и это заставило Тимура крепко задуматься о свойствах загадочной аномалии...

Нога внезапно с громким чавком провалилась по щиколотку в грязь. Тимур затормозил, но в спину врезался Мазила, и ему пришлось по инерции еще раз шагнуть вперед. Вновь смачно чавкнуло, и жижа едва не попала внутрь ботинка.

— Стой ты! — шикнул он. — Здесь ил.

— Тогда пошли к мосту, — обрадовался Мазила.

— Да что ты заладил со своим мостом, — рассердился Тимур, вынимая ногу из черной мути. — Найдем спуск подтверже или опору какую-нибудь и переправимся. Ворожцов, глянь левее, а я посмотрю вон там, где дерево упавшее. Остальные, тут ждите.

Ворожцов бросил свернутую лодку на траву и пошел вдоль берега вниз по течению. Тимур скинул рюкзак и отправился в противоположную сторону.

До грохнувшей в воду могучей осины на глазок было метров пятьдесят — ствол с ошметками коры мелькал сквозь частокол камыша как ориентир. Где-то вдалеке, на грани слышимости, разносилось кваканье лягушки — единственный звук, на который расщедрился лес, не считая легкого журчания воды под корягами и шелеста густых ветвей плакучей ивы.

Налегке шагалось гораздо веселее, но Тимур не торопился. Он отодвигал стволом зеленые стебли и тщательно выбирал место, прежде чем поставить ногу: провалиться в холодную жижу и промочить носки не хотелось.

Когда до лежащей осины оставалось рукой подать, возле вздыбленной корнем земли что-то блеснуло. Тимур остановился и присмотрелся. Зрение его не обмануло: рядом с влажными комьями валялся предмет.

Сердце заухало в груди. Тимур оглянулся. Никого. Он взял обрез наизготовку и осторожно подошел ближе.

Очки смотрелись здесь настолько неестественно, что Тимур даже несколько раз моргнул — не показалось ли... Нет. Не показалось. Изящные, в тонкой золотой оправе, какие обычно носят состоятельные люди, корчащие из себя современную интеллигенцию.

Вроде бы ничего особенного, но сердце продолжало колотиться, а мозг подмечал нестыковку в окружающем пейзаже. Тимур не сразу понял, что именно его пугает, а когда понял, замер и с недоумением поглядел на землю вокруг очков.

Ни одного следа.

Получалась странная картина. Хозяин очков вовсе не обронил их, а выбросил, швырнул зачем-то подальше от себя. И оставалось лишь гадать, откуда он бросал: с обрывистого берега или из воды. От последней мысли у Тимура по хребту пробежали мурашки.

— Чертовщина какая-то, — прошептал он, нагибаясь и берясь двумя пальцами за дужку.

Вблизи очки уже не выглядели дорогими. Линзы оказались пластиковыми, а оправа в некоторых местах покрылась ржавчиной, что исключало благородство металла.

И как только стало ясно, что аксессуар — дешевый ширпотреб, ощущение тайны и опасности вдруг улетучилось. словно кто-то незримой рукой сдернул расшитый бисером шелк, а под ним вместо ларца с сокровищами обнаружился старый сундук с чердачным бараклом.

Повертев очки, Тимур бросил их обратно на землю. Зло сплюнул, развернулся и пошел к упавшему дереву. Надо же, повелся на ерунду, да еще и струсил, как последний лошок. Главное, пацанам не рассказывать, а то зашпыняют.

Осина лежала тут давно. Кору на ней почти не осталось, гнилые листья устилали все вокруг, толстая ветка торчала вбок и наполовину скрывалась под глянцевиной рябью. Река здесь делала плавный поворот, а из-за длинного ствола, упавшего поперек течения, образовалась запруда.

Тимур пригнул ботинком тростник, надавил. Стебли с хрустом переломились у основания и с шелестом легли вдоль берега. Повторив процедуру несколько раз, он соорудил камышовый настил. Теперь здесь можно попробовать спустить лодку на воду, не замочив ноги.

— Эй, — громким шепотом позвал Тимур.

— Чего там? — откликнулся Сергуня.

— Хватайте мой рюкзак, лодку и валите сюда.

Сергуня кликнул Ворожцова, слышалась возня, приглушенные пререкания, и через несколько минут в проходе между камышами, который промял Тимур, возникла лопоухая физиономия Мазилы. За ним — брезгливое личико Казарезовой.

— Ну и вонь, — заявила Наташка, отдирая с рукава кофты репей. — Я думала, речка будет приличная, а тут — болото.

— О, глянь-ка, Ворожа, — усмехнулся показавшийся следом Сергуня, — прибор глазного видения. Не твой братец, случаем, посеял?

Ворожцов посмотрел на очки, не подходя близко, и покачал головой.

— Ты натоптал? — спросил он, указывая Тимуру на следы.

— Я.

— И больше не было следов?

— Вроде не было.

— Странно. Получается, их не обронили, а зашвырнули сюда.

Тимур пренебрежительно хмыкнул, вспоминая, что схожая мысль посетила его первым.

— Уже догадался, умник. Ну и что с того? Вон с обрыва могли скинуть — мало ли...

Ворожцов глянул вверх, сквозь ветки, потом обернулся и всмотрелся в дальний конец запруды, где над водой стлалась эфирная пелена тумана. Зябко повел плечами и уточнил:

— Кто с кем плывет?

Сергуня открыл было рот, но подвигал нижней челюстью и захлопнул обратно, так и не решившись выдвинуть кандидатуры на первый рейс. Девочки молча переглянулись, а Мазила насупился пуще прежнего, будто обидели его чем.

— Лодка выдерживает троих, — сказал Тимур, расшнуровывая тесьму и стягивая чехол. — Я перевожу Казарезову с Сергуней и возвращаюсь. Подхватываю Лесю, а последним рейсом забираю Ворожцова и мелкого.

— В обратную сторону ты дважды будешь плыть один, — с беспокойством подметил Ворожцов. — Не боишься?

Тимур исподлобья поглядел на него, но ботан глаза не отвел, хотя и прищурился слегка потерянно — словно забыл трижды зазубренную формулу в самый разгар контрольной и теперь спешно пытался вспомнить.

— Уж как-нибудь сумею за себя постоять, — ответил наконец Тимур, качнув обрезом из стороны в сторону. — А если рыбка какая попробует укусить — скормлю ей заряд дробы и тебя на уху позову.

Сергуня фыркнул, и даже смурной Мазила улыбнулся. Ворожцов остался серьезен.

— Грести и стрелять одновременно неудобно, — произнес он после паузы.

— Разберусь, — отрезал Тимур, втыкая шланг насоса в клапан и пробуя ногой педаль. Воздух с шипением потек в лодку. — Есть контакт. Ну, что смотришь — качай, стратег. Философствовать на том берегу будем.

— Боюсь, не успеем, — огрызнулся Ворожцов, принимаясь ритмично давить на педаль.

— А ты не бойся, — чтобы оставить последнее слово за собой, проворчал Тимур. — От страха какашки бывают жидкие.

Надутая лодка выглядела солидно, и казалось, что пузатое плавсредство готово принять на борт сразу всю группу. Но ощущение было обманчивым — грузоподъемность «Волны» ограничивалась двумя сотнями кило, поэтому садиться можно было только втроем.

Тимур собрал дюралевые весла, сунул их в уключины и толкнул лодку на воду. Придержал, чтобы не уплыла, закинул рюкзак, аккуратно забрался на переднее сиденье, не выпуская из рук обрез, и скомандовал:

— Сергуня, Наташка, запрыгивайте со шмотками. Ворожцов, ты за старшего остаешься. Скоро вернусь.

Дождавшись, когда Казарезова и блондинчик угнездятся на заднем сиденье и перестанут качать лодку, Тимур оттолкнулся от ветки осины и стал тихонько грести вдоль упавшего ствола. Но уже через несколько метров пришлось отрулить в сторону, чтобы не увязнуть в полумесяце запруженного мусора. Как только лодка отплыла от дерева, ее стало сносить на фарватер, и чем дальше, тем сложнее было справляться с течением. «Волна» рассчитывалась на двоих, и поэтому даже с учетом небольшого веса подростков корма была немного перегружена и проседала.

— Давай помогу, — проявил энтузиазм Сергуня, поглядывая на скорость убегания.

— Сиди, не рыпайся, — пропыхтел Тимур, налегая на весла. — Справлюсь.

С середины реки окружающий пейзаж выглядел совсем иначе, чем с берега. Косые солнечные лучи здесь долбили прямо в глаза, заставляя жмуриться, а подсвеченный туман напоминал молочный ковер, наброшенный на волны. В постоянном движении белесой пелены чудились призрачные силуэты: будто неведомые существа пытались вырваться из темной пучины и взмыть в воздух. Но не могли пробиться через волнистую пленку поверхности, и поэтому лишь их смутные тени кружили в бледном месиве.

— Бр-р, — поежилась Наташка, придвигаясь ближе к Сергуне. — Зябко тут.

— Пригнитесь, — сказал Тимур, загребая под нависшие ветви и ища, где бы причалить. — И хорош лодку раскачивать! Опрокинемся — сушиться негде.

В поисках пологого берега пришлось проплыть еще метров десять. За извилистыми корневищами обнаружился песчаный пятачок отмели, оборудованный когда-то под рыбацкое место.

Тимур с удивлением оглядывал гнилые рогадины, выбираясь на берег и подтаскивая лодку. Насколько он знал, вода в Припяти была заражена, и рыбы здесь не водилось. Каких же зверюг ловили неизвестные удильщики? Мутировавших ротанов?

Казарезова шагнула на берег и, зацепившись кроссовкой за борт, грохнулась на четвереньки.

— Грёбаная посуда! — возмущенно воскликнула она, лягнув ни в чем не повинную лодку. — Так и знала, что испачкаюсь с этими вашими плавучими резинками.

Сергуня, поводя пистолетом из стороны в сторону, обошел песчаный пятачок по периметру и остановился возле еле заметной тропы. В этот момент он до боли напоминал лощенного героя какого-то второсортного молодежного триллера. Именно такие ковбои обычно смело предлагают разделить и погибают первыми.

— Я за Лесей, — сказал Тимур, отчаливая. — Ждите здесь и не горланьте на всю округу.

— В тумане не заблудись, Одиссей, — напутствовала вдогонку Наташка, отряхивая колени.

Все-таки коза — она и в чашобе козой остается. Если б в этот момент Тимур предложили заново набрать команду для вылазки в Зону, он бы трижды подумал насчет кандидатуры Казарезовой. Интересно, красивые ножки всегда идут в комплекте с непомерным гонором?

Вот Леся — совсем другое дело. Она не выставляет свои достоинства напоказ при первом удобном случае, хотя похвастаться есть чем — в этом Тимур убедился, когда их класс ходил в бассейн на физре.

Леся была спокойной девочкой, без особых понтов, и Тимура давно тянуло к ней. Гулять он не предлагал, но, если выпадала возможность, старался быть рядом. Однажды они остались вдвоем на уборку в классе физики, и, помогая переворачивать стулья, Тимур оказался так близко к Лесе, что не нарочно коснулся предплечьем ее груди.

В тот момент они сделали вид, что ничего не произошло, но он до сих пор помнил это мимолетное касание, обжегшее руку даже через блузку и оставившее ощущение незавершенности. Хотелось снова дотронуться до тела Леси, обнять, прижать к себе, но Тимур не хватало смелости и умения подкатить к ней. Он до этого лишь единожды целовался с девушкой — на дискотеке в восьмом классе, но от той неумелой близости не осталось ничего, кроме дурного алкогольного послевкусия и прикушенной губы.

С Лесей все должно было произойти иначе — нежно и осторожно. Но она до вчерашнего вечера смотрела на него ровно: без признаков симпатии или неприязни. И вот появившееся в руках оружие вдруг произвело магический эффект: во взгляде Леси появился взрослый женский интерес, который волнует всех пацанов старше тринадцати.

Тимур в предвкушении, что через несколько минут останется наедине с Лесей, налегал на весла изо всех сил. Несмотря на то, что гнать лодку приходилось против течения, скорость была приличной — ведь корму теперь ничто не тяготило. Обогнув запруду, он махнул ждавшим на берегу товарищам и ухватился за ветку осины.

— Ну как? — с беспокойством спросил Ворожцов, едва он причалил.

— Каком кверху, — ответил Тимур, не глядя на него. — Нормально все.

Леся стояла в стороне и о чем-то говорила с Мазилой. Тимур нетерпеливо похлопал веслом по примятому тростнику.

— Я следующая? — обернулась она.

— Да, — слишком поспешно сказал Тимур. И тут же нарочито безразличным тоном добавил: — Можно, конечно, пацанов сначала перевезти, но одной тебе ждать будет не в кайф.

— Я могу с ней остаться, — предложил Ворожцов. — Забирай Мазилу, а потом за нами вернешься.

Тимур пристально посмотрел на него, но ботан опять выдержал взгляд.

— Леся, садись, — велел Тимур, подгребая кормой вперед. — А вам, мальчики, вдвоем веселее будет от людоедов отбиваться.

— В реке ничего подозрительного не заметил? — проигнорировав подначку, поинтересовался Ворожцов.

— Заметил, — проворчал Тимур, помогая Лесе забраться в лодку. — Титаник на дне валяется, и русалки вокруг кружат.

— Будь осторожен. Брат говорил, что в воде тоже аномалии встречаются.

Тимур с силой оттолкнулся веслом и в три гребка оплыл запруду. Серьезность ботана реально бесила. Мнит себя рассудительным, поучает, советами кормит, как старший.

«Надо будет его при случае на место поставить. Перед всеми, публично», — мелькнула подленькая мыслишка, и Тимур хищно улыбнулся ей в ответ.

Леся сидела напротив и смотрела вбок, на полупрозрачную пелену. Утренняя мгла не спешила рассеиваться, хотя уже не было так промозгло, как час назад. Туман жил здесь своей жизнью — неспешной и отстраненной. Он был стражем загадок того берега, приграничной полосой.

Плеск весел замирал в текучей дымке.

— Веришь, что та штуковина аномальная существует, про которую Ворожцов рассказывал? — нарушила молчание Леся.

Тимур пожал плечами.

— Наверное, существует. Ведь не просто так его братец с академиками там эксперименты проводили.

— А тебе не страшно? Ну они же вроде собирались омоложение изобрести... А получилось-то — вон как.

— Чего бояться? — усмехнулся Тимур, подгребая левым веслом. — Старперы лопухнулись, а нам это на руку.

— Ну не знаю, — замялась Леся. — Ворожцов говорил...

— Да что ты заладила: Ворожцов, Ворожцов, — обозлился Тимур. Он совсем не так планировал провести эти минуты вдвоем с Лесей, и упоминание ботана его раздражало. — Лох твой Ворожцов. Раз решили найти источник, значит, найдем и попробуем, как он работает. А Ворожцов пусть домой к маме топает, если трусит.

— Да он вроде не трусит, — нахмурилась Леся. — Чего ты разошелся?

— Ничего, — буркнул Тимур. Ему уже не казалось, что Леся смотрит на него как-то по-особенному. — Приплыли. Вылезай.

— Не обижайся, — шепнула она и подмигнула. — Мне страшновато, но если все получится, как мы задумали, то ты будешь молодец.

— Почему я-то? — опешил Тимур, мигом оттаивая.

— Без тебя я бы не пошла.

Леся выбралась на берег и направилась к подбежавшей Казарезовой, оставив Тимура в крайне приподнятом настроении. Воодушевленный, он бросил что-то ободряющее Сергуне и отплыл в последний рейс, за оставшимися пацанами.

Все-таки он лидер их группы. Если уж Леся призналась, что пошла за ним, а не за Ворожцовым, то — без вариантов. И дело, видимо, не только в том, у кого крутая пушка.

Задорно борясь с течением и направляя лодку к запруде, Тимур заметил темное пятно в глубине, но не придал этому значения. Мало ли что может почудиться в воде под покровом вездесущего тумана.

Пацаны ждали его, устроившись на осине. Как только Тимур подогнал лодку, Ворожцов побросал в нее оставшиеся вещи и сам забрался на сиденье.

— Ничего не забыли? — уточнил Тимур.

— Вроде нет, — огляделся Ворожцов. — Мазила, готов?

Мелкий продолжал стоять в метре от берега и ворошить носком ботинка утоптаный камыш. Сутулился, хмуро глядел в сторону. Тимур обратил внимание, что пацан бледнее обычного.

— Мазила, ты чего? — спросил он. — Нет в реке аномалий. Тебе Ворожцов, что ль, ерунды наплел? Нашел кого слушать.

— А я и не боюсь аномалий, — пробормотал Мазила. — Я даже знаю, как выглядят кое-какие...

— Чего тогда?

Мелкий сжал губы в звездочку, отчего его утопшее в тени лицо стало похоже на недоспелый лимон.

— Я воды боюсь, — наконец выдавил он, так и не двинувшись с места. — С детства. Там глубоко, я знаю. И дна нет.

— Дно везде есть, — резонно заметил Ворожцов. — К тому же тебя никто не заставляет вплавать.

— Все равно не могу, — дрогнувшим голосом повторил Мазила и шмыгнул носом. — Если глубже, чем по шейку, не могу.

— Так, — решительно сказал Тимур, — воздушных шариков у нас нет, чтоб тебя, как Винни-Пуха, по небу переправить. Так что сигай в лодку и не дрейфь. Совсем страшно станет — зажмуришься.

Мазила сглотнул: кадык поднялся по шее вверх и резко упал, словно поршень. Он неуверенно шагнул вперед и опять замер как вкопанный.

— Да хватит уже выделываться! — повысил голос Тимур, заставив мелкого вздрогнуть. — Всю дорогу заливал про бравых сталкеров да про то, как Зону будешь бороздить, а теперь струхнул от какой-то речки-вонючки. Живо давай на борт или домой топай!

С шумом втянув побольше воздуха, Мазила набрался смелости и залез в лодку. Резиновое дно под ногами заходило ходуном, и ему пришлось ухватиться за осину, чтоб не грохнуться за борт. Сказать ничего не сказал, но рожа от испуга стала нежно-мраморной.

— Сядь и не вихляйся, — посоветовал Тимур с усмешкой.

Мазила рухнул на сиденье как подкошенный и вцепился в тесьму на бортике. Тупо уставился в грудь Тимуру, будто даже мимолежный взгляд на воду мог пробудить Ктулху или кого покруче.

— Не понимаю тех, кто воды боится, — признался Тимур, отгребая по знакомому уже маршруту. — Пить могут, в ванной купаются, под дождем — тоже ничего, а как в глубину посмотрят — сразу в ступор.

— Это совсем другое, — бледными губами прошептал Мазила. — Под дождем не утонешь.

— Зато в стакане, а уж тем более в ванной — запросто.

Ворожцов достал ПДА и перевел в активный режим. Прибор тут же завибрировал, приковав общее внимание. Тимур на некоторое время даже перестал ворочать веслами.

— Не греби, — шикнул Ворожцов, вглядываясь в экран.

— Я и не гребу, — огрызнулся он. — Течением несет.

Ворожцов вдруг оторвал взгляд от наладонника и расширенными от ужаса глазами вперился поверх Тимурова плеча.

— Кто там? — дернулся Тимур, хватаясь за обрез и выкручивая голову.

— Не кто, а что, — осипшим голосом процедил Ворожцов. — Поворачивай!

Неподдельная тревога в голосе товарища заставила Тимура послушаться. Он бросил ему ствол и взялся за весла. В ушах загромыхла кровь, адреналин потек по жилам.

— Стрелять умеешь?

Ворожцов положил ружье между собой и окаменевшим Мазилой, приподнялся, чтобы было лучше видно.

— Не поможет, — прошептал он.

— Я говорил, что надо по мосту, — часто дыша, обронил мелкий.

— Да что, блин, там такое...

Нервы у Тимура не выдержали, и он несколькими мощными движениями развернул лодку кормой вперед, чтобы видеть происходящее.

Фарватер они уже миновали и теперь приближались к противоположному берегу, где на песчаном пятачке топтались Леся с Казарезовой, а рядом застыл с поднятым пистолетом Сергуня. Тимур провел взглядом вдоль воображаемой линии прицела и сначала не заметил ничего необычного.

Волны, опостылевшая туманная пелена, безжизненная коряга, торчащая из воды. Тимур даже подумал, что Сергуня выцеливает кого-то на другом берегу, но и там не было ничего примечательного.

А потом он увидел. И неприятный морозец пробежал по спине, оставив россыпь мурашек.

В глубине, где он давеча приметил темное пятно, повис фиолетовый сгусток. Уплотнение напоминало разбухшего с голодухи кальмара, окруженного чернильной кляксой. Но это... было неживым. То есть оно двигалось, пульсировало, но не вписывалось в знакомые представления о живых существах.

Над сгустком вода постепенно вспухала прозрачной полусферой, и если бы Ворожцов вовремя не углядел опасность и не велел Тимуру отгрести в сторону, то их лодка вписалась бы точно в эту штуку.

— Твой брат о таких... хреновинах рассказывал? — продолжая машинально плескать веслами, спросил Тимур.

— Тише ты, — одернул Ворожцов. — Он говорил про водные аномалии. Кажется, называл их «неводами» и «чернильницами».

— Судя по цвету, «чернильница». И что она делает?

— Понятия не имею. Но подплывать близко нежелательно.

— Сверчку понятно.

Тимур подрулил к отмели и почувствовал легкий толчок — лодка коснулась берега. Мазиле к лицу прилила кровь. Он тотчас перестал быть похожим на изваяние и закрутил башкой, отыскивая аномалию.

— Ух ты-ы-ы... Красивая.

Тимур выбрался на песок и подтянул «Волну». Ворожцов и мелкий тоже вылезли, быстро разгрузили вещи и полностью втянули лодку на сушу.

Сфера над «чернильницей» тем временем продолжала подниматься. Вода в этом месте словно игнорировала законы физики, и течение огибало шар метров полутора в диаметре со всех сторон. Даже белесая мгла расступилась, пропуская невиданную диковину. Сквозь прозрачную пленку было заметно, как внутри сферы клубится темная взвесь. Оставалось только гадать, что породило такую небывальщину — радиация, аномальные поля или что-то вовсе неподвластное человеческому разуму.

Тимур почувствовал, как ладони коснулось что-то теплое, и опустил взгляд. Леся взяла его за руку, но смотреть продолжала на возносящуюся над водами Припяти «чернильницу». Он сжал ее руку и покосился на Ворожцова. Почему-то захотелось, чтобы ботан увидел недвусмысленный жест, но того полностью поглотила картинка на ПДА. «Гляди-гляди в свой мониторчик, — мстительно подумал Тимур, — все проглядишь».

— Может, уже хватит пялиться на эту жабу, — громко заявила Казарезова. — Булькает почем зря...

И сфера будто слышала ее. С тихим журчанием шар отделился от поверхности воды и окончательно превратился в самостоятельный объект. Завис на мгновение в полуметре над рекой, будто раздумывая, что дальше делать. А затем поплыл к берегу.

Прямо на них.

Тимур дернулся, чувствуя, как накатывает новая волна страха. Выпустил руку Леси и, проклиная про себя голосистую Казарезову, подхватил рюкзак и оружие.

Складывать лодку теперь было некогда — придется тянуть за собой.

— Ну-ка, помоги взя...

Договорить Тимур не успел. Первый выстрел оглушил, будто рядом пальнули не из ТТ, а по меньшей мере из гаубицы. За ним прогремели второй и третий.

Девчонки с визгом бросились наутек, Мазила смотрел на прошитый пулями шар, отвалив челюсть, а Ворожцов схватил одуревшего Сергуню за шиворот и потянул за собой в лес. Тот продолжал стрелять по надвигающейся сфере, расходуя патроны, безбожно паля всю группу и выкрикивая угрозы.

Тимур бросился на помощь Ворожцову, понимая, что если не утащить разбушевавшегося блонду с песчаного пятка, то через пару секунд прозрачный шар, удерживаемый в воздухе неизвестным полем, его накроет. И что произойдет тогда — одному дьяволу известно.

— Хорош! — гаркнул он Сергуне в самое ухо, хватая за запястье. — Валим отсюда!

— Я его почти добил... — с сумасшедшим блеском в глазах прохрипел блондинчик. — Пусти!

Громыкнул последний выстрел, и сработал механизм задержки: затвор замер в крайнем заднем положении. На левой руке у Сергуни, между большим и указательным пальцами, красовалось несколько кровоточащих ранок — правильно держать оружие во время стрельбы он не умел.

— Кретин! — выцедил Тимур, волоча блондина за собой. — Все патроны просрал!

— Я ж его почти...

— Это он тебя почти! — внезапно взорвался Ворожцов, с размаху всаживая Сергуне под дых. — Заткнись и валим, пока целы!

Сергуня переломился пополам, но продолжил, кашляя, автоматически переставлять ноги. Тимур отпустил его и поволок за собой лодку с единственным оставшимся веслом. За вторым возвращаться на берег было поздно.

Они еще долго драпали сломя голову, углубляясь в чащу, стараясь не потерять из виду Мазилу и девчонок, мелькающих впереди. Ворожцов сопел рядом с обескураженным Сергуней, не давая ему отстать.

Под ногами хрустели ветки, по лицу хлестали ветки, по сторонам мельтешили сотни и тысячи веток — но никто не решался обернуться или остановиться до тех пор, пока дыхание не сбилось окончательно и сил ломиться сквозь густой лес уже не осталось.

Первыми выдохлись девчонки. Леся просто села на бревно и помотала головой: мол, все, не могу больше. Рядом брякнулась Казарезова. Мазила остановился и уперся ладонями в колени, вздымая спину, как загнанная гончая. Ворожцов оттолкнул от себя растрепанного Сергуню и тоже наклонился, переводя дух.

Тимур разжал наконец кулак и выпустил веревку, за которую тащил лодку. Грудь жгло изнутри, будто в легкие вместо воздуха впрыснули кислотного пара, оцарапанную во время бега шею щипало, на разорванном рукаве болталась целая гроздь репьев. В висках продолжала стучать кровь, лямки рюкзака резали плечи, а обрез тяготил руку.

И вся эта ерунда меркла перед осознанием единственного факта...

Ни одна пуля из целого расстрелянного магазина не причинила вреда штуковине, поднявшейся из глубины Припяти.

Ни одна.

Глава третья. Минус один

— И что дальше?

Вопрос этот, кажется, висел в воздухе. И Ворожцов решился-таки спросить о том, о чем другие старательно молчали.

Леся, сидевшая на бревне, только пожала плечами. Наташка вроде бы вовсе ничего не услышала. Зато Сергуня с Тимуром отреагировали мгновенно.

— Тебя спросить забыли, — зло пробурчал первый.

— А ты что предлагаешь? — поинтересовался второй.

Ворожцов поглядел на Тимура. С Сергуней все и так понятно: напугался, сорвался, да еще и под дых получил. И было б от кого, а то от Ворожцова. Вот если бы Тимур его пнул,

он бы воспринял это нормально: Тимур для него лидер. А Ворожцов кто? Зануда и лох. От такого и получить-то стыдно. Так что блондинчик теперь будет долго злиться и тюкать его при первой возможности.

От понимания этого ему вдруг стало немного легче и спокойнее. Хотя что-то становится понятно и предсказуемо.

То ли дело Тимур. К чему он спрашивает? Или его действительно интересует мнение Ворожцова? С чего вдруг?

— Устроить привал, — осторожно предложил он.

От робкой фразы Сергуня воспрянул духом, даже вдохнул поглубже, набирая воздуха для яркой, долгой и уничижительной тирады. Но не успел.

— Какой привал, Ворожейкин? Кукукнулся? — Голос Наташки зазвенел от напряжения. — Зачем нам здесь сидеть? Ждать, пока эта штука придет и сожрет нас?

— Казарезова, а от тебя иногда польза бывает, — обрадовался Сергуня. — Давай прессуй жирдяя.

— Иди в пень, — фыркнула Наташка. — Без тебя разберусь.

— Он не жирдай, — вступился притихший было Мазил.

— А ты вообще молчи, мелочь, — огрызнулся Сергуня.

Тихих, еще минуту назад не находивших слов ребят будто прорвало.

Только двое молчали. Леся устало, Тимур выжидательно.

Ворожцову назревающий скандал не нравился. Ему было что сказать каждому, начиная от Тимура, который набрал в команду невесть кого, как будто они в кино сходить собрались, и заканчивая Наташкой, которая откровенно истерила. Но здравый смысл подсказывал, что подливать масла в огонь не стоит, наоборот, надо скорее прекращать перепалку.

Тимур, видимо, тоже что-то для себя решил. Он серьезно сказал:

— Давайте по порядку.

— Ворожа паникер, — тут же выпалил Сергуня, торопясь застолбить первое слово.

— Так это ты стрельбу на берегу устроил, — ехидно заметил Мазил. — А мне показалось...

— Глохни, — бросил блондинчик. — Без сопливых скользко.

Он нелепо вскинулся, размашисто разбросав в стороны руки, сделал испуганную рожу, словно падал. В следующее мгновение лицо его снова стало собранным и злобным.

— Ой, поскользнулся, — поведаль Сергуня, и яда в его голосе было больше, чем до того у Мазилы.

— Когда кажется, креститься надо, — поддакнула Наташка.

Ворожцов ждал, когда они выдохнутся. Спорить бесполезно. Каждое слово против только раззадорит, и базару не будет конца и края.

— Хорошо, — сказал он тихо и вполне миролюбиво. — У нас есть три варианта. Либо мы возвращаемся, либо идем дальше, либо останавливаемся пока.

— Пока что? — чуть не взвизгнула Наташка. — Пока та дрянь не придет и не...

Ворожцов спокойно посмотрел на Наташку. Уверенности у него не было ни грамма, но показывать это сейчас нельзя.

— Та дрянь, — стараясь добавить в голос твердости, продолжил он, — никуда не придет. Она в воде живет. Так что либо...

— Ладно, — поморщился Тимур. — Хорош нудить. Слышали уже. Что скажете? Кто за то, чтобы вернуться? Там весло осталось и...

— Назад я не пойду, — тихо, но твердо сказала Леся.

— Я тоже, — поддакнул Мазил.

Наташка только посмотрела на Тимура, но так, что стало ясно: назад она не пойдет даже под дулом обреза.

— Можно вперед попробовать, — самоуверенно заявил Сергуня. — Чего на месте сидеть? Ворожа дристан, с ним все понятно. А нам-то что?

Ворожцов глянул на блондина и промолчал. Возражать сейчас не было никакого смысла.

Вперед идти незачем. Девчонки устали. Переправа плюс пробежка. Да еще стресс. Им сейчас отдохнуть надо, да и перекусить не помешает. И потом — дальше топтать всем гуртом тоже ни к чему. Лучше сначала вдвоем-втроем налегке пройти по карте, поглядеть, что там впереди да как, а потом уже с вещами, всей компанией.

Все это было разумно. Вот только кто услышит, если он, Ворожцов об этом скажет?

— Девочки устали, — перехватил Мазила аргумент Сергуни.

— Это кто? — хохотнул блондин. — Казарезова, что ли? Да на ней пахать можно.

— А ты умеешь? — брезгливо поморщилась Наташка.

— Не пробовал. Зато я опытный наездник. Ты любишь верховую езду? — Голос у Сергуни стал елейным.

— Перебьешься, скакун, — ледяным тоном ответила Наташка. — Вон, на мелком скачи.

Ворожцов не слушал перебранки. Он только переводил взгляд с одного из однокашников на другого и искал поддержки. Но Мазила в виде поддержки не котиrowался, Наташка с Сергуней были увлечены склокой, да и не встали бы на его сторону. Тимур подозрительно притих. И только Леся...

Он вдруг поймал ее взгляд. Теплый, понимающий и, кажется, такой родной.

«Ты должна меня понять, должна помочь, если я что-то для тебя значу», — закричал он одними глазами, ни на что особенно не рассчитывая. Но, видимо, во взгляде его было столько мольбы, что она услышала и поняла. Иначе Ворожцов объяснить бы этого не смог.

— Я тоже думаю, что нам надо остановиться и передохнуть, — сказала Леся.

Негромко, но услышали все. Даже Сергуня с Наташкой примолкли.

— Все равно скоро обедать. Так почему не здесь, если мы уже остановились? Отдохнем и с новыми силами пойдем дальше. А пока мы будем готовить, кто-то может вперед сходить и проведать, что там.

Ворожцов с благодарностью посмотрел на Лесю. Та будто поняла, улыбнулась в ответ. Легкой светлой улыбкой.

— Что там смотреть? — расстроился блондин. — Карта же есть.

— Это Зона, — одернул Мазила. — Тут карты точной быть не может. Я в интернете на одном сталкерском сайте читал...

— Мелким слова не давали, — скривился Сергуня.

Ему приходилось работать на несколько фронтов, и первоначальный запал, разделившись на разные цели, постепенно сходил на нет.

— Ладно, — решил за всех Тимур, переводивший мрачный взгляд с Ворожцова на Лесю и обратно. — Привал.

Он повернулся к Сергуне.

— Девчонки готовят, вы с мелким занимаетесь костром. А мы с Ворожцовым — на разведку.

— А чего не со мной? — вскинулся блондин.

— Так надо, — коротко бросил Тимур и пошел к незнакомому еще краю поляны.

Сергуня насупился, но спорить не стал, только зло зыркнул на Ворожцова.

— Ну? — окликнул Тимур.

И Ворожцов поспешил следом.

Тимур шел неторопливо, осторожно. Не то прислушался наконец к голосу разума, не то без обреза, оставленного на поляне вместе с вещами, чувствовал себя не очень-то уверенно. Ворожцов какое-то время послушно шлепал следом. Наконец не выдержал.

— Куда идем?

— Прямо, по карте, — ответил Тимур.

Сказано это было таким тоном, что продолжение беседы вроде бы и не подразумевалось. И Ворожцов замолчал. Тем более что и самому говорить особенно не хотелось.

Все выходило не так. Если раньше попутчики казались не совсем к месту, то после первого же опасного момента все разлеглось по полочкам, и стало ясно, что компания подобралась паршивая.

На кого положиться?

Мазила хоть и на его стороне, а все воспринимает как забаву. Пусть она и пугает временами, но для него это только игра. Наташка с Сергуней... Этих даже комментировать не хочется. Леся девушка сообразительная, уравновешенная, но домашняя. Не место ей здесь. Хотя если б не она...

Еще Тимур. Но чего ждать от человека, которого сам пригласил в этот поход, Ворожцов не знал. Сейчас он мог признаться себе в этом, пусть признание и было неприятным.

С одной стороны, Тимур вроде бы мыслил адекватно. С другой — противился простым и очевидным вещам. И все только потому, что высказывал их Ворожцов. Он давно это заметил, только причины понять не мог. Разве что Тимуру могло показаться, что он покусается на лидерство?

Ворожцов почувствовал, что ему не хватает старшего брата. Совет Павла был бы сейчас очень кстати. Но брат даже не подозревал о том, где шастает его младший. И слава богу, иначе вместо советов Ворожцов получил бы жуткий разгон с последующим наказанием. И наказали бы его как маленького.

Вот интересно, почему взрослые не воспринимают их всерьез. То есть упирают всегда на то, что они взрослые, а говорят при этом как с маленькими. Откуда это берется? Ведь по уму они уже выросли, все понимают, а то, что выглядят подростками, почти детьми, так ведь и взрослые в свое время через это проходили. Почему же они об этом не помнят?

Ничего, если все сложится как задумано, то скоро...

Ворожцов в задумчивости едва не наскочил на резко остановившегося Тимура. Вздрыгнул, отшатнулся, замер. Мысли вылетели из головы разом, осталось только чувство опасности. Внутренний голос вопил, что приятель остановился не просто так.

Тимур повернулся к нему, смерил взглядом.

— Чего? — не понял Ворожцов.

Вопрос прозвучал неожиданно громко. Они ушли довольно далеко от стоянки. Во всяком случае, голоса с поляны, оставшейся за спиной, сначала притихли, а после и вовсе растворились в тишине леса.

Тишина была не такая мертвая, как на том берегу Припяти: редкие звуки проскальзывали то тут, то там. Лес словно затаился, ожидая чего-то.

— Поговорить надо, — сказал Тимур спокойно, мягко.

Излишне спокойно и чересчур мягко.

— Говори, — предложил Ворожцов.

Тимур стал совсем уже доброжелательным, широко завел руку за спину Ворожцова, опустил на плечо, дружески похлопал.

— Я вот чего сказать тебе хотел. Ты это... К Леське не подкатывай. Не надо, лады?

Ворожцов напрягся. Все мгновенно встало на свои места. И наигранная ласковость Тимура, и его желание пойти в разведку именно с ним, а не с кем-то другим из ребят, и взгляды, и недомолвки.

Захотелось скинуть руку Тимура с плеча и послать его куда подальше. Грубо, как изредка и в очень суровом подпитии делал старший брат. Правда, Павел посылал не кого-то конкретно, а всех подряд, начиная от ее величества науки с покойным научным руководителем и заканчивая властями, которые «никак не прикроют эту клоаку».

Да, так он и кричал. Зло, надсадно, пьяно. А потом обычно запирался в комнате и тихо беспомощно плакал, пока не засыпал. Ворожцов не понимал его слез. Да и плакать ему сейчас не хотелось, а вот послать со злой удалью Тимура хотелось очень. Мешало только одно: им еще ходить здесь вместе, и не один день.

— А чего так? — спросил он, стараясь добавить в голос беспечности и наивности.

— Да у нас с ней... — Тимур сделал многозначительную паузу. — Ну, ты понимаешь.

— Не понимаю. — Ворожцов чуть отстранился, стряхивая руку с плеча. — У вас уже отношения?

— У нас все будет, — пообещал Тимур.

— Ну, раз у вас пока ничего нет, значит, я никому не мешаю, — спокойно заметил Ворожцов. — А там пускай она сама решит.

Тимур стиснул челюсти. Проступили желваки, глаза сузились, стали злыми. Подумалось, что у Тимура никогда не было такого взгляда. Так смотрит собака, которая очень хочет укусить, но понимает, что в наморднике она беспомощна.

— Дурак ты, Ворожа, — сдерживая злость, выдавил улыбку Тимур. — Я с тобой по-человечески, а ты... Ты посмотри на себя. У тебя ж никаких шансов.

— Почему? — глуповато спросил Ворожцов.

— Потому что ты зануда и лох, — буркнул Тимур, вложив в последние слова столько ярости, что, кажется, листва на растущих рядом деревьях пожухла.

Обернулся и зашагал дальше, иногда поглядывая на экран ПДА. Видимо, у него отпала охота продолжать разговор с Ворожцовым. Оно и к лучшему. Ни к чему хорошему разговоры на эту тему все равно бы не привели.

Лесю Ворожцов любил давно. С шестого класса. Именно любил. Ну а чем еще объяснить, что рядом с ней всегда терялся? С другими девчонками у него разговор как-то клеился. Не каждый раз, правда, ну так он и с парнями не всегда общий язык находил.

А с Лесей все было иначе. Ему было что ей рассказать, он много раз придумывал для себя, как пригласит ее куда-нибудь в кино. А потом, после сеанса, пойдет провожать до дома и будет рассказывать о чем-то интересном. И она поймет, что он лучше их всех.

Он знал, как это случится. Он просчитывал этот разговор до полуслова, до поворота головы. Оставалось только подойти и пригласить, начать беседу, а потом...

А потом он с ужасом понимал, что рта раскрыть при Лесе не получается. При других получается, а при ней нет. Может быть, потому, что все другие были просто сверстниками. Ребятами, девочками — не важно. Они не имели пола. А Леся была для него даже не девушкой, а женщиной с большой буквы. Не потому, что в ней было что-то особенное, а потому что он сам видел в ней это особенное.

С шестого класса прошло много лет. Ворожцов продолжал любить и робеть. Он прекрасно знал: никогда ничего у них с Лесей не будет. Просто потому, что у него на это не хватит смелости. Но уступать свою любовь Тимуру, решившему, что возьмет девчонку нахрапом, он не собирался. Да и кто такой Тимур. Если б он чувствовал к Лесе то же, что чувствует к ней Ворожцов, с этим можно было бы смириться, но ведь не любит он ее. А какие-то иные отношения с Лесей казались кощунством. У кого бы они ни случились.

Так что пусть Тимур злится, но нет. Просто так он, Ворожцов, в стороне стоять не станет.

А Тимур злился. Шаг его снова ускорился, движения стали резкими и агрессивными. Там, где надо было просто отвести в сторону ветку, он норовил ее сломать. Ничего. Пусть себе бесится.

Ворожцов поймал себя на том, что срывается на эмоции, и постарался выбросить из головы все, кроме окружающего леса.

Лес на самом деле ожил. Что-то шуршало, скрипело, жужжало. Временами далеко-далеко доносились всхлипы. Звуки были странными, но они хотя бы были.

Тимур остановился, прислушался. Ворожцов притормозил, встал рядом. Где-то на краю слуха тренькнуло, или только показалось?

— Слышал? — насторожился Тимур.

Ворожцов кивнул в сторону.

— Там.

Тимур снова вслушался, теперь уже целенаправленно.

— Идем?

— Опасно, — покачал головой Ворожцов. — Вдруг кто специально приманивает? Брат говорил...

— Да иди ты в баню со своим братом, — отмахнулся Тимур. — У одного брат говорил, у второго на сайте написано. Говорил тебе брат, ну и что? Ты вот знаешь, что там пиликает?

Ворожцов мрачно помотал головой.

— Не знаю.

— Ну и толку от твоего брата тогда с его говорильной? Здесь везде опасно. Ты, Ворожа, о другом подумай. Сейчас нам двоим опасно, а потом, если что, опасно всем будет. И мелкому, и девчонкам. Ты этого хочешь?

Тимур посмотрел прямо, будто требуя ответа. Брат про такой взгляд говорил «как Ленин на буржуазию». И хотя Павел тоже знал и о Ленине, и о классовой вражде, и о Советском Союзе лишь из учебников истории, в устах старшего это сравнение звучало весомо.

— Ладно, — сдался Ворожцов. — Идем.

Тимур свернул с тропки, по которой шли до того, побрел на звук. Вид у него был как у дворняжки, нашедшей ежа. С одной стороны, интересно и любопытно, с другой — страшно и колется.

Ворожцов запоздало подумал: аргумент Тимура — совсем не аргумент. Их дорога мимо шла, и никого бы эта опасность не задела. А что там и как — есть вещи, которые лучше и не понимать. Жить спокойней будет.

Дороги не стало вовсе. Лес шел ключьями: то расступался проплешинами, то густел, становясь непролазным, почти чащобой.

Станный звук окреп и сделался различим. Теперь явно читалось, что природа его механическая. Живое существо такие звуки издавать не может. На секунду показалось, что играет магнитофон, но уже в следующее мгновение стало ясно: это не так. Играла в самом деле какая-то музыка, но скорее это напоминало заевшую пластинку, чем запись.

Механический голос напевал одну и ту же фразу. Заканчивал, без перехода начинал заново, и так по кругу. До бесконечности.

Звук вырос громче некуда. Ворожцов остановился. Он готов был поклясться, что источник за соседними кустами.

— Everybody do it, everybody move it... — неслоь оттуда.

Язык зачесался задать вопрос, но спрашивать Ворожцов не стал. Во-первых, Тимур все равно знает не больше его, во-вторых, зачем себя раскрывать. Неизвестно, что там в кустах. А так... может, их еще и не заметили.

Тимур и сам стоял настороженный. Но, поглядев на терзания Ворожцова, напустил на себя бравады и шагнул к кустам с гусарской лихостью и безрассудством. Дурак.

Ворожцов дернулся было, пытаясь остановить, предотвратить неизбежное, но Тимур оказался проворнее и уже пробирался сквозь заросли. Сухо затрещали ветки, зашуршал под ногами хворост.

Ворожцов метнулся следом.

Дурак чертов! Вот поэтому их взрослые и не воспринимают всерьез, пронеслось в голове и тут же забылось.

Кусты расступились, открывая взгляду новую поляну. Тимур дернулся, словно получил хорошую оплеуху, и застыл. Ругнулся себе под нос.

Обойдя его, Ворожцов вышел на открытое пространство.

— Everybody do it, everybody move it...

Посреди крохотной поляны высилась куча мусора. Звук исходил из нее, откуда-то из середины. Станный, механический. Впрочем, и сама куча была не менее странной — особенно здесь, в Зоне. Складывалось впечатление, будто рядом находился магазин «Детский мир», который просто избавился от брака, скинув его в соседние кусты. Давно, много лет назад.

Груда детских игрушек высилась чуть не до плеча. Мягкие мишки, собачки или кто там был, истлели, превратились в труху. Напоминанием о них из игрушечного кургана местами торчали ключья грязного заскорузлого искусственного меха. Пластиковые игрушки форму

сохранили, но выглядели не лучше. Выгоревшая на солнце и умытая дождями пластмасса потеряла яркость. Цвета приобрели блеклый сероватый оттенок.

На пике кургана сидел пластмассовый, еще советской штамповки кот в сапогах с оторванной лапой. Царь горы, не иначе.

— Everybody do it, everybody move it, — неустанно верещало из кучи.

Неуместно веселая фраза, напетая бодрим механическим голосом, звучала сейчас пугающе. Ворожцов поежился. Не могло здесь быть этой груды игрушек. И звука этого не могло быть. Откуда? Какая-то из игрушек поет? Возможно, но этому хламу сто лет в обед. А батарейки — штука недолговечная. А без батареек никакая игрушка горланить не будет.

— Everybody do it, everybody move it...

Тимур сорвался с места так же неожиданно, как и остановился. Ломанулся к куче, принялся ногами раскидывать игрушечное нагромождение.

— погоди, — одернул Ворожцов. Но в того словно бес вселился.

Яростно бормоча под нос что-то малоприличное, Тимур пинал и расшвыривал игрушки, руша возведенную неведомо кем пирамиду. Из недр кучи пахло гнилью. В сторону брякнулся пластмассовый телефон с расколотой пополам трубкой на шнурке. Веселая песенка полетела в сторону вместе с ним.

— Everybody do it, everybody move it...

Тимур спрыгнул с кучи и принялся безжалостно топтать старую поломанную игрушку.

— Every-o-o-y-o it, every-o-o-y-o-e it...

Тимур подпрыгнул и приземлился на обломки несчастной игрушки всем весом, двумя ногами. Под подошвами ботинок жестко хрустнуло, и механический голос оборвался.

Наступившая тишина не принесла облегчения. Почему-то осталось чувство, что рядом кто-то есть. Тот самый, кто натащил сюда эти игрушки. И этот неизвестный все видел. И обиделся.

Ворожцов невольно огляделся в поисках опасности, но лес выглядел спокойно. Даже солнышко светило.

— Зачем ты так? — голос прозвучал хрипло, и Ворожцов поспешно замолчал.

— Надоело, — отмахнулся Тимур с напускной небрежностью, но было видно, что ему не по себе. — Не люблю, когда по ушам ездит всякое... Как думаешь, кто сюда все это притащил и зачем?

Ворожцов пожал плечами. Подошел ближе к куче, молча принялся разглядывать разметанные останки.

Кто сюда это притащил и зачем? Если б куча появилась, к примеру, ночью возле их лагеря, он бы заподозрил блондинчика. Такая идиотская шутка была вполне в духе Сергуни. Хотя нехилую гору хлама ради издевки даже он бы с собой не поволок.

Выходит, это сделал кто-то из местных жителей. Людей или нелюдей.

Зачем?

По спине пробежал неприятный холодок. Ворожцов потер вспотевшие ладони.

Ни одного разумного объяснения на последний вопрос в голову не приходило, и от этого становилось не по себе еще больше.

— Брат говорил...

Услыхав про брата, Тимур фыркнул, но Ворожцов сделал вид, что не заметил этого. Продолжил:

— Рассказывал, что тут мутанты есть, которые человеческие вещи стаскивают в одно место и поклоняются. Правда, он говорил, они электронику любят. А тут...

— А тут самая крутая электроника «эврибади мув ит».

— Слушай, пошли отсюда, а? — попросил Ворожцов.

Тимур ухмыльнулся.

— Что, стремно? А хочешь, еще сильнее испугаю?

Ворожцов поглядел на Тимура. Тот старательно клеил улыбки, бравировал и выглядел бы, наверное, очень смелым в глазах Леси с Наташей или даже Сергуни. Вот только Ворожцов видел, что за всеми этими бодрими интонациями и улыбками прячется страх.

Тимур скалился, но фальшиво. А внутри его, судя по срывающимся ноткам, колотило по полной.

— Ну, попробуй, — кивнул Ворожцов, хотя получить очередную дозу адреналина хотел сейчас меньше всего.

Тимур сделал пару шагов в сторону, возвращаясь к разбитому телефону. Наклонился, несколько секунд ковырялся в осколках пластмассы, потом поднялся на ноги с частью игрушки в руке. Поманил Ворожцова.

— Видишь? — протянул руку.

Кусок пластмассы больше всего напоминал прямоугольную коробочку с обколотыми краями. Крохотную. В которую могло уместиться что-то очень небольшое. С краю на одной из внутренних стенок коробочки зацепилась металлическая пластинка с пружинкой. Еще пять минут назад это было неотъемлемой частью игрушки.

— И что?

— Батареек в ней нет. И не было. Можешь поискать. — В голосе Тимура звякнула задвленная из последних сил истерика. — И на чем эта ерунда работала, я не понимаю. Может, брат тебе чего-нибудь о таком рассказывал?

Ворожцов мотнул головой.

— Пошли отсюда.

— Может, у мелкого спросить? Вдруг он про это что-то слышал?

Он снова покачал головой, как заведенный. Словно сам был электронной игрушкой, способной на одну фразу или одно движение и повторяющей это по кругу.

— Лучше об этом вообще никому не рассказывать. Зачем их пугать зря?

Тимур усмехнулся. Кажется, почти искренне. Видимо, немного начало отпускать.

— Слушай, Ворожцов, а чего ты такой правильный, а? Ладно в школе, там перед учителями марку держать надо. А тут-то чего?

Ворожцов не ответил. Повернулся и пошел назад. Оставаться в этом странном месте не хотелось больше ни минуты.

Возвращались молча. Тимур скоро нагнал и снова выбился вперед. Но шагал осторожно, придерживая ногу, словно боясь наступить на какую-нибудь еще непонятную дрянь. Ворожцов шел след в след, стараясь глядеть под ноги. Хотя что-то внутри упорно требовало обернуться: нет ли позади кого смотрящего в спину.

Он и в самом деле оборачивался пару раз. Но лес был тих и спокоен. Светило, пробиваясь сквозь ветви, солнце, никакой опасности не наблюдалось. Вот только ощущение чужого взгляда между лопатками почему-то не проходило.

— Слышь, — окликнул Тимур. — А вообще далеко нам топать?

— По прямой недалеко. — Ворожцов встряхнулся, отгоняя ненужные мысли и опасения. — По карте дольше.

— А чего напрямки не рвануть, если быстрее?

— У брата проводник был. Он карту составлял, маршрут прокладывал. И они шли в обход. Так безопаснее.

— Было, — упрямо не согласился Тимур. — Сам же говоришь, что все меняется.

— Меняется, — подтвердил Ворожцов. — Поэтому идти надо осторожно даже по карте. А без карты вообще никуда не лезть. Может, там и дороги нет.

— Может, нет, может, есть, — сердито буркнул Тимур.

Ворожцов не ответил. Хватит бодаться. Детский сад какой-то. Залезть в такое место, топтать к общей цели и при этом все время собачиться. Другого места и времени нет, что ли, отношения выяснять?

— Думаешь, оно еще работает? — снова подал голос Тимур.

Ворожцов пожал плечами.

— Брат говорил, настройку не сбивали и прибор не разбирали. Разве что кто-то чужой сунулся. Но там место такое... никто туда не полезет.

Губы Тимура расплзлись в задумчивой улыбке.

— Если все сработает, хуже всего Мазиле.

— Почему?

— Он полюбасу мелким будет. Судьба у него такая.

Ворожцов задумался.

Впереди забрезжил яркий свет открытого пространства, лес начал редеть. Послышались голоса. Издевательски трындел Сергуня, сердито огрызалась Наташка.

«Наконец-то вернулись», — пронеслось в голове.

На поляне все было практически так же, как и перед уходом. Сидела на бревне Леся, препирались блондинчик с Казарезовой, смотрел на них насупленный Мазила. Только костерок затухающий дымил, да стоял у бревна котелок.

— О! — встретил Сергуня. — Явились, не запылились. Хавать будете?

— Будем, — кивнул Тимур. — А вы собирайтесь пока.

— Соберемся. Вон котелок, — ехидно сообщил блондинчик. — Приятного аппетита.

Леся молча поднялась с бревна и начала помаленьку собирать вещи. Мазила, смущаясь, поспешил ей на помощь.

Ворожцов потянулся к закопченному металлическому боку, пододвинул. От котелка тянуло приятным теплом. Наверное, самым приятным — когда содержимое еще не остыло до подернувшегося жиром состояния, но уже перестало быть обжигающе огненным.

Рот в предвкушении наполнился слюной. Пальцы подцепили посыпанную хвоинками и пеплом крышку, потянули.

Котелок оказался опустошен лишь наполовину. Но оставшееся было странно пахнущим слипшимся комом сероватого цвета.

Ворожцов вскинулся в удивлении, поглядел на Сергуню. Тимур, смотревший в котелок через его плечо, озадаченно почесал затылок.

— Это что?

— Макароны, — чуть ли не истекая ядом, проговорил блондинчик. — По-флотски. Кушайте, не обляпайтесь.

— Иди в пень, — сердито огрызнулась Наташка.

Ворожцов с опаской заглянул в котел. Серый комок теста смотрелся не шибко аппетитно, но выбора не было, и он принялся отковыривать куски поменьше. Тимур стоял и смотрел за тем, как он перебрасывает «макароны» себе в миску.

На вкус блюдо оказалось не менее странным.

— Это кто ж такое адово варево приготовил? — любопытствовал Тимур, чуть не заглядывая в рот Ворожцову.

— Идите вы все знаете куда? — вскинулась Наташка.

— Шеф-повар Казлатёркина, — вставил свои две копейки Сергуня, хотя и без него все уже было ясно.

Тимур присел к котелку и осторожно ковырнул макаронный ком.

— Вам хорошо издеваться, — забурчала Наташка. — Особенно тебе.

Девчонка полоснула взглядом по Ворожцову. Тот слегка опешил. Вроде не издевался. Напротив, сидел молча, ел, что дали.

— Взял бы меня с собой, а Ворожейкина здесь оставил, — продолжала Наташка, заглядывая Тимур в глаза.

Тот старательно прятал взгляд.

— С тобой после этих макарон по-флотски разве что дурак в разведку пойдет, — ввернул Сергуня. — Такое слепить мог только исключительный враг человечества.

— Отвянь, козел, — отбилась Наташка.

Тимур опасливо притронулся к макаронам. Первую ложку понес в рот с тем выражением лица, с каким, должно быть, приговоренные к гильотинированию всходили на эшафот.

— А чего Леся не помогла?

— Леська помогала с костром, — радостно подпрыгнула Наташка, почуяв возможность отомстить и не дав подруге рта раскрыть. — Потому что кое у кого руки растут оттуда же, откуда и ноги.

— Это потому, что мелкий сырых дров наташил, — отмазался Сергуня.

— А я чего? — подал голос Мазила.

— Да хватит вам уже, — вмешалась Леся, застегивая рюкзак. — Сереж, что ты на всех накидываешься? Делать нечего? Они ведь как-нибудь соберутся и тебе накостыляют.

Сергуня лучезарно улыбнулся:

— Я готов за правду пострадать. И пускай мне Казарезова впустит свой маникюр в рожу. Это все оттого, что они критику не воспринимают. А на критику обижаться нельзя. Ее надо к сведению принимать и самосовершенствоваться.

— А сам?

— Я критик по натуре. Мне ваши замечания на фиг не нужны.

— Козел ты, а не критик, — фыркнула Наташка и отвернулась.

Ворожцов, давась, доел казарезовскую стряпню.

Рюкзаки стараниями Леси и Мазилы выстроились по росту возле бревна, словно на урок физкультуры собрались. Рядом, кое-как упакованная, легла лодка.

— Лодку надо оставить, — тихо предложил Ворожцов.

Тимур поперхнулся макаронами, закашлялся. Глаза его расширились.

— Ты чего, с ума сошел?

— Не твоя — не жалко, да? — подпел Сергуня. — Ну, ты, Ворожа... жлобская рожа.

Стараясь не вспылить, Ворожцов взял бутылку, плеснул в миску воды. Побултыхал, вылил, обтер салфеткой. На мытье посуды, конечно, не тянет, но хоть вонять и липнуть не будет. А мыть миски в местных водоемах... да ну его на фиг.

— Чё молчишь? — поторопил блондинчик.

— Через реку мы больше не пойдем, — резонно заметил Ворожцов. — Значит, лодка нам не нужна. Надо спрятать ее в кустах. Обратно пойдем — подберем. Зачем лишний груз таскать?

— А если возьмет кто? — не унимался Сергуня.

— Никто тут не возьмет.

— Ну да! — вспылil Тимур. — А то ты не видел. Придет какая-нибудь эврибади и мувит к себе мою лодку.

— Ты о чем? — подозрительно поглядела Леся.

Тимур прикусил язык. Ворожцов ощутил прилив теплоты. Леся всегда была не только красивой, но и умной. И слышит то, что надо.

— Если тебе так хочется, — поторопился он увести разговор от щекотливой темы, — бери. Но я ее больше не потащу.

Тимур зло сощурился, словно хотел сказать: «Ты чего, рохля, зубы показать решил? Не выросли еще». Но не сказал. Перевел взгляд на Сергуню.

— Чего ты на меня смотришь? Я тоже не потащу, — отрекся тот. — У меня рюкзак знаешь какой тяжелый?

Тимур посмотрел с тоской на поклажу, на упакованную лодку, на лица однокашников.

— Черт бы вас подрал, — выдал с досадой.

И, бросив миску с недоеденным макаронным месивом, поволок лодку к дальним кустам.

Сборы были недолгими — основное уже упаковали Мазила с Лесей. Когда Тимур вернулся из кустов, разменяв в них лодку на тоскливое выражение лица, все пятеро готовы были встать под рюкзак.

Лямки привычно резали плечи. Ворожцов подтянул сползший правый ремень и пошел первым, не дожидаясь и не споря. Надоело.

Остальным, видимо, тоже наскучило собачиться. А может, от очередного препирательства спасло то, что первой за ним следом безропотно пошла Леся? За ним, а не за Тимуром с его лодкой.

Ворожцов приосанился. Зашагал уверенно, хоть и не теряя осторожности.

Через сотню метров нагнал Тимур, вышел вперед, оттеснив его в середину к девчонкам и мелкому. Лицо злующее.

Спорить он не стал: спокойно отступил, позволяя Тимуру вести группу. Заметил это кто-то или нет, но Ворожцов только что одержал маленькую победу. Уж он-то это знал. И Тимур знал. Потому на правах победителя Ворожцов мог позволить себе немного снисходительности.

Тимур взял резвый темп.

Ворожцов волновался, но лес был спокоен. Пригревало перевалившее зенит солнышко. Шуршал в зеленых с наметившейся прожелтью ветвях легкий ветерок. Даже ощущение чужого взгляда, буравящего спину, пропало. И Ворожцов позволил себе немного расслабиться.

Правда, он напрягся, когда проходили знакомое место. То самое, с которого раньше свернули в лес к игрушечному кургану. Но механических песенок больше не доносилось. Вообще не было никаких подозрительных звуков. Теперь, когда шли вшестером, а не крались наедине с Тимуром и их общим страхом, все вокруг казалось мирным и вполне безопасным.

Другой раз Ворожцов напрягся, когда тропка, по которой шли, истончилась до едва заметного состояния, а после вовсе растворилась, затерявшись между деревьями. Тимур сбавил шаг. Глянул в карту. Чтобы заглянуть в ПДА для принятия решения, потребовалось остановиться.

Ворожцов украдкой вынул из кармана свой наладонник. Тимур тем не менее заметил. Скривился. Еще раз глянул на экран своего ПДА, уже бегло, нарочито небрежно, и пошел вперед, чуть сменив направление.

Леся с Наташкой потопали следом. Поддержнув рюкзак, двинулся Мазила.

Ворожцов посмотрел в карту, сверяясь со своими прикидками. Пока его планы с решением Тимура совпадали.

Подошел Сергуня, ткнул в бок.

— Шевели культиками, Ворожа. Или мне тебя еще подгонять?

Пропустив наезд блондина мимо ушей, Ворожцов сунул наладонник обратно в карман и поспешил вперед. Обогнув девчонок, пристроился за спиной у Тимура.

Тот заметно сбросил скорость. Без тропинки, через кусты и бурьян, да с рюкзаком на плечах быстро двигаться было не только опасно, но и тяжело.

Еще метров через двести лес загустел, стал непролазным и диким. Трава тут лезла, как на удобрениях. Деревья росли кучно, вытесняя друг дружку, тянулись к солнцу. Некоторые, не выдержав борьбы, чахли, сохли. Борьба за каждый клочок земли между растениями выходила нешуточная. Но деревья продолжали «плодиться и размножаться», несмотря ни на что.

На ум отчего-то пришли китайцы и кролики. Ворожцов тряхнул головой, отгоняя левые мысли.

Тимур снова остановился, выудил ПДА.

— Странно, — пробормотал, глядя в карту.

Рука рефлекторно метнулась в карман, палец ткнулся в кнопку. Ворожцов вынул наладонник. Никакой особой странности не было. Просто лес на карте был не таким густым.

— Что, — насторожилась Наташка, — заблудились?

— Не заблудились, — помотал головой Ворожцов, изучая экран.

— Просто с лесом что-то не так, — кивнул Тимур.

— Зона изменчива, — авторитетно вставил Мазила.

— Ты, мелочь, вообще молчи, спросить забыли, — подошел ближе Сергуня.

Мазила насупился, но отвечать не стал.

Тимур сосредоточенно вглядывался в карту, прокручивая ее фрагмент по экрану.

— Может, ваша Зона и меняется, но лес так быстро не растет, — наконец сказал он.

— А вдруг тут радиация? — зябко повела плечами Наташка.

— Возможно, плотность леса составителю карты не показалась такой уж важной, — попытался найти трезвое объяснение Ворожцов.

Огляделся по сторонам. Деревья в большинстве своем не выглядели молодыми. Могучие кряжистые стволы, длинные, как кисти скрипача, ветви. Такие за месяц не нарастают.

Сергуня сдернул с плеча рюкзак, всучил Мазиле.

— На-ка, поддержи.

И не глядя на опешившего мелкого, блондин пошагал в сторону.

— Ты куда? — окликнул Ворожцов.

Сергуня притормозил, оглянулся.

— Я перед тобой отчитываться, что ли, должен?

— Вообще-то здесь небезопасно, — сердито буркнул Ворожцов. Объяснять настолько элементарные вещи казалось чем-то совсем уж запредельным. — Мы не по бульвару гуляем, а идем группой, ты замыкающий. И ты вот так просто берешь и уходишь?

— Отвянь, Ворожа, — поморщился Сергуня. — Надоел. Вон с Казарезовой собачься, если хочешь. Ей явно не хватает кого-нибудь, кто мозги вправит. А мне мамочка не нужна.

— Какой же ты замыкающий, если...

— Да оставь ты его, — одернул Тимур. — Мы ж на месте стоим. Пускай идет сейчас, чем потом из-за него тормозить.

Блондинчик победно ухмыльнулся.

— Понял, Ворожатица занудная?

Сергуня развернулся и, довольный собой, потопал к ближайшим кустам. Ворожцов закусил губу.

Неужели они не понимают? Что за игры такие? Или это он слишком серьезно ко всему относится?

Нет, не слишком. Брат здесь был. И вернулся другим. Ученые, с которыми он сюда ходил, вообще не вернулись. А Сергуня или даже Тимур... Что они знают про Зону? Да ничего. Баек наслушались, сказок начитались.

— Стой, — хрипло окликнул он блондина.

Тот снова обернулся, весьма охотно, словно только и ждал нового окрика.

— Если тебе интересно, я — гадить, — радостно сообщил он. — Не бойсь, если пойдет зелененькое и светящееся, я сразу назад, чтоб рассказать вам про радиацию. Хотя после Казарезкиных макароншек зелененькое может и без всякого излучения пойти.

— Дурак, — обиженно крикнула Наташка.

Сергуня растекся в улыбке, с чувством выполненного долга повернулся к ним спиной и шагнул к кустам.

Ворожцов вздрогнул. Время застыло. Вообще все вокруг застыло, а потом замелькало статикой, будто на стол кинули ворох фотографий.

Обиженная Казарезова. Губы поджаты. Но на блондина-то это не действует.

Чуть в стороне Леся с Мазилой. Где-то там дальше Тимур, но это уже у него за плечом. Не видно. Только осознание, что он там.

Стволы деревьев. Справа. Слева. Кусты. Спина Сергуни. Гордая, прямая спина победителя.

Нога Сергуни. Поднимается. Медленно, очень медленно, как в показовой съемке...

А впереди между кустами и блондином плавится, подрагивает воздух, как над железной крышей в жаркий день.

— Стой! — заорал Ворожцов.

Хотел заорать, но глотку перехватило, как в ночном кошмаре, и вместо предостерегающего вопля вышел жалкий, беспомощный, едва слышный шепот.

А потом пространство и время взорвались, возвращая себе упущенную при замедлении скорость...

Блондинчик сделал шаг. Подрагивающий воздух стал плотным, закрутился, как выжимаемая вручную тряпка. Плотный жгут воздуха развернулся, поднимая вихрь, закручивая сам себя и все, что находилось рядом.

Сергуню подбросило в воздух, раскрутило, резко, жестко, молниеносно.

Как это произошло, невозможно было даже успеть понять. Раскрученное тело подкинуло вверх на высоту в полтора человеческих роста. Вывернуло с хрустом.

«С таким, наверное, ломаются кости», — мелькнуло в голове. И хотя Ворожцов не знал, с каким звуком на самом деле ломается кость, но углы, под которыми изгибалось поднятое в воздух неведомой силой и раскрученное до невероятной скорости тело, были абсолютно противоестественными.

Блондина мотнуло безвольно, словно тряпичную куклу. Раз, другой. Вывернуло совсем уж диким образом. Еще миг — и перекрученное тело с хлестким звуком порвалось, как бурдюк с вином.

Брызнуло во все стороны. Красным, белесым. Щедро оросило все вокруг.

Невидимая сила, подбросившая Сергуню в воздух, не то ослабла, не то потеряла к человеческим останкам интерес. Кровавое месиво, еще несколько секунд назад бывшее живым, веселящимся и издевающимся однокашником, шлепнулось на траву.

Всхлипнул рядом Мазил.

И снова стало тихо и спокойно. Будто и не было ничего.

Опять светило солнце, пробиваясь мягким рассеянным светом сквозь густые кроны деревьев. Опять играл начинающей желтеть прежде времени листвой ветерок...

Лес выглядел вполне миролюбиво. И эта фальшивая миролюбивость отдавала теперь такой жутью, что хотелось развернуться и бежать без оглядки.

Ворожцов покачулся. Осознание, понимание всего ужаса происходящего еще не дошло до конца, не осело в голове. Не заставило даже колотиться чаще сердце. Лишь по виску безучастно текла противная холодная капля пота.

Шок, по всей вероятности, накрыл не только Ворожцова.

Тишина застыла над головой. Она колыхалась на ветру вместе с ветвями деревьев еще какое-то время. Миг? Минуту? Столетие?

А потом раздался страшный, тонкий, полный боли и отчаяния визг.

Ворожцов дернулся, повернул голову.

В нескольких шагах от него, чуть ближе других к останкам Сергуни, стояла Наташка Казарезова с брезгливо выставленными вперед ладонями. По руке, блузке и джинсам размазался густой шлепок крови. Лицо Наташи побелело, словно это ее кровь растеклась по одежде. Глаза безумно выкатились и смотрели на запачканную кровью руку.

А дикий визг все катился и катился над лесом...

Глава четвертая. Хозяин игрушек

Каждый шаг давался с трудом. Тимуру приходилось заставлять себя опускать ногу, даже зная, что там ничего нет, кроме сухой земли и палой листвы. То и дело мерещился подрагивающий воздух. Казалось, стоит пройти еще метр и... завертит, переломает, как Сергуню.

Тимур невольно сглотнул и постарался выровнять дыхание. Сердце опять трепыхалось, словно птица. И от этого ощущения становилось жутко: ведь сердце блондинчика больше не стукнет. Ни разу.

Излишек жизни в груди напоминал о смерти.

Мысли, которые Тимур пытался привести в порядок, постоянно разъезжались. Он напрягался, чтобы не потерять сосредоточенность и внимательно следить за окружающим лесом. Солнце все так же пробивалось через кряжистые ветви, но теперь оно выглядело решительной издевкой на фоне мертвого пейзажа.

Не паниковать, ни в коем случае. Иначе страх окончательно победит здравый смысл и заставит бежать без оглядки. А здесь так нельзя. Зона не прощает беспечности — это он уже понял.

Тимур удобнее перехватил заряженный обрез и покосился на Ворожцова, который шел рядом с ПДА в крепко сжатых пальцах. В этой штуковине был встроенный детектор

аномалий, но он определял опасную область, только если был направлен точно на нее. Поэтому хренов прибор даже не пикнул, когда Сергуню...

Тимур снова задышал глубже и сморгнул картину страшной гибели блондина, которая с завидным упорством наезжала из воспоминаний...

Кровь, много крови. Перекореженное тело, осколки костей, белеющие в красном месиве. Незнакомый приторный запах. Оглушительно визжащая Казарезова...

После ужасного происшествия вся группа была готова броситься врассыпную, кроме Наташки — та просто утихла, сорвав голос, и принялась мелкими движениями оттирать кровь Сергуни с блузки. Замкнулась.

— Пойдем отсюда, — срывающимся голосом попросила его Леся там, на поляне. — Хоть куда-нибудь!

— А похоронить разве не положено? — вроде бы рассудительно уточнил Мазила. Но после этих простых слов Тимура едва не вывернуло наизнанку, а Ворожцов побледнел, как простыня. Кажется, мелкий еще не до конца осознал, что произошло.

— Надо солью посыпать, — невпопад ответила Казарезова, продолжая оттирать блузку.

— Всё, — решил Тимур, чувствуя, что сам вот-вот сорвется. — Ворожцов, держи ПДА. Пошли отсюда.

Первые минут десять внутри все тряслось. Хотелось бежать от распластанных по дерну шматков плоти и никогда не оглядываться. Бежать к людям, в город, к ненавистным предкам — куда угодно, лишь бы не видеть этих темно-красных шматков, которые совсем недавно подтрунивали над перестраховщиком Ворожцовым и кулинарными талантами Наташки. Ее теперь и дурой-то язык не поворачивался назвать: того и гляди правда с катушек слетит.

Через какое-то время первый шок отступил, и подкрался страх. Тихонько, словно осень сковывает льдом лужи, он притупил какие-то жизненно важные чувства, обострил другие и заставил взглянуть на весь мир сквозь свою бесцветную призму. Пришел настоящий, глубокий страх перед этими пустынными землями.

Временами сердце билось, как раненая птица, временами замирало, и приходилось то и дело выравнивать дыхание. Тимуру раньше не было знакомо это странное ощущение опустошенности: ниже солнечного сплетения будто бы ничего не осталось — вынули и выбросили где-то там, рядом с Сергуней.

— Подождите, — позвал Мазила, идущий теперь замыкающим. — Откуда здесь варежка?

Тимур остановился. В первый момент он решил, что ослышался, и сердито нахмурился: только глюков сейчас не хватало.

— Детская, — негромко прокомментировала Леся за спиной. — Кто-то потерял, наверное.

— Ага, — подхватил мелкий, — а потом она сама на ветку запрыгнула.

Тимур обернулся и подошел к сухому кусту, на котором покачивалась маленькая вязаная рукавичка. Деталь детского гардероба была здесь явно лишней.

Мазила протянул руку, хотел дотронуться до варежки, но Ворожцов ловко перехватил его запястье.

— Не трогай.

Мелкий не стал спорить. Убрал руку и медленно отступил на шаг, не отводя взгляда от рукавички.

Она продолжала мерно покачиваться. Темная, с вышитой по центру белой снежинкой, совсем крохотная. И как новая. Будто не посреди дремучей чащи торчит, а на прилавке магазина ждет своего покупателя.

Тимур переглянулся с Ворожцовым.

— Недавно нацепили, — сказал ботан. — Если б давно висела, запылилась бы.

— Игрушки помнишь? — спросил Тимур и почувствовал, как сердце опять забилося скорее.

Ворожцов вздрогнул и огляделся, вода ПДА из стороны в сторону.

— Какие игрушки? — спросил Мазила.

— Забей, — отмахнулся Тимур, заставляя себя не думать о том, кто мог обидеться за разбитый им детский телефон. — Видели кое-что, когда на разведку ходили.

— Чисто, — вздохнул Ворожцов, переставая вертеться. — Если здесь кто-то и проходил до нас, то давно. Или он очень хорошо замечает следы.

— Следопыт нашелся, — буркнул Тимур. — Может, этот кто-то правее или левее пролез, вон тут какой бурелом — не заметишь.

— И что ты предлагаешь? — с вызовом спросил Ворожцов.

— Дальше идти, — сердито сказал Тимур, отодвигая его в сторону. — И под ноги глядеть.

Так и не притронувшись к вязаной рукавичке, они двинулись дальше.

Чтобы не сбиваться с выбранного направления, приходилось продираться через коряги, кусты и высокую траву. Местами заросли были настолько густые, что на каждую сотню метров тратили минут по десять, а то и больше.

Солнце спряталось за сизой дымкой облаков, стало прохладнее.

Через час ПДА Ворожцова мелко завибрировал и стал тикать. Тимур остановился и крепче сжал рукоять обреза, вглядываясь в просвет между деревьями.

— Что там?

Ворожцов быстро поводил пальцем по экрану и передернул плечами.

— Радиация.

— Больше ничего?

— А этого мало?

Тимур исподлобья посмотрел на Ворожцова. Надо же, умник какой. Продолжает корчить из себя рассудительного туриста.

— Обогнем, — решил Тимур. — Здесь вроде бы лес кончается, полегче будет.

Ворожцов не ответил. Выставил перед собой ПДА на манер оберега и потихоньку пошел вперед. Тимур сделал знак остальным, чтобы ступали след в след, и двинулся за ним.

Ствол в руках уже не придавал уверенности, как в начале путешествия. Был вон у Сергуни пистолет — толку-то? Высадил всю обойму в неведомую хреновину, а потом попал в аномалию. И не помог отцовский ТТ.

Когда они с Ворожцовым выбрались из бурелома на песчаный бруствер, наладонник уже не просто тикал, а стрекотал, словно велосипедная трещотка. Тимур не шибко разбирался в технике, но знал: если дозиметр так верещит, это точно не круто.

— Гляньте, колеса, — ткнул пальцем глазастый Мазила, выбираясь из чащи на песчаный склон. — Только не от поезда, а поменьше.

— Дрезина сломанная, — кивнул Ворожцов. — Странно, на карте в этом месте нет железной дороги.

— А ее и нет, — сказал Тимур. — По насыпи, поди, узкоколейка идет.

Он аккуратно сполз с песчаного пригорка и направился к ржавым останкам дрезины, но Ворожцов предостерегающе окликнул:

— Стой! Там радиация!

Тимур замер. Стало очень неудобно: он будто бы почуял, как вредное излучение пробивает его тело насквозь, разрушает клетки. К тому же ботан опять одернул его, и по делу.

— Сам знаю, — бросил Тимур через плечо, чтобы не показаться полным идиотом. — Просто поближе рассмотреть хотел.

Он вернулся к группе, уже спустившейся с песчаного навала, и махнул рукой в сторону просеки, которая широкой полосой раздвигала кустарник вдоль насыпи:

— Там дорога?

— Да, заброшенная грунтовка, — ответил Ворожцов, сверившись с ПДА. — Нужно перебраться на ту сторону, через насыпь.

— Пошли, — согласился Тимур.

— Только внимательнее, — предупредил Ворожцов, — здесь на карте не все участки отмечены. Можно в аномалию угодить...

Он осекся.

Казарезова внезапно часто и прерывисто задышала. Тимур обернулся. В первый миг ему показалось, что она смеется или плачет. Но это было что-то другое, странное, пугающее. Жалобный звук исходил, казалось, даже не из горла, а из груди. Плечи Наташки тряслись, в глазах застыл животный ужас. Ладонью она продолжала машинально стряхивать с рукава блузки давно уже впитавшуюся и засохшую кровь.

Истерика?

— Ну-ну, тихо, Наташ, — шепотом попросила Леся, обнимая подругу.

— Чего это она... кудахчет? — опасливо спросил Мазила.

— Идиот, — с неожиданной злостью обронила Леся. — По-твоему, все в порядке, да? Все отлично? Повзрослеть собрался? Так повзрослей уже.

— Не, ну... — хмуро начал Мазила.

— Помолчи-ка, мелкий, — прервал его Тимур. Повернулся к Лесе и продолжающей вздрагивать Казарезовой. Сказал как умел мягко: — Успокой ее и пошли. Привал устроим на той стороне.

Дорога была старая, давно не езженная, поросшая вялым бурьяном и жидкими островками ковыля. Она тянулась метрах в пятидесяти от насыпи, но даже здесь ощутимо фонило. По всей видимости, излучало само железнодорожное полотно. Ворожцов попробовал приблизиться к рельсам, но ПДА истошно заверещал, и экран дозиметра вспыхнул красным.

Перебираться через такую радиационную жаровню — опасно. Схватить смертельную дозу и потом медленно сгнить Тимуру не улыбалось. Нужно было обойти препятствие. Судя по карте, километром севернее тек ручей, а для воды всегда должен быть какой-то ход. Наверняка там под насыпью тоннель.

Вдоль рыхлой грунтовки росла полоса дички. На торчащих во все стороны ветвях даже попадались ранетки, но рвать подозрительно лиловые яблоки желания не возникло.

Перед очередным пригорком, поросшим стрелками ковыля, Ворожцов придержал Тимура за рукав.

— Стой. Там что-то есть.

Тимур всмотрелся в колышущееся белесое месиво и тоже заметил какой-то темный предмет, лежащий у края дороги.

— Детектор молчит?

— Да. Но брат говорил, что некоторые ловушки лучше всего определять механически.

— Не понял.

— Ну, бросить что-нибудь. Желательно металлическое. Болт, к примеру.

Тимур повернул голову и сердито глянул на Ворожцова. Тот лишь чиркнул взглядом на взгляд и вернулся к изучению показаний ПДА. Подошел Мазила, молча уставился на волны ковыля.

— Так брось, раз такой умный, — не выдержал Тимур, перехватывая дробовик одной рукой и обтирая о штанину вспотевшую ладонь.

— Секунду. — Ворожцов достал из кармана несколько гаек, саморезов и других мелких железяк. — Вот, должно подойти.

— Ты что, заранее знал? — опешил Тимур. — А что же Сергуня...

— Я его предупреждал, чтоб не ходил, — дрогнувшим голосом ответил Ворожцов. — Он упрямый... был. Я не успел...

Ворожцов умолк и засопел.

Тимур поборол желание двинуть ему в челюсть. Если отбросить эмоции, ясно: Ворожцов действительно не виноват, блондин сам нашел свою смерть из-за беспечности и твердолобости. Но теперь надо быть внимательным вдвойне.

— Ладно, кидай свои гайки.

Ворожцов взял саморез и запустил им в траву. Винт бесшумно увяз в песке, не долетев до предмета метров двух. Казарезова снова всхлипнула — видно, опять у нее в голове переклинило. Леся обхватила подругу за плечи, зашептала что-то на ухо.

Второй болт полетел в песок.

Тимур краем глаза отследил траекторию полета и с уважением поглядел на Лесю. Молодец все-таки девчонка, держится получше некоторых. Если все кончится хорошо, то он обязательно предложит ей встречаться. А может, не стоит так долго ждать и подкатить пораньше?

Ворожцов в третий раз запустил железяку мимо цели.

— Дай-ка сюда, снайпер, — потребовал Тимур.

Ворожцов не стал спорить, ссыпал ему в руку несколько гаек. Тимур взвесил одну на ладони, примерился и с силой швырнул.

Бух.

— Учись, — обронил Тимур, возвращая гайки Ворожцову и вновь подхватывая обрез двумя руками. — Просто какой-то хлам, а мы струхнули.

Уверенность постепенно возвращалась к нему, но время от времени сердце сбивалось с ритма. Ладно, пройдет.

Тимур поднялся на пригорок, осторожно раздвинул ковыль и уперся взглядом в пластмассовую куклу-космонавта с аккуратным шлемом, короткими ручками и ножками, упакованными в выкрашенный серебрянкой скафандр. Странно, что светлая игрушка издали показалась темной.

— Тьфу, — зло сплюнул Тимур и огляделся по сторонам, словно ища виновника дурацких розыгрышей. — Уже не смешно.

Ворожцов покачал головой, соображая что-то про себя, но вслух так ничего и не сказал. Мазила бесцеремонно схватил пластмассового космонавта, повертел его в руках и с размаху запустил в дерево. Игрушка сбила ранетку и застряла в ветвях.

— Хорош шуметь, — цыкнул Тимур на мелкого. — И без тебя тут...

Он запнулся на полуслове, крутанувшись на сто восемьдесят градусов и выставив перед собой ствол. Сердце в который уже раз пропустило удар, в груди похолодело. Из-за поворота приближался новый звук — тонкий, раздражающий, похожий на писк комара, только, судя по тональности, размерами комар был никак не меньше крысы.

Через мгновение жужжание стало явственней, и его слышали остальные. Казарезова опять сипло задышала в объятиях Леси, а Мазила механически заслонил собой девчонок.

— Что это? — тупо спросил Ворожцов, тыча наладонником в пространство, словно рапирой. — Сканер молчит.

Тимур слегка присел, взял дробовик поудобнее, прицелился в условную точку на повороте и приготовился дать отпор.

Большой палец лег на ребристый металлический желоб и с силой оттянул тугой курок. Клацнуло.

Листва шевельнулась, и из-за кромки деревьев вылетела необычно медлительная, но шумная птица. Тимур повел стволом, не решаясь пока давить на спусковой крючок. Пусть подлетит поближе.

Стрекот крыльев теперь разносился далеко над дорогой.

— Кто это? — шепотом спросила Леся.

— Сам не пойму, — отозвался Тимур.

— Это вертолет, — еле слышно произнес Ворожцов. — Вертолетик. На радиоуправлении.

Тимур всмотрелся в очертания приближающейся жужжалки и понял, что ботан прав. Он собрался опустить оружие, но в этот момент игрушка резко пошла на снижение и увеличила угол атаки крошечного винта. Скорость сразу возросла.

— Стреляй, — хрипло сказал Мазила. Кашлянул и уже громче повторил: — Стреляй по этой гадости!

Тимур приподнял обрез и, сжав покрепче, надавил на спуск. Ружье сильно дернулось в руках, словно живое, грохот выстрела эхом разлетелся по всей округе, в сторону поплыло облачко едкого дыма. Тимур, судорожно путаясь в движениях, попытался переломить обрез, чтобы вынуть гильзу, хотя спешки уже не требовалось.

Удивительно, но он попал с первого раза. Игрушку на подлете разнесло дробью вдребезги, осколки и детали посыпались в траву, а оторванный винт по высокой дуге улетел к насыпи.

— Сбил! — воскликнул Мазила.

— Не кричи, — осадил его Ворожцов, внимательно вглядываясь в поворот.

Тимур наконец сумел переломить ствол. Он вытащил теплую гильзу, вдавил новый патрон и сложил ружье в исходное положение. Все-таки однозарядная пушка — крайне неудобное оружие. Но лучше уж такое, чем с голыми руками.

— Мальчишеские игрушки, — подала голос Леся.

— В смысле? — не понял Тимур.

— Обратили внимание? — кивнула Леся на висящую в кустах куклу. — Космонавт. А теперь еще вертолетик этот... Игрушки явно не девчачьи.

— Да плевать, — буркнул Тимур. Ему уже начал надоедать этот детский балаган. — Нас клоунами выставляют.

— Или заманивают, — возразил Ворожцов. — Если эта штуковина летала, то кто-то ею управлял. А значит, этот кто-то не так далеко.

— Интересно, он тоже летает? Следов-то нет.

— Или мы их не замечаем.

Тимур махнул рукой: спорить не имело смысла. Нужно было двигаться дальше и искать проход под железкой.

За поворотом дорога довольно круто пошла в горку, и пришлось попыхтеть, прежде чем подъем кончился. Кроме железнодорожной насыпи слева и пролеска справа, ничего особенного вокруг видно не было. Один раз возле колеи попалась глубокая борозда длиной метров пять. Она уже поросла молодым подорожником, но все равно выглядела пугающе: словно бы какой-то гигантский зверь яростно вспахал грунт когтями.

Ворожцов обошел канаву стороной, хотя детектор никак на нее не среагировал. Перестраховщик.

В траве мелькнул предмет. Тимур остановился и сделал знак остальным.

На дороге лежал пульт управления какой-то игрушкой — возможно, вертолетиком, которым их напугали. Тимур осторожно двинул его стволом. Ничего не произошло.

— Что там? — спросил Ворожцов.

Тимур молча поднял пульт, отколупнул заднюю крышку и хмыкнул. Показал Ворожцову.

Отсек для батареек был пуст.

— Опять, — проворчал ботан.

— Оп, — поднял брови Мазила. — А как же он работал?

— Может, вынуть успели? — предположила Леся.

Тимур не стал отвечать: пришлось бы объяснять, что игрушечный телефон в лесу тоже песни орал без батареек. Два совпадения подряд — это уже не случайность.

Девчонки стояли тихо. Тимур скользнул взглядом по Лесе и покосился на опустившую голову Казарезову. Если так и дальше пойдет, нужно будет думать, как ее из ступора выводить. Говорят, если человека второй раз напугать, то отпустит. Сам он, правда, этого никогда и ни на ком не проверял.

— Тимур, — позвал Ворожцов. — На пару слов можно тебя?

Тимур подошел к нему, посмотрел исподлобья. Рожа в маслянистых разводах от грязи и пота, губы поджаты, на лбу складка, как у взрослого. Смотрит не в глаза. Интересно даже, что этому гению в голову пришло?

— Давай вернемся, — шепотом сказал Ворожцов. — Пока не поздно.

— Чего? — протянул Тимур, щурясь.

— Того, — с вызовом ответил тот, фокусируя блуждающий взгляд на Тимуре. — На девчонок глянь. Наташку заклинило, а Леся... Леся — она тоже девчонка. Если пойдем дальше, то шанса повернуть назад может и не быть.

— А ты?

— Что я?

— Тоже девчонка?

Тимур с каким-то садистским удовлетворением отметил, как ботан дернулся. Губы Ворожцова превратились в нитку, кулаки сжались. Эта его привычка реально бесила Тимура, но в то же время в душе трепыхалось ни с чем не сравнимое чувство соперничества.

Ворожцов стоял перед ним. На взводе.

— Рискни, — обронил Тимур, готовый к удару. — А Лесю все равно не получишь.

Ворожцов еще несколько секунд продолжал буравить его взглядом, а потом выдохнул. Плечи его опустились.

Рохля.

— Не время, — сипло произнес он. Сглотнул, собираясь с мыслями. Продолжил: — Что ты сам думаешь?

Тимур почувствовал, как напряжение спадает.

— Думаю, — сказал уже спокойней, — что ты зря сейчас развел панику. У нас есть еда, вода, оружие, связь.

— Нет никакой связи, — покачал головой Ворожцов.

— Да ладно.

Тимур достал мобильник и нажал на кнопку старта. Аппарат пиликнул и даже не включился. Он попробовал еще раз — бесполезно.

— Аккумулятор, наверное, сел. — Тимур зажал обрез под мышкой, выудил части мобильного, с утра отнятого у Казарезовой, быстро собрал, попытался включить. Тот же результат. Зло рассовал телефоны по карманам. — Мало ли... Радиация, помехи.

— Я пробовал еще в лесу, — вздохнул Ворожцов. — Бесполезно. Только сигналы ПДА и не гложут. Так что ты думаешь?

Тимур очень медленно выдохнул, чтобы ботан не понял, что сердце у него опять разошлось.

— Все равно надо рискнуть, — упрямо буркнул он. — А то потом сами себя не простим.

Ворожцов засопел. Не ответил.

Тимур стиснул зубы до скрипа, проглотил густую слюну, разжал челюсти. В конце концов, чего он перед этим умником распинается? Пусть себе пыжится сколько влезет. Главное, чтобы дорогу правильно показывал.

Не вытерпев, подошел Мазила.

— Нашли время базарить. Тут кто-то вертолетики без батареек пускает, а они спорят. Настоящие бы сталкеры...

— Цыц, мелочь, — перебил Тимур, привычно уже перехватывая ружье. Подошел к девчонкам. — Готовы?

Леся кивнула и вопросительно посмотрела на него: мол, к чему готовы-то? Возвращаться или вперед, к намеченной цели? Спокойно посмотрела, без надрыва. Лишь в самой глубине ее блестящих глаз ужом свернулся страх.

— Вот и чудно. — Тимур еле заметно улыбнулся ей и повернулся к Ворожцову. — Идем дальше. Заводи свой детектор.

Порядок движения сохранили тот же: Тимур с Ворожцовым впереди, дальше — девчонки, Мазила — замыкающий.

Мелкий вертел лопухой башкой, то и дело оглядывался, присматривался, строил из себя великого следопыта, но Тимур видел, как на самом деле его постепенно накрывает страх.

Через сотню метров дорога стала смещаться к насыпи. Сначала потихоньку, незаметно, а потом резко вильнула к серому нагромождению камней и щебня. Пришлось остановиться и свериться с картой.

До ручья оставалось совсем немного, но это расстояние предстояло еще пройти вдоль железки, от которой дозиметр сходил с ума.

Тимур нервничал. Лишние рентгены непременно отзовутся в будущем, и явно не улучшением самочувствия. Можно так нахвататься, что мозги в студень развезет.

— Давай живей, — поторопил Тимур. — Что там твой сканер показывает?

— Вроде аномалий нет, но... — Ворожцов замялся, водя пальцем по экрану.

— Что «но»? — насторожился Тимур.

Ворожцов оторвался от ПДА и передернул плечами.

— Фонит так, что бежать надо до самого ручья без оглядки. А это опасно.

— Чем дальше стоим, тем фиговей. Швырни туда пару своих гаек, и я побегу. Потом вам крикну, что все нормально, и рванете следом.

— А если...

— Ничего не «если». Я не геройствую ради твоей шкуры, просто другого плана нет.

— Могу... я.

Ворожцов как-то растерянно и будто бы близоруко посмотрел на него. Тимур снисходительно улыбнулся в ответ. Объяснил:

— У меня ствол.

Никакого боевого опыта, кроме единственного залпа по игрушечному вертолету, у Тимура не было, но внутренней уверенности ему придавал тот факт, что он сумел сбить цель с первого же выстрела. Если уж в первый раз так легко получилось, то и потом не промахнется. О том, по чему или кому придется в будущем стрелять, он старался не думать.

— А я шустрый, — встрял Мазила, храбрясь. — Дай пушку и побегу.

— Смотри, пострел, как бы не полетел... — начал Тимур и запнулся. Перед глазами мигом возникла воздушная мясорубка, выворачивающая блондинчика, как тряпичную куклу. — Никуда ты не побежишь. Ворожцов, хорош тормозить — кидай болты.

Ворожцов с сомнением покачал головой, но спорить не стал. Вытащил из кармана железяки и запустил саморезом над каменистым холмом, за которым, судя по карте, скрывался ручей. Ничего не произошло. Шуруп с тихим «дзенннь» отскочил куда-то за пригорок, и все стихло.

— Ну-ка, еще один, — собираясь с духом, попросил Тимур. В последний момент почему-то стало крайне неудобно, в груди у него заплясал холодный язычок.

Ворожцов бросил гайку. Дзенннь-дзенннь. Тишина.

— Крикну оттуда, как добегу, — обронил Тимур и рванул к пригорку.

Бежать по усыпанному щебенкой и голышами песку было сложно. После нескольких шагов Тимур споткнулся и едва не расквасил нос. В последний момент успел упасть на колено и подставить руку. Ладонь отшибло, по ноге стрельнула боль аж до самого копчика. Обрез отлетел в сторону и клацнул стволом о камень.

— Осторожней! — крикнул сзади Мазила.

Тимур лишь неопределенно выругался в ответ. Поднял оружие, встал и побежал дальше, стараясь внимательней глядеть под ноги. На подъеме пришлось напрячься и попытеть, добираясь до вершины. Тимур умудрился черпануть песка манжетой ботинка, зацепиться рюкзаком за куст и чуть не грохнуться второй раз. Перемахнув наконец через холм, притормозил, чтобы изучить открывшийся перед ним сектор.

Грунт возле насыпи был перекошен, вывернут пластами: то ли бульдозер здесь поработал, то ли взрывами раскурочило. По правую руку светлела проплешина. Стволы торчали из земли обугленными головешками, и в первый момент могло показаться, что лес выкошен пожаром. Но это было не так. Над сухой почвой курился необычный туман желтоватого оттенка. Судя по тому, как дрянь изъела деревья, в янтарную муть лучше было не соваться.

Но Тимура эта гадость не интересовала. Ему нужно было добраться до тихо журчащей воды. Ручей уже виднелся с пригорка — оставалось сбежать и позвать остальных.

Тимур собрался продолжить движение, но в последний момент какое-то внутреннее чувство заставило его остановиться. Что-то не так. Он вгляделся в рытвины и отвалы земли. Ага, вот оно! У подножия склона мерцали еле приметные искорки. Они, как рой светлячков, кружили над торчащим из почвы куском шифера.

— Это что еще за фигня? — пробормотал Тимур, поднимая камень и прицеливаясь. — Сейчас мы тебя... механическим методом.

Он швырнул булыжник в синие огоньки. Раздался зубодробительный треск, и в стороны брызнули ломаные ниточки молний. Фиолетовая паутина оплела шифер и землю в радиусе пары метров. Одна из призрачных лапок, будто живая, протянулась в сторону Тимура, заставив его отшатнуться, но тут же истончилась и пропала. Искорки тоже исчезли.

— Что там? — донесся крик Ворожцова из-за холма.

— Нормально, — отозвался Тимур, осторожно спускаясь вниз и по большой дуге обходя опасное место. — Давайте сюда! Ноги не переломайте!

Он дождался остальных, и все вместе они трусцой добежали до ручья. Ворожцов с Мазилой хотели было остановиться и получше рассмотреть аномалию, но, глянув на показания дозиметра, решили не испытывать судьбу.

— А как она шарахнула, а? — с горящими глазами спросил Мазила, когда Тимур остановился возле ручья перевести дух. И, не дождавшись ответа, продолжил: — Я знаю, как такая штуковина называется. «Электра».

— Спасибо за информацию, — сердито сказал Тимур, вытрясая из ботинка песок. — А как вон туда всем вместе пролезть, ты тоже знаешь?

Он указал на узкий проход под бетонным козырьком, в который утекала вода. Скорее всего лаз вел на ту сторону насыпи, как они и рассчитывали, но его ширина не позволяла войти в темноту всем сразу.

— Не знаю, — честно помотал головой Мазила. — Наверное, по одному придется. Хочешь, теперь я первым пойду?

— Хочу, — признался Тимур. — Но не пойдешь.

Нужно было протиснуться в этот сырой лаз, разведать путь, и тогда остальные по одному смогут тоже перебраться на другую сторону. Из щели тянуло прохладой и какой-то химией вроде мазута или солидола.

Ворожцов без напоминаний достал свои гайки и кинул в темноту три штуки подряд. Бульк-бульк-бульк. Тихо.

— Глубоко, — с тревогой сказала Леся. — Ноги промочишь.

— Постараюсь не утонуть, — успокоил ее Тимур. Он скинул рюкзак, нацепил налобник и включил его. — Ждите. Ворожцов, ты за старшего.

Не дожидаясь реакции уязвленного ботана, он встал на шербатый бордюру и осторожно втиснулся в узкий лаз.

Некоторое время Тимур продвигался бочком, вывернув голову влево, чтобы освещать себе путь. Вода журчала под ногами негромко и равнодушно, и от этого монотонного звука становилось зябко. Впрочем, здесь и так было прохладней, чем снаружи, поэтому по шее у Тимура забегали мурашки. Луч хилого налобника пробивал темный проход на метр, не больше. На серых плитах угадывались угольные надписи и рисунки. Интересно, какому извращенцу пришло в голову разукрашивать бетонную кишку в самом узком месте?

Лаз кончился внезапно. Тимур оказался в углу комнаты-кармана с единственной дверью в противоположной стене. На скобах висел ржавый амбарный замок, сквозь сизый налет на железе проступали трафаретные буквы «КП-71».

Пол в комнате был неровный. Половина его утопала под водой, а вторая возвышалась над ней, образуя небольшую площадку. Возле дверного порога чернело загустевшее мазутное пятно — вот откуда так пахло.

Тяжелая тишина давила на уши. Лишь тихое журчание нарушало ее.

Тимур медленно повернул голову, освещая пространство, и застыл.

Посреди незатопленной плиты валялись игрушки. Не так много, как в лесу, но тоже прилично. Здесь были старые машинки без колес, причудливые человечки из конструктора, пластмассовые мечи и щиты, высохший мяч, самосвал с вмятиной на облупившемся кузове, крошечная гитара без струн.

Как там подметила Леся? Мальчишеские игрушки? Именно.

Возникло желание тихонько втиснуться спиной обратно в проход и убраться подальше от этого безумия. Но Тимур пересилил себя. Ну валяются чертовы игрушки посреди Зоны. Ну и что с того? Бывает. Выкинул кто-то старье, или водой намыло.

Объяснения получались надуманными. Перед глазами возникла варежка, потом вылетающий из-за ветвей вертолетик...

Сердце снова заухало в груди, словно отбойный молоток.

И в момент, когда он уже готов был сказать что-нибудь вслух, да погромче, чтоб сбросить с себя налипший страх, Тимур ощутил присутствие. Это так явно проступило где-то внутри, что в первое мгновение показалось: в дальнем углу комнаты началась возня.

Вжавшись спиной в холодное бетонное ребро, Тимур остановил палец, наполовину вдавивший спусковой крючок обреза. Колени дрожали.

На самом деле никакой возни в углу не было. Там лишь обозначилось легкое движение, а остальное достроило воображение.

— Э... — выдавил Тимур, водя головой, чтобы разглядеть хоть что-то в полумраке. Луч налобного фонаря тщетно скользил по стенам, выхватывая только неясные детали и бросая тени. — Я... стрелять буду.

Тот, кто притаился в углу, замер. Пугающий, молчаливый, чужой.

— Выходи, — уже уверенней потребовал Тимур, сжимая обрез. — И руки подними, а то приблю.

Существо двинулось вперед, заставив его напрячься до предела. Палец почти утопил крючок в скобе. Сердце пропустило удар...

В бледном пятне света появился... карлик? Нет. Тимур вздрогнул и едва не пальнул из ружья, когда до него дошло, что там стоит ребенок.

Оборванный, худой, чумазый мальчик лет семи шурился на фонарик. На нем были камуфляжные шаровары с обрезанными штанинами, штормовка с валиками подвернутых рукавов, плотная вязаная шапочка и резиновые сапоги.

В руках маленький хозяин игрушек держал пластмассовый автомат.

— Пуф-пуф, — сказал он.

И улыбнулся щербатым ртом. От этой улыбки у Тимура на загривке волосы встали дыбом, а ноги подогнулись. Указательный палец заостенел.

— Пуф-пуф, — повторил мальчик и потыкал игрушечным автоматом в воздух, приглашая к игре. — Пуф-пуф.

С десяток мыслей у Тимура роились в голове, но ни одна из них не задерживалась в сознании. Откуда в Зоне ребенок? Как он смог выжить среди смертельных аномалий? Почему не нашел взрослых?

Вопросы лихорадочно барабанили по черепу и рикошетили. Ответов не было.

— Пуф-пуф... — в третий раз повторил мальчик, обиженно дуя растрескавшиеся губы.

— Уходи, — сипло процедил Тимур, чувствуя, как все внутри дрожит, как хочется бежать, как натянут каждый нерв. — Уходи. Я не буду с тобой играть.

Он не знал, что еще сказать мальчику, которого просто не могло здесь быть.

Ребенок некоторое время молча смотрел на Тимура исподлобья, будто не верил. Было видно, как раздуваются грязные крылья носа и подрагивает подбородок. Наконец мальчик опустил свой пластиковый автомат, сморщился, словно собрался занять, но почти сразу шумно выдохнул и отвернулся.

Соплей не последовало.

Он просто ушел.

А Тимур еще долго стоял и слушал, как глухие удары сердца разбивают хрустальное журчание воды. У него что-то надломилось внутри. И склеить это уже было нельзя.

Глава пятая. Ночь

Насыпь с узкоколейкой давно скрылась из виду. Дозиметр утихомирился и больше не действовал на нервы зашкаливающим индикатором. Вот только спокойней от этого не стало. Чем дальше шли, тем больше подступала усталость. А от нее постепенно сдавали нервы. Да еще эта тишина.

С одной стороны, было не до разговоров, с другой — в молчании каждый оставался наедине со своими мыслями и своим безумием. Ни то, ни другое радости не добавляло.

Леся устала. Держалась молодцом, но видно было, каким трудом дается ей кажущееся спокойствие. Ворожцову хотелось подойти к ней, успокоить. Прижать покрепче и дать выплакаться.

С Наташкой все было значительно хуже. Временами она затихала и, казалось, немного успокаивалась, даже начинала реагировать на окружающее. Но стоило только взгляду зацепиться за темное запекшееся пятно на блузке, как лицо ее бледнело, в глазах вспыхивал панический ужас, а на смену ему мгновенно приходил стеклянный блеск. Словно сознание Наташи отгораживалось от мира толстым витринным стеклом.

Мазила топал удивительно тихий и напуганный. Поначалу Ворожцову казалось, что мелкий бодрится, потом подумалось, что он легче других воспринял жуткую смерть Сергуни. А потом... потом Ворожцов начал подозревать, что до Мазилы просто не дошло произошедшее. Не влезло в сознание, не дотянулось до кишок. Сейчас, судя по лицу, начинало доходить.

Что-то похожее происходило и с Тимуром. Сперва тот храбрился, а после прохода через тоннель как-то потерялся. Словно по его внутреннему стержню что-то серьезно ударило. Но обвинить Тимура в тугодумии Ворожцов не рискнул бы. Возможно, тот столкнулся в тоннеле с чем-то жутким. Но если так — что это было? Куда делось? И почему однокашник и словом не обмолвился об этом?

Последний вопрос был риторическим. Если Тимур столкнулся с чем-то и оставил при себе, значит, не хотел пугать остальных. А пугаться, судя по его лицу, было чего.

Ворожцов тряхнул головой. Все это догадки, не больше. А может, и вовсе плод его фантазии. Вокруг и без придумок опасностей хватает, и нечего лишние страшилки изобретать.

Тимур вскинул руку, остановился. Девчонки с Мазилой послушно замерли. Ворожцов обогнул их, подошел к Тимуру.

Тот молча кивнул куда-то в сторону.

Приглядываться пришлось недолго. Даже несмотря на подступающие сумерки и буйные заросли, окружившие сторожку, остов избенки был виден издалека.

— Обойдем? — пожегился Мазила, который тоже разглядел ветхую постройку за кустами.

— Подойдем, а там посмотрим, — не согласился Ворожцов.

— Куда чего девается, — фыркнул Тимур.

Ворожцов покосился на него.

— Такой осторожный был, — пояснил Тимур, — а тут вдруг «подойдем, посмотрим».

— Если там опасность, лучше увидеть ее сразу, чем пройти мимо и оставить за спиной, — пожал плечами Ворожцов и зашагал к сторожке.

Тимур со своей манерой бодаться злил. Причем чем дальше, тем больше. Ворожцов даже затосковал по Сергуниным подначкам. У блондинчика оно выходило легко, естественно. Просто потому, что он сам был такой. Всегда с издевкой, всегда поперек. Тимур был другим, а противопоставлял себя по одной простой причине. И причина эта, как виделось Ворожцову, шла рядом.

Он обернулся к Лесе, словно торопясь убедиться, что она и в самом деле здесь.

А ведь прав на нее у Тимура не больше, чем у Ворожцова. Просто почему-то принято считать, что если у тебя плечи пошире и морда посмазливее, то ты имеешь право на девчонку, а если ты неприметный зануда, то ничего тебе не светит.

Ворожцов с таким раскладом был не согласен. Зато Тимур, кажется, другого варианта не видел. Рассудить их могла бы сама Леся, но она молчала. И если уж по-честному, то никто из них не рискнул подойти и спросить у нее о главном в лоб. Они молча делили девчонку у нее за спиной. Не особенно заботясь о том, что думает по этому поводу она сама. Наверное, так часто бывает.

Добравшись до этой мысли, Ворожцов устыдился и запоздало подумал, что уж он-то будет честным и позволит ей выбирать самой. Лучше любить Лесю издалека и оставаться порядочным, чем наплевать на все, только бы ее добиться. Правда, тут же мелькнула мысль: Тимур точно не будет так благороден. Но он отогнал ее: в конце концов, благородство Тимура — дело Тимура.

Тот словно услышал его мысли, нагнал и вышел вперед. Ворожцов не стал настаивать: если ему надо идти первым, пусть идет. В конечном итоге не так важно, кто где идет, важно, кто чего стоит.

Дорога была чистой до самой развалюхи, и Ворожцов перевел ПДА в спящий режим.

Сторожка стояла мертвой, будто часовня на старом заброшенном кладбище. Опасности не ощущалось. Если кто-то и жил здесь, то очень давно. Да и негде тут было жить. Крыша обветшала и истлела настолько, что от нее осталась одна обрешетка. Стены выглядели немногим лучше. Пол сгнил, кое-где через рассыпающийся в труху настил пробивались молоденькие деревца.

Пахло сыростью, гнилью, тленом.

Пока Ворожцов оглядывал строение снаружи, Тимур подсуетился и первым шагнул в дверной проем. Куда делась сама дверь, оставалось только гадать.

Ворожцов переступил через пару порошков. В большой комнате, или, правильнее сказать, на месте большой комнаты, пол по центру прогорел. На этом месте темнело кострище. Доски настила почернели по краям прожженной дыры. Там же громоздилась кучка головешек.

— Чего жалом водишь? — подошел Тимур.

— Гарью тянет, — поделился Ворожцов. — Спать здесь не стоит.

— Это еще почему? — возмутился Тимур.

— Хочешь, спи здесь, — не стал спорить Ворожцов. — Я палатку снаружи поставлю. И костер разведу.

— Мы теперь делиться будем?

— Не я первый начал, — устало пожал плечами Ворожцов и вышел на воздух.

Девчонки и Мазила стояли рядом, заняв выжидательную позицию. Ворожцов скинул рюкзак и принялся разбирать палатку.

Тимур вышел из избушки-развалюшки чернее тучи.

— Чего стоим? Темнеет. Мелкий, давай за дровами.

Мазила неловко сбросил рюкзак. Посмотрел на сумеречную дымку, что окутывала опушку, скрадывая пространство между деревьями.

— Я один не пойду, — пробормотал мелкий как-то потерянно.

— Казарезову с собой прихвати, — огрызнулся Тимур.

Наташка выдавила из себя странный булькающий звук, но ничего членораздельного не сказала. Леся, что только-только отпустила подругу, поспешно схватила ее за руку, подбадривая.

— Зачем ты так? — сказала с мягким укором Тимуру и повернулась к Мазиле: — Идем.

Тот заторопился, засуетился, будто ему предложили что-то постыдное. Ворожцов оторвался от палатки.

— Погодите.

Поднялся, подошел и отдал Лесе ПДА.

— Датчик включен. Осторожнее там.

Леся приняла прибор с благодарностью. Мазила уважительно кивнул.

— Спасибо, сталкер.

— Идите уже, сталкеры, — сердито проворчал Тимур, хотя распоряжений не требовалось.

Леся и мелкий уже топали к лесу.

Наташка села на рюкзак и вперила стеклянный взгляд в пятно на блузке. Оно словно и притягивало ее, и пугало. Ворожцов заметил это давно и всерьез опасался за ее психику.

— Наташ, — попросил он как мог мягко, — там в рюкзаке консервы и крупа. Доставай пока. Ужин готовить будем.

Он хотел отвлечь ее, успокоить, переключить. Но вкрадчивые слова произвели обратное действие. Наташа побледнела и быстро-быстро замотала головой.

— Сереже не нравилось, как я готовлю, — пробормотала она.

Губы ее затряслись, глаза заблестели. Ворожцов поспешно отвернулся, боясь, что она разревется. Унимать чужие слезы он никогда не умел.

А еще она первый раз назвала Сергуню Сережей. Никогда, кажется, так его не называла, пока тот был жив. Ни в школе, ни здесь. А теперь, когда его нет...

Ворожцов передернул плечами. Теперь его нет. Теперь всем стало понятно, что это не шутки. Поначалу, после первого шока, даже назад бежать хотели. Правда, потом вспомнили, что назад пути нет. Вперед идти страшно и опасно, а назад, туда, откуда едва убежали, — невозможно.

Вперед. А куда вперед? Цель этой прогулки теперь не казалась такой значительной. Никто не собирался так дорого за нее платить. Что они скажут, когда вернутся? Своим родителям, родителям Сергуни? Как объяснят, что их сын... Ворожцов сглотнул и поспешно отогнал мысль. Это все потом, когда вернутся. Если вернутся.

— Тимур, ты чего рычишь? — спросил он, чтобы хоть как-то отвлечься. — В тоннеле встретил кого?

— Никого не встретил, — бесцветным голосом отозвался Тимур.

— А чего тогда завелся?

— Тебе причин мало? Слушай, Ворожцов, ставь палатку и не лезь ко мне со своими психологическими консультациями. Лечи вон... — Тимур глянул на Казарезову, осекся. Брякнул первое, что пришло в голову: — Брата своего лечи.

Ответить хотелось, но продолжать перепалку Ворожцов не стал. Какой смысл? На фиг, от греха подальше. Он повернулся к Наташке, позвал:

— Наташ, поддержи тент, пожалуйста.

Казарезова подошла, как сомнамбула, на негнущихся ногах. Но хоть подошла, услышала, отреагировала. Уже хорошо.

Не успели закончить с палатками, как вернулись Леся и Мазила. Леся тащила большую охапку хвороста. Мелкий волок две подрубленные под корешок сосенки. Небольшие, но Ворожцов здраво рассудил, что две такие дуры сам бы он в одиночку не дотащил. А Мазилу зря зовут «мелким»: физически пацан развит отлично.

Костер занялся мгновенно, и вода в котелке вскипела раньше, чем окончательно стемнело. Кашу варили Леся с Ворожцовым. Готовка получилась волнительной. Особенно когда наклонялись над котелком, чуть не сталкиваясь лбами.

Тимур поглядывал на это со стороны и при любом удобном случае взглядом напоминал Ворожцову, где его место. Но на взгляды, да и на самого Тимура сейчас было наплевать. Рядом Леся. Они делают что-то вместе, и это сближает.

Во всяком случае, Ворожцову хотелось так думать.

А еще из головы не шел Сергуня. Ворожцов размышлял о странностях человеческой натуры. Днем казалось, что ужас произошедшего не отпустит никогда. А сейчас... Ничего не изменилось. Сергуня все так же мертв. На блузке Наташкиной все то же спекшееся пятно. И сами они все в том же жутком лесу на краю Зоны. А жизнь, как ни крути, продолжается, и трагедия, такая страшная и такая непереносимая, уже отделилась. Боль притупилась.

Когда блондинчика размазало в аномалии, Ворожцову казалось, что он никогда больше не сможет есть мяса. А сейчас не только он, даже Казарезова трескает кашу с тушенкой за обе щеки. Видимо, организм берет свое. Оно и правильно. Телу до лампочки душевные терзания. Иди оно на поводу у рефлексий, человечество давно бы вымерло.

— Кто дежурить будет? — спросил мелкий, облизывая ложку.

— Все по очереди, — отозвался Тимур. — Сначала Ворожцов, потом ты, утром я. Девчонок не эксплуатируем.

— Чего это ты утром?

— Под утро спать больше всего хочется, — охотно поделился Тимур. — А я себе как-то больше доверяю.

Ворожцов отвернулся. Знал, что Тимур посмотрит на него, знал, что уже смотрит. Чувствовал. Потому и отвернулся. Никак не поймет, что им сейчас надо быть единым целым, а не грызть друг друга. Только вместе смогут выйти. Поодиночке — не выбраться.

Окончательно стемнело. Лес зашевелился, зашуршал невидимой ночной жизнью. Звуки были незнакомыми и пугающими. Разве что костер трещал привычно. Сторожка высилась рядом страшным остовом с черными провалами дверей и окон, похожая на огромное мертвое животное.

Кто здесь жил раньше? И когда было это «раньше»? Говорят, до взрыва, после которого образовалась Зона, был еще один взрыв. Рванула атомная станция. Ворожцов даже читал об этом, но это было давно, еще до его рождения, и казалось преданием глубокой старины, как революция семнадцатого года или отечественная война двенадцатого.

Леся собрала миски, ополоснула, сложила на траву в тамбуре и полезла в палатку.

— Спокойной ночи, — сказала, снимая кроссовки. — Наташ, ты идешь?

— Мне в туалет надо, — тихо поделилась Казарезова и просительно посмотрела на Ворожцова: — Проводишь?

Сверкнули в темноте глаза Тимура. Победно сверкнули, будто он только что выиграл крупное сражение. Ворожцов вздохнул, поднялся и кивнул.

— Конечно.

— Только ты вперед иди, — шепнула Наташка, чтобы услышал только он. — Я боюсь.

Ворожцов молча побрел к кустам. Оставлять Тимура с Лесей ему не хотелось, но не бросать же напуганную девчонку одну в темном лесу. Наташка тихонько шлепала сзади. Даже шаги ее стали какими-то подавленными, притихшими, сломленными. Ворожцов зашел за деревья, остановился перед кустами. Включил налобный фонарик, посветил. На всякий случай поводит из стороны в сторону наладонником. Чисто.

Кивнул Наташке:

— Давай.

Казарезова шагнула к кустам, расстегнула пуговицу, замялась. Посмотрела на Ворожцова с мольбой в глазах.

— Только ты не уходи, пожалуйста.

— Не уйду, — пообещал Ворожцов.

Наташка сделала пару шагов, присела. Вжикнула молния. Ворожцов отвернулся, лишая девчонку источника света.

— Посвети, — мгновенно донеслось от кустов.

Стараясь не смотреть, Ворожцов повернул голову.

Куда бы глаза спрятать. А Сергуня, наверное, сейчас бы пялился. Хотя если б не Сергуня, Наташке проводник не понадобился бы.

Снова чиркнула молния. Зашуршало. Ворожцов открыл глаза, только теперь сообразив, что зажмурился от греха подальше.

— Все?

Наташка кивнула.

— Тогда идем.

Стараясь не смотреть на Казарезову, он зашагал к костру. Но Наташка, словно нарываясь на неловкость, догнала, схватила под руку с таким остервенением, с каким тонущий цепляется за соломинку.

У костра никого не было. Из одной палатки доносилось сопение Мазилы. Из другой — тихое перешептывание. Чертов Тимур все-таки увязался за Лесей. Что он ей там сейчас втирает, на что подговаривает? Чего хочет?

Кровь застучала в висках. Ворожцов сел возле костра и опустил голову на руки. Наташка как приклеенная опустилась рядом. Только сейчас он заметил, что ее трясет. То ли замерзла, то ли нервы совсем сдали.

— Обними меня, — попросила она едва слышно.

В первый момент ему показалось, что ослышался. Ворожцов посмотрел на Наташу. Та подалась к нему, в глазах бурлило что-то безнадежное. Ему стало страшно.

— Слышишь? — добавила Наташка чуть громче.

Ворожцов неловко раскинул руки, обнял. Она прижалась к нему всем телом. Подалась вперед. Он не понял, скорее, почувствовал, что тянется для поцелуя. Тянется, ждет ответа. От него. От Ворожцова. А он...

Он думал о том, что происходит сейчас там, в палатке. О том, что шепчет Тимур Лесе.

Поцелуй вышел неуклюжий. Совсем не такой, какого ждала Наташка. Ворожцов прижал ее крепче к себе, лишая возможности повторить попытку. Наташа затихла. Какое-то время сидела тихо, как мышь. Потом спросила совершенно отчетливо и трезво, словно не было того безумия, которое терзало ее весь день:

— Мы ведь все так... как Сережа?

— Нет, — помотал головой Ворожцов, чувствуя, что сам до конца не верит тому, что говорит. — Нет, все будет хорошо. Мы доберемся, куда планировали, и выйдем из Зоны.

— Неужели твой брат не мог поближе экспериментировать?

— Аппарат надо было настроить на аномалию, — попытался объяснить Ворожцов то, что сам не совсем понимал. — Где аномалию нашли, там и настроили.

— Безумие какое-то, — пробормотала Наташка, вызывая в его памяти образы из прошлого...

* * *

— ...безумие какое-то, — качает головой Лешка Эпштейн.

Лешка — старинный друг брата. Павел учился с ним в школе, потом в институте. Лешку выперли с четвертого курса за неуспеваемость. Но он всем говорит, что сам ушел. Отчасти это правда — если бы Лешка захотел, мог бы восстановиться. Но гордость выиграла, и он ушел, сказав, что не желает иметь ничего общего с теоретиками, рассусоливающими на ровном месте и не знающими, о чем говорят.

Павел говорит, что это ребячество. Ворожцов верит брату, но гордая поза Лешки подкупает и вызывает уважение.

На выпады Лешки Павел не отвечает.

— Это дурь, Пашик, — продолжает поддевать Эпштейн. Павел терпеть не может, когда его называют Пашиком, Лешка это знает и дразнит целенаправленно. — Полная дурь. Павел Ворожцов и его научный руководитель кабинетный червяк Василий Александрович Иванченко попрутся в зону отчуждения проверять свои теоретические выкладки.

— Ну да, — поддается брат, задетый за живое. — Профессор Иванченко, конечно, ни черта не знает. Потому он и профессор. То ли дело недоучка Эпштейн. Он все знает уже по факту фамилии.

Вообще Павел не антисемит. Но когда Лешка достает его своими подначками, брат вспоминает про еврейские корни приятеля и начинает по ним топтаться. Лешка не обижается. Наоборот, веселится еще больше, чувствуя, что загнал Павла в угол. И это правда. Потому что, если у брата есть другие аргументы, он даже шуток на тему жидов не отпускает.

— Давай-давай, — забавляется Эпштейн. Рожа у него хитрая, усмешка гадкая. — Обижай бедного еврея. Весь мир тысячи лет обижает, так чего бы господину Ворожцову не присоединиться.

— Вас, евреев, иметь — только болт тупить, — огрызается Павел и, спохватившись, смотрит на Ворожцова. — А ты чего тут сидишь, уши развесил? — набрасывается Павел на младшего брата, чтобы компенсировать собственную вину.

— Оставь пацана в покое, — вступает за младшего Эпштейн и поворачивается к нему, игнорируя негодование Павла. — Слушай меня, — говорит он Ворожцову. — Никогда не связывайся с современной наукой. Ученые — это те, которые практики-естествоиспытатели. А всякие профессора, что по кабинетам сидят, определения вводят и диссертации строчат, — это пустышки. Графоманы от науки, занимающиеся наукой ради науки. Как они могут о чем-то судить, если этого чего-то ни в глаза не видели, ни в руках не держали.

Ворожцов кивает. Павел злится. Лешка Эпштейн, наверное, имеет право так говорить. В институте он учился, хоть и не окончил. Но поступил сам, с первого раза, без блата и подношений. И первые два года учился на «отлично». Потом пошли спецпредметы, практика, и Лешка как с цепи сорвался. В итоге вылетел, бросил все, сменил специальность и начал мотаться по всему СНГ, привязываясь правдами и неправдами к различным экспедициям: от археологических до геологоразведочных.

— Ты сейчас о чем, провокатор иудейский? — бесится Павел. — У нас есть прибор. Это наша разработка. Практическая, между прочим. А про аномалию нам из лаборатории, которая их изучает, подробные выкладки прислали.

— Прибор ваш испытаний не проходил и ни фига не работает, — продолжает дразнить Эпштейн, услышав про иудея.

— Он не работает в отсутствие аномалии, — не соглашается Павел. — Если его настроить на аномалию...

— А на аномалию его никто не настраивал. Испытаний в полевых условиях прибор не проходил. Значит, на текущий момент утверждать, что он работает, мы не можем.

— Ну, так мы и идем проверять его в полевых условиях! — взрывается Павел.

Эпштейн издевательски хохочет, хотя за издевкой Ворожцову слышатся звенящие нотки. Будто Лешка заранее похоронил экспедицию брата и, подзуживая Павла, пытается отговорить его от опасной затеи.

— Кто вы? — насмеявшись, спрашивает он. — Два старых пердуна из института, которые только и умеют, что учебники из чужих теорий компилировать, да ты, аспирант недоделанный, до кучи? Ты хоть понимаешь, куда вы лезете?

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь. А если понимаешь, скажи зачем?

Павел встает, проходит по комнате туда-сюда, принимает позу, с какой, должно быть, читает лекции студентам. Говорит излишне напыщенно. Даже Ворожцов при всей любви и уважении к старшему брату чувствует фальшь.

— Человечество с древних времен мечтало найти средство для омоложения. Алхимики искали эликсир молодости, врачи...

— Это ты своим студентам задвигай, — кривит рожу Эпштейн. — Мне, пожалуйста, сухой остаток.

— В сухом остатке наша кафедра занимается, как ты знаешь, проблемами омоложения. А наша лаборатория разработала теорию о направленном аномальном влиянии на человеческий организм для омоложения. И мы создали прибор, который поможет использовать свойства аномалии во благо.

— А ты представляешь себе, как ведет себя эта аномалия в обычных условиях?

— Я читал документацию, — чеканно отвечает Павел.

— Документацию? — Эпштейн тоже начинает злиться. Встает и подходит к Павлу. — А книжки в детстве приключенческие читал? Читал, как морды таранят? В уличных драках? Читал? Знаешь?

Павел смотрит непонимающе. Лешка резко вскидывает руку. Следует короткий замах. Ворожцову кажется, что брат сейчас получит крепкий удар по лицу. Он уже готов увидеть, как брызнет кровь из расквашенного носа, но кулак Эпштейна останавливается в сантиметре от переносицы.

Лешка опускает руку. Павел смотрит оторопело. Невысокий, сухощавый, кажущийся безобидным Эпштейн в ярости меняется и становится крайне опасным.

— Читал? Знаешь? — повторяет он уже спокойно. — И как, помогло бы это тебе сейчас?

Павел садится. Он все еще изумленно моргает — видно, оторопь не прошла.

— Я тебя не понимаю, — говорит он с какой-то новой, послушной интонацией. — То ты называешь нас кабинетными учеными и обвиняешь в незнании реалий. То ты бросаешься на нас же за то, что мы вылезаем из лаборатории и идем навстречу этим реалиям. Где логика?

— Логика есть, — отвечает Эпштейн. — Просто каждый должен заниматься своим делом. Есть люди, которые знают, что такое Зона и как туда ходить.

— И отдать им успех всей разработки? — вскидывается Павел. — Нет уж, дудки. Если все случится так, как мы рассчитали, то это Нобелевская премия. Такими вещами с кем попало не делятся.

— И ты готов ради этого жизнью рисковать?

— Ради того, чтобы люди могли молодеть? Ради того, чтобы побитые возрастом пожилые женщины могли снова с радостью смотреть в зеркало? Могли быть красивыми? Ради того, чтобы мужики забыли о возрастных болячках, которые возникают не от вирусов, а от старости? Ради этого? Да, я готов рисковать.

Лешка безнадежно машет рукой. Смотрит на Ворожцова и выдает устало:

— Твой старший брат — идиот...

* * *

...Вжикнуло. Ворожцов вздрогнул, возвращаясь к реальности. Не сразу сообразил, что резкий звук, заставивший подпрыгнуть от неожиданности, всего лишь звук открывающейся молнии тента.

Из палатки девчонок высунулись Тимуровы конечности. Все четыре. Верхние принялись натягивать на нижние высокие ботинки и шнуровать их.

Задремавшая было в объятиях Ворожцова Наташка подняла голову, отстранилась и сонно сощурилась.

— Наташ, ложись спать, — сказал Ворожцов.

Казарезова, которая отродясь, сколько он себя помнил, не реагировала на его слова, послушно встала и пошла в палатку. Вот как: до цели еще не добрались, а что-то в каждом из них уже поменялось.

Странная мысль промелькнула и растаяла, как приземлившаяся на ладонь снежинка. Наташка нырнула в палатку, к костру подошел Тимур.

Ворожцов недобро поглядел на него.

— Чего зыришь? — с издевкой спросил Тимур и уселся рядом.

— Ты чего там делал? — сквозь зубы процедил Ворожцов.

— А тебе какое дело? — с вызовом ответил Тимур. — Я ж тебя не спрашиваю, чего ты тут с Казарезовой обжимался.

— Дурак, — беззлобно бросил Ворожцов. — Это не то, что ты подумал.

— А я вообще ничего не думал. Это ваше с Казарезовой дело. Понятно? Я в него не суюсь. И ты в мои дела не суйся.

Внутри что-то напряженно задрожало. Ворожцов сглотнул.

— Уверен, что это твое дело?

— Уверен, — отозвался Тимур. — С двумя сразу крутить — это как-то нехорошо, правда? Не засни. И не забудь мелкого разбудить.

Тимур поднялся и исчез во второй палатке. Вжикнула молния, шлепнулись один за другим на землю ботинки. Снова вжикнуло, и все стихло.

Ворожцов остался один. Сейчас он чувствовал это неожиданно накатившее одиночество очень остро. И не важно, что рядом были палатки, за тонкими стенками которых спали люди. Они находились сейчас будто в другом измерении. Материя ограждала их от леса, создавая иллюзию защищенности. Они спали в своем коконе, в своей скорлупке. А Ворожцов сидел один на один с затухающим костром, среди ночи и леса.

Лес шуршал, скрипел, стонал и пугал непривычными, чужими звуками. Прошлую ночь они провели, сказать честно, еще не в Зоне. Сегодня спали тоже на самом ее краешке. Но даже от этого краешка веяло такой жутью, что Ворожцов был вынужден признаться себе: ему страшно до дрожи. И воспоминания о событиях последних дней смелости не добавляют.

Костер притух. Пламя поутихло, словно кто-то повернул вентиль на газовой горелке. Синеватые язычки лишь изредка пробежали теперь по красным головешкам.

От углей жара было больше, чем света. Наверное, именно поэтому Ворожцов увидел свечение, которого раньше то ли не было, то ли он не замечал. Свет был неярким, ядовитым, фосфоресцирующим.

Светилось что-то внутри сторожки.

Судя по отсвету, источник был невелик и располагался под самым окном.

В животе неприятно сжалось. Так стискивало кишки в детстве на качелях, когда, забывшись и потеряв контроль, раскачивался до опасного предела и вдруг соображал, насколько сильно мотает. Понимал, что еще чуть — и перекрутится на триста шестьдесят градусов.

Рука сама нащупала поленья. Он подкинул пару дровин на угли. Вспыхнуло. Языки пламени с жадностью стали облизывать сухое дерево.

Ворожцов подхватил толстую ветку, сунул одним концом в костер, подождал, пока займется, и поднялся уже с импровизированным факелом в руке.

До сторожки было всего ничего.

Держа перед собой полыхающую ветку, он осторожно приблизился к чернеющему оконными провалами остову. Ядовитое свечение никуда не делось, но в свете самопального факела его было практически невозможно различить.

— Кто здесь? — позвал Ворожцов шепотом.

Никто не откликнулся. Наверное, стоило бы разбудить остальных. Хотя бы Тимура. Мысль была здравой, но вместо того, чтобы последовать ей, Ворожцов шагнул внутрь сторожки. Словно что-то манило.

На полу было много мусора — днем здесь казалось чище. Вроде бы даже вообще ничего такого не валялось. Вспоминалась разве что прожженная в полу дыра и кострище. В темноте, при свете факела, каждый камушек, каждый черепок от разбитого много лет назад цветочного горшка, каждый клочок полиэтилена отбрасывали внушительную, пугающую тень. Пол казался просто заваленным всяким хламом.

Хотя умом Ворожцов понимал, что ничему новому здесь взяться было просто неоткуда.

Скрипнуло. Дыхание у Ворожцова перехватило, сердце заколотилось. И только в следующую секунду понял, что скрипнуло у него под ногами.

Прислушался. Тишина.

— Да никого здесь нет, — сказал он вслух, чтобы себя подбодрить.

Светилось под третьим от двери окном.

В дальней комнате, а вернее, в том, что от нее осталось, тоже никого не было. Фосфоресцировал небольшой предмет под окном. Ворожцов подошел чуть ближе, замер в нерешительности. Снова выставил перед собой затухающий факел, стараясь получше разглядеть источник света.

Предмет больше всего напоминал крупный кристалл, усыпанный, как морской еж, желтыми светящимися иголками. Свет расходился метра на полтора-два. Так мог бы выглядеть какой-нибудь уникальный предмет. Но те редкие артефакты, которые Ворожцову довелось видеть за пределами Зоны, не светились.

Догадка пришла сама собой. Рука метнулась в карман, пальцы нащупали наладонник. ПДА пискнул. Ворожцов навел прибор на светящуюся штуку. Дозиметр ожил, показывая наличие фона.

Счетчик не зашкалило, но излучение было довольно сильным.

Ворожцов подошел ближе, поддел кристалл почти погасшим концом ветки и, словно хоккеист, зафиндюлил кристалл в центр комнаты. Желтое свечение прокатилось по темному пространству, провалилось в обугленную дыру в полу и затаилось между досок. С улицы его теперь не заметно.

А то увидит какой-нибудь Мазила, и начнется: «Это же суперартефакт, он же стоит бешеных денег, давай возьмем». Сколько бы ни стоила эта штука, брать и таскать с собой радиоактивный кристалл Ворожцов не собирался. Не нужно это. Разве что в специальный контейнер упаковать. Вроде такие есть у ученых и у сталкеров. Но они-то не ученые и не сталкеры, у них нужной тары нет. А пихать радиацию в рюкзак... Нет уж, на фиг!

Ветка, которую он использовал как факел, полыхнула на прощание и потухла. Желтое свечение в проломе выглядело жутковато. Стало страшно, как в детстве, когда просыпаешься посреди ночи и понимаешь, что совершенно один в темной комнате.

Ворожцов поспешил наружу. После мрачной сторожки с захламленным полом место у костра выглядело родным, обжитым и безопасным.

Мазилу Ворожцов разбудил через два часа. Мелкий вылез из палатки всклокоченный и помятый. Долго ежился, тер глаза. Ворожцов дождался, пока он окончательно проснется.

— С дровами поэкономней, — посоветовал он Мазиле. — Горят быстро, а запасли немного. Рассчитывай до утра. Но смотри, чтоб не потухло совсем.

— Угу, — кивнул Мазила.

— Если что, буди.

— Мы и сами с усами, — мужественно отозвался мелкий и передернулся. Скорее от холода, чем от страха, но на контрасте выглядело смешно.

— Не храбрись, — усмехнулся Ворожцов и полез в палатку.

Скинул обувь, куртку. Завернулся в спальник. Стало тепло и уютно. Хотелось спать, но сон не шел.

Все-таки интересно, что за штуку он нашел в сторожке. Мазила наверняка в курсе. Этот в теории знает все, что касается Зоны, сталкеров, оружия, артефактов и аномалий. Мелкий, кажется, перерыл весь интернет, перечитал все, что было доступно, на эти темы.

Ему вроде бы даже удалось пообщаться с какими-то бродягами вживую, если не врет.

Мазила мог опознать находку, сказать, что это такое и сколько стоит. Но если ему показать штуковину, и выяснится, что она дорогая, дело может принять нежелательный оборот. Да даже если эта ерунда ничего не стоит. С мелкого станется. Даром, что ли, фанатеет от местных реалий.

Ворожцов наступил на горло собственному любопытству. В конце концов, не за артефактами они сюда пришли. Не стоила никакая светящаяся дрянь жизни Сергуни. У них совсем другая цель.

«А что, — метнулось вдруг в сознании, — эта цель стоила его жизни?»

Ворожцов открыл глаза. Сон как рукой сняло. Сердце гулко заухало в груди. Не заболело, не защемило, но он очень явственно сейчас ощутил, что оно там есть.

Или это — совесть?

Совесть, не совесть, а как смотреть в глаза Сергуниным родителям? Это сейчас все на нервах, а когда доберутся до цели и вернуться? Они-то получают то, за чем шли, а блондинчик уже никогда ничего не получит. Он умер.

А им с этим жить.

Ему лично с этим жить!

Снова стало холодно. Неужели до него это все тоже дошло только теперь? Он так умно рассуждал о том, что поняли и прочувствовали другие, а сам, кажется, до конца осмыслил произошедшее только теперь. Или даже теперь не осмыслил? Сколько раз ему еще придется прокручивать это в голове?

Дернулся и забормотал что-то во сне Тимур. Ворожцов поспешил закрыть глаза. Разговаривать с ним, если вдруг проснется от кошмаров, не хотелось.

Брат когда-то сказал, что все гуманисты — доморощенные трепачи, а на самом деле цель оправдывает средства. И кто бы что ни говорил, это так. Так всегда было и всегда будет. А рассуждают об этом обычно, когда цели и средства чужие. Когда свои, никто не болтает. Просто идут напролом.

Ворожцов тогда не мог спорить, потому что любой разговор на подобную тему был бы обычным трепом. Тем самым, о котором говорил брат. Потому что у Ворожцова никогда не было такой цели, которая требовала бы что-то себе подчинить или что-то оправдывала.

Сейчас цель возникла. И ситуация возникла. И Ворожцов готов был спорить с Павлом.

Да, сейчас он мог бы сказать брату, что никакая цель не стоила того, чтобы пятнадцатилетнего пацана разметало по поляне между сосен. Хотя Павел, наверное, думал иначе. Но ведь у Павла была другая цель. Даже несмотря на то, что шли они в одно место, чтобы запустить один и тот же прибор. Ворожцов знал, как работает прибор, и его привлекало именно это знание. А Павел не знал, как он работает, но надеялся, что эта штука, настроенная на аномалию, подарит им с профессором Иванченко славу, почет и вечную молодость для всего мира по сходной цене.

Сознание поплыло, мысли спутались, и Ворожцов увидел то, что уже видел когда-то...

* * *

...Павел стоит посреди комнаты. На полу рюкзак, он заполнен лишь наполовину. Внутри самое нужное, точнее — часть самого нужного. Остальное нужное и ненужное раскидано по всей комнате без всякой системы. Хотя брат находит в этом хаосе какой-то порядок.

Именно в таком состоянии застает его Ворожцов. Их отпустили с последнего урока: литераторша заболела. И он поддавливает дома брата.

Павел сердится. Он старался уйти так, чтобы никто не знал о его уходе. Родители на работе, младший в школе. Он должен был уйти незамеченным, но малой прищлепал раньше времени и спутал планы.

— Ты что здесь делаешь? — ворчит Павел.

— Отпустили раньше, — бормочет Ворожцов, словно оправдывается. Хотя оправдываться не за что. — А ты?

— Вещи собираю. Я уеду на пару дней. Маме оставил записку, что буду в командировке.

Ворожцов кидает сумку возле письменного стола. Забирается в кресло с ногами и смотрит на брата с тем выражением, с каким вороны на кладбище наблюдают за похоронами.

— Вы идете в... — Ворожцов осекается.

— Не вздумай ляпнуть матери, — сердито предупреждает Павел, глядя брату в глаза, и выдергивает у него из-под задницы бандану защитного цвета.

— Но Леша ведь говорил, — вспоминает Ворожцов беседу с Эпштейном двухнедельной давности.

— Леша отличный парень, — чрезмерно мягко отзывается Павел. — Но много говорит и мало понимает. Все будет хорошо.

Павел кидает еще что-то в рюкзак и оглядывает комнату.

— Через несколько дней я вернусь, и если все получится...

Он рвет фразу и начинает мычать себе под нос попсовый мотивчик. Фальшивит он безбожно. Психолог из брата получается явно лучше, чем певец.

— Тебе не страшно? — спрашивает Ворожцов.

Павел смотрит на младшего внимательно и вдруг улыбается.

— Не страшно. У меня есть цель. А цель оправдывает средства. Всегда. И кто бы что ни говорил — это так. Так всегда было и всегда будет. Остальное — треп.

Брат подмигивает Ворожцову и, подхватив рюкзак, идет на кухню. Тихо открывается холодильник, звякают друг о друга консервные жестянки. Брат снова начинает мычать — уже и вовсе без мотива...

* * *

...Проснулся Ворожцов от невнятного мычания. Было светло. Мычал Мазила. Он сидел рядом в расстегнутом спальнике и тер побелевший указательный палец, поперек которого тонкой полоской была продавлена до синевы кожа.

— Ты чего? — не понял со сна Ворожцов.

— Рука затекла, — пожаловался мелкий. — Палец ничего не чувствует. Зараза.

— Как это тебя угораздило?

— Отлежал, — буркнул Мазила с непривычной для него интонацией. — Чего пристал? Проснулся — вылезай. Я догоню.

На мелкого это было совсем не похоже. Ворожцов озадаченно хмыкнул, выбрался из спальника и полез на свежий воздух.

Доброго утра он не ждал, как и доброго дня. Надеялся только, что этот новый день будет к ним немного благосклоннее минувшего.

Глава шестая. Минус два

Туман обволакивал сторожку, комли деревьев, прикрывал невесомым пологом жухлую траву. Его синеватый оттенок нагонял тоску и заставлял невольно ежиться. В рассеянном свете пасмурного утра казалось, будто этот туман не природное явление, а часть местной фауны — гигантский живой организм. В глубине призрачного марева угадывалось неспешное движение: дымка то становилась плотнее, то растекалась в полупрозрачную пелену.

— Как бы не ливануло, — нахмурился Ворожцов, поглядывая на сизую линзу неба. — Если промокнем, сушиться негде.

— Дождевики же есть, — пожал плечами Мазила, доедая бутерброд и пакуя палатку.

— Да, только они у Сергуни в рюкзаке остались, — напомнил Ворожцов.

— Блин, — смутился мелкий. Застегнул повыше молнию на куртке и несколькими рывками подтянул ремень на штанах, словно ему что-то мешало за поясом. — Тогда давайте скорее.

— Все готовы? — спросил Тимур, обводя взглядом место ночлега. — Идем как вчера. Мы с Ворожцовым в голове, Мазила замыкающий.

Леся помогла Наташке закинуть на плечи рюкзачок. Ворожцов достал ПДА и вышел вперед.

На Тимура он не смотрел. Наверное, бычился из-за прошлой ночи. Ну и отлично, пусть себе думает что хочет, пусть воображение разминает — ему не обязательно знать, что между Тимуром и Лесей ничего не было. Он понимал, что подкатывать в такой момент к девчонке было бы опрометчиво. Сейчас ей нужна поддержка, а не поцелуйчики. Всему свое время.

Цевье обреза знакомой тяжестью легло в левую ладонь. Тимур кивнул: готов. Ворожцов без лишних слов выставил перед собой руку с ПДА и медленно двинулся вперед.

Туман словно почувствовал человеческое тепло. Расступился, пропустил и сомкнулся за спинами плотным кольцом.

Утренняя роса брызгала с потревоженной травы на ноги. Уже через несколько минут штаны у всех намokли до колен. Тропа здесь была еле заметна: не утоптанная дорожка, а узкая лента более-менее твердой почвы. А вокруг — слякоть, бурелом, заросшие волчьей ягодой овраги с ржавым ломом и битым кирпичом на дне. Оскользнешься и ноги переломаешь.

От вчерашней песчаной сухости возле железнодорожного полотна остались лишь воспоминания.

Ноздри щекотал горький запах полыни, слегка разбавленный приторным душком гниения. Под ботинками чавкало, похрустывало, сзади оставалась цепочка глубоких следов, которые быстро заполнялись водой.

В мареве мелькнуло темное пятно.

— Осторожней, — сказал Ворожцов, сбавляя шаг.

— Вижу, — отозвался Тимур. — Что там, на детекторе твоём?

— Чисто.

Тимур отодвинул Ворожцова и подошел ближе. Пятно проступило скособоченным прямоугольником.

В метре от тропы висела прибитая к корявой березе табличка. На почерневшей от сырости фанере желтели трафаретные буквы:

ОПАСНАЯ ЗОНА!
ВЫПАС СКОТА, СЕНОКОШЕНИЕ, СБОР ГРИБОВ И ЯГОД
ЗАПРЕЩЕНЫ!

— Похоже, сенокос отменяется, — хмыкнул Мазила, разглядывая табличку из-за плеча Тимура.

Никто не поддержал его неуклюжую шутку.

— Ладно вам, — надулся мелкий. — Чего скисли-то. Как будто умер кт...

Он прикусил язык. Наташка с шумом набрала в грудь воздуха, и Тимур приготовился к очередной истерике, но не угадал. Казарезова молча опустила голову и прерывисто выдохнула.

— Простите, — еле слышно прошептал Мазила.

— Дурак, — беззлобно отмахнулась от него Леся и обняла подругу.

Тимур повернулся к Ворожцову.

— Ну?

— Радиация почти в норме. Эта табличка здесь, наверное, с незапамятных времен висит. Можно идти.

И снова потянулись минуты. Одна за другой они растворялись в утреннем тумане под шелест шагов.

Тимуру опять вспомнилась встреча в туннеле под насыпью. Этот странный мальчик... Как он оказался на запретной территории? Как сумел выжить? Откуда натаскал столько игрушек? Вопросы, вопросы. Никаких ответов. Тимур стал замечать, что Зона не любит делиться своими тайнами с непрошеными гостями. Здесь как в игровом клубе: распирает азарт — рискуй, а если боишься проиграть — лучше не приходи вовсе. Потеряешь все.

Ворожцов пару раз хотел что-то сказать, но в последний момент передумывал. Тимуру в общем-то было до лампочки, что там терзает юного Вертера. Ревнует к Лесе скорее всего. Никак не может смириться с тем, что она выбрала не его.

Не сбавляя хода, Тимур сделал вид, что поправляет рюкзак, и украдкой взглянул на Лесю. Она хмуро смотрела под ноги и держала за руку послушно плетущуюся следом Наташку.

«Никого Леся еще не выбрала», — холодная мысль втекла в сознание сама собой. Тимура охватила злость. Он и сам не понимал, на кого и за что, но эмоция потребовала выхода.

— Чего ворон считаешь? — одернул он Ворожцова, засмотревшегося на причудливый гриб, растущий прямо из ствола дерева.

— Я делаю свое дело, а ты за своим стволом следи, — моментально окрысился тот. Уткнулся в экран ПДА, споткнулся, едва не упал.

Тимур поддержал его и победно усмехнулся. Ворожцов засопел. Дернул плечом, сбрасывая руку Тимура. Пошел дальше.

«А ведь ботан что-то утаивает, — подумал Тимур, подхватывая темп ходьбы. — Наверное, все же с Казарезовой шуры-муры крутил ночью. Не зря она сегодня такая паинька».

Лес стал редеть. Маршрут дальше пролегал через пустырь, где когда-то была автостанция. На карте брата Ворожцова, по которой они ориентировались, этот пункт мерцал изумрудным значком с изображением автобуса. Зеленые метки означали, что место безопасное, но Тимур успел убедиться на горьком опыте: любой неосторожный шаг может стать последним.

— Тормозим, — тихо скомандовал он, когда в просвете показался раскрошившийся фундамент бывшей станции с торчащими, как клыки, сваями. — Мазила, останешься с девчонками. Мы — в разведку.

Леся с волнением посмотрела на него, но ничего не сказала. Ворожцов заменил аккумулятор ПДА на свежий и в сотый раз перепроверил настройки. Педант.

— Может, попробуем рации? — предложил Мазила. — Зря, что ль, брали?

— Только нашумим лишний раз, — покачал головой Ворожцов. — Радиосвязи здесь все равно нет. Бери второй наладонник и жди от меня сигнала. Придет текстовым сообщением.

— А если...

— Цыц, мелочь, — встрял Тимур. — Делай, что говорят.

Мелкий разочарованно вздохнул и включил ПДА.

Тимур смерил Мазилу взглядом. Все-таки этот балбес до сих пор не наигрался в игры. Самому ведь страшно до усрачки, но сталкерская романтика из башки так и не выветрилась. Гляньте на него: по рации не дали поболтать, обидели суслика.

А столкнись он вчера вместо Тимура один на один с жутким хозяином игрушек — обделался бы и пальнул в ребенка. И сам дьявол не знает, чем бы тогда закончилась та встреча.

— Двинули, — сказал Тимур Ворожцову.

— Я буду следить по прибору, — отозвался тот. — Если скажу «стоп», сразу замирай.

— Разберусь.

Они медленно пошли к разрушенной автобусной станции. Туман здесь был не такой сильный, как в лесу, но видимость все равно ограничивалась полусотней метров. Перед куском уцелевшей фасадной стены здания серела подъездная площадка. В зигзагообразных трещинах ютились жухлые листья подорожника. Тимур обратил внимание, что возле бордюра асфальт продавлен. Даже не продавлен, а будто бы проломлен до щебня чем-то тяжелым, рухнувшим сверху. Но предмета, оставившего внушительную вмятину, видно не было. Может, какой-нибудь строительный молот, которым сносили здание? Но кому понадобилось рушить станцию посреди заброшенных земель?

Вопросы, вопросы, вопросы... Похоже, он недооценивал Зону. В этих местах гораздо больше загадок, чем кажется людям, никогда здесь не бывавшим. Тимур вспомнил, как нервно реагировал подвыпивший братец Ворожцова на подначки, каким ужасом наполнялся его взгляд при упоминании об эксперименте. Неспроста.

Руины автостанции они обошли по дуге, не приближаясь. Ворожцов внимательно следил за показаниями сканера, а Тимур всматривался в белесое марево, стиравшее контуры пейзажа в безликую акварель.

Асфальтом был уложен только пяточок у развалин здания. Дальше шла поросшая мелкой травой грунтовка.

Озираясь, они пошли по еле заметным колеям: Тимур по правой, Ворожцов по левой. Внезапно на обочине выросло темно-серое пятно. Тимур притормозил, направил туда ствол. Шагнул. Еще раз. Из тумана показалось что-то массивное, мощное.

— Автобус, — сказал Ворожцов, глядя на проступающие в дымке бледные очертания кабины. «Пазик» с пустыми глазницами фар неподвижно стоял на спущенных колесах. — Кажется, тут целое... кладбище.

От сердца отлегло. Признаться в этом Ворожцову Тимур не согласился бы ни за какие коврижки, но понял: только что он готов был поверить в гигантских монстров и прочую сказочную живность, о которой болтал Мазила в своих сталкерских байках.

За «Пазиком» спал вечным сном древний «ЛАЗ». Все стекла были давно побиты, камеры на ободках колес наполовину истлели, краска на боках облупилась. Тимур не помнил модель, но марку автобуса узнал: недавно он бродил по интернету и наткнулся на занятный сайт о советских автобусах. Оказалось, что в погибшей социмперии были десятки, если не сотни, разновидностей дымящего городского транспорта.

Ворожцов повел своим прибором из стороны в сторону и махнул рукой вперед: мол, чисто. Они прошли мимо ржавой туши «ЛАЗа», обогнули огромную зеркальную лужу на повороте и застыли в изумлении.

Мгла здесь была не такой плотной. Тимур разглядел целую вереницу автобусов, таявшую в перспективе. Они стояли на обочине «мордами» к дороге. Здесь были и «ЛиАЗы», и небольшие «Рафики», и даже один длинный «Икарус-гармошка». Автобусы замерли в перекошенных позах, словно их не просто бросили в спешке безалаберные водители, а согнали сюда умирать. Как раненых зверей.

От вида безмолвных железных машин по спине пробежали мурашки.

— Никого, — ежась и сверяясь с показаниями сканера, прошептал Ворожцов. — А все равно жутко.

— Угу, — невольно согласился Тимур. — Ладно. Зови остальных.

Ворожцов стал вводить на сенсорной клавиатуре сообщение. Вбил, отправил. Едва слышно пиликнуло. Через полминуты раздался еще один «плллум», и на экране появился меседж от Мазилы: «Ок. Уже идем». Ворожцов свернул окошко сообщений и развернул программу сканера.

Небо заурчало. Тимур поднял голову, вглядываясь в свинцовую завесу. Гром прокатился с востока на запад, за нагромождением туч сверкнуло. Снова пророкотало.

— Точно гроза будет, — сказал Ворожцов. — Нужно искать укрытие. В этих гробах от дождя не спрячешься, вон как прогнили все. Насквозь.

Тимур осторожно сошел с дороги и осмотрел ближайший «ЛиАЗ». Язвы ржавчины действительно источили весь корпус автобуса, крышу, двери, пол, поручни, сиденья. Время и влажность не пощадили ничего.

Тимур вернулся на дорогу, подошел к Ворожцову и уже собрался предложить ставить палатку, как в поле его зрения попал неестественно согнутый человеческий силуэт.

Тимур вздрогнул, развернулся, выставил перед собой обрез. Ворожцов мгновенно среагировал на движение и направил в бледную муть ПДА. Там был кто-то незнакомый: Мазила с девчонками должен был прийти с другой стороны.

— Есть что-нибудь на шарманке? — тихо спросил Тимур, продолжая вглядываться в бледную фигуру.

— На приборе нет, но я тоже вижу.

— Станный. Сидит, что ль?

— Похоже. И как мы его сразу не заметили.

Тимур не стал отвечать. Глубоко вздохнул и двинулся по колее, не опуская ствол и держа палец на спусковом крючке. Ворожцов пошел следом.

Человек сидел возле вросшего в землю автобуса, прислонившись спиной к бамперу. Метров с пяти уже стало понятно, что он мертв, и давно.

Тимур, продолжая машинально держать труп на прицеле, подошел ближе.

Защитный шлем съехал набок, прикрывая уроненную на грудь голову. Хотя если по-честному... Сложно было назвать головой обтянутый сморщенной кожей скалящийся череп с пустыми глазницами. На покойнике мешком висел крепкий комбез цвета хаки, на вытянутых ногах темнели изодранные в клочья штаны. Ботинки лежали под невообразимым углом друг к другу, словно правая ступня была сильно вывихнута.

Тимура передернуло. Но он не отвел взгляд от неудачливого сталкера, продолжая как зачарованный отмечать детали.

Этот человек умер не сам. Кто-то или что-то убило его, застав врасплох. Бедолага был не готов к смерти: в истлевших пальцах он держал рожок от автомата, в который пытался вщелкнуть патроны, явно не подходящие по размеру. Видимо, перед смертью человек помешался от отчаяния.

Сам «калаш» валялся рядом, не тронутый.

Была во всей картине еще какая-то странность, нестыковка, которую Тимур никак не мог ухватить. Что-то ускользающее от взгляда и сознания, но в то же время вроде бы очевидное.

— Не повезло мужику, — сказал он, чтобы разбить гнетущую тишину. — Давно тут сидит, видать. Подкис уже.

— Магазины не ржавый, — невпопад ответил Ворожцов.

— И что с того? Может, смазка хорошая...

Тимур обошел труп, нагнулся и хотел подобрать автомат, но Ворожцов вдруг резко подался вперед и оттолкнул его.

— Стоп!

— Ты чего? — развернулся Тимур. — Оборзел?

— Не двигайся.

От тона, которым Ворожцов это произнес, Тимуру стало не по себе. Он замер, продолжая следить за действиями умника. Тот уставился на запоздало пискнувший ПДА, потом достал гайку и, отступив на шаг, бросил ее к иссохшей ноге покойника.

Железяка упала на землю. Секунду ничего не происходило, но потом вокруг нее образовалось уплотнение, воздух замерцал, и по берцовой кости трупа хлестнули несколько фиолетовых жгутиков, выжигая на останках ядовито-желтые полосы.

Мертвая нога дрогнула. Свечение пропало, воздух стал обычным.

— Это... — В горле у Тимура пересохло, в жилах похолодело. — Это... не круто.

Он наконец понял, что за нестыковка коробила сознание. Вокруг убитого неведомой хреню stalkера не росло ни единой травинки. Теперь Тимур ясно различал двухметровый круг выжженной земли, в котором только что едва не оказался сам.

От страшной смерти его отделял ровно шаг.

— Спасибо, — обронил он, пятясь.

— Обращайся, — желчно улыбнулся Ворожцов, тоже отступая на безопасное расстояние.

— Не хамя, — тут же осадил его Тимур. — Случаи разные бывают.

— Бывают. — Ворожцов перестал лыбиться и опять уткнулся в свой наладонник. — Кажется, наши подходят.

В тумане слышались негромкие голоса. Мазила перебрасывался с Лесей короткими фразами: строил догадки насчет сломанных автобусов. Когда его долговязая фигура показалась из-за поворота, Тимур быстро пошел навстречу.

— Мелкий, хорош свистеть на всю округу, — велел он. — И обороты сбавь. Тут аномалия.

— Ого! — Глаза у Мазилы загорелись. — А какая?

— Плохая, — отрезал Тимур, отводя девчонок подальше от опасного места.

Мелкий прошмыгнул мимо.

— Стоять! Ты куда? — окликнул Ворожцов, но Мазила уже нырнул за угол кабины.

— Оп! — донеслось оттуда. — Жмурик!

— Не подходи! — крикнул Ворожцов и рванул к нему. — Убьет!

— Да я и не лезу, чего ты...

— На три метра отойди!

— Отошел, отошел. Не шуми. Глянь-ка, патроны!

— Не трожь!

— Да я ж только вот эту коробочку...

Тимур подошел к кабине автобуса, сказал Ворожцову:

— Тащи сюда этого следопыта.

— А что там? — спросила Леся, вставая рядом.

— Ничего хорошего. — Он мягко развернул ее обратно. — Поверь, тебе этого лучше не видеть.

Туман стал рассеиваться — приближалась гроза. В небе опять сверкнуло. Тимур успел про себя сосчитать до десяти, прежде чем зарокотал гром.

— Уже близко, — нахмурился он. — Километра три.

— Давайте поторопимся, — поддержал его Ворожцов, волоча за собой Мазилу. — Скоро ливанет.

Мелкий остановился рядом с Тимуром и взвесил на ладони запаянный полиэтиленовый пакет. Там было что-то тяжелое. Он стряхнул с упаковки землю, разорвал и показал картонную коробочку.

— Видать, жмурик обронил. Но ему уже не надо.

— А тебе-то они на кой хрен? — удивился Тимур, разглядывая маркировку. — Это ж «парабеллум». У нас такого ствола все равно нет.

Мазила заговорщически хмыкнул, распаковал коробку и вытащил двумя пальцами патрон, подцепив за желобок у капсюля. Ворожцов теперь тоже непонимающе глядел на мелкого. Девчонки отошли в сторону: их смертоносные железяки не интересовали.

— Есть ствол, — признался Мазила. Расстегнул куртку и достал из-за пояса знакомый угловатый пистолет. — Вот.

— Откуда он у тебя? — сжав зубы, выцедил Тимур.

— Я... — Мелкий растерялся. Понятно: он-то ожидал, что известие будет радостным. — Я подобрал. А что?

Тимур уже понимал, чей это ствол. Он открыл было рот, чтобы устроить Мазиле выволочку, но тут вплотную к мелкому неожиданно подступил Ворожцов. Взял того за отвороты куртки и пригнул к себе. При явном преимуществе в росте Мазила не сопротивлялся.

— Пистолет Сергуни, да? — зловеще поинтересовался Ворожцов.

Мазила обалдело кивнул и попытался высвободиться. Но Ворожцов держал на удивление крепко. В этот момент он никоим образом не был похож на ботана-зубрилку. Тимур даже сделал шаг, готовясь разнять драку.

— Ворожцов, ты чего завелся? — осторожно спросила Леся.

— А что ты еще подобрал? — продолжил тот допрос, не обратив на нее внимания. — Деньги, может? Или еще что?

— Да ничего я больше не брал! — Мазила вновь попробовал вырваться. — Пусти ты!

— Ты хоть понимаешь, что вчера произошло, идиот ты мелкий? — взорвался Ворожцов. — Ты понимаешь, что Сергея больше нет? Понимаешь, я тебя спрашиваю? Или все в игры играешь свои сталкерские?

— Э, ну-ка остынь, — жестко вклинился Тимур, беря Ворожцова за запястье. — Нашел время сцены закатывать.

Ворожцов опустил веки и знакомо засопел, разжимая кулаки. Мазила тут же отступил от него, одернул куртку и сплюнул.

— Все я понимаю, — обронил он. — Я все давно понимаю. Хватит меня тут за маленького...

Он не нашелся, как закончить фразу, и отвернулся.

В небе засверкало. Ярko и долго. Гром дробно раскатился над кладбищем автобусов, посреди которого стояли пятеро измотанных подростков, и напряжение между ними едва ли было меньше грозового.

Тимуру показалось, что после завтрака прошел не час, а целая вечность — такая усталость вдруг навалилась на него. На миг захотелось забить на всю эту дурацкую затею и вернуться домой. Выбраться из зябкого ада. Здесь все другое: правила, законы, порядки. Здесь потери слишком быстро забываются. Здесь затюканные тихони то спасают тебе жизнь, то выпускают клыки.

Но Тимур вспомнил отца с матерью, их постоянные споры на кухне, наплевательское отношение к нему и его мнению... И обида новой волной прокатилась внутри. Нет уж! Больше предки не станут помыкать им и относиться, как к ребенку. Раз уж он решил изменить себя, значит, так тому и быть. Никто не обещал, что дорога к цели окажется легкой.

— Проехали, — решительно сказал Тимур, поправляя рюкзак. — Нужно скорее разбивать лагерь, иначе попадем под ливень.

— Пошли, — хмуро отозвался Ворожцов, который уже немного остыл, выпятил нижнюю губу и опять стал похож на зубрилу. — Здесь слякотно. Поставим лагерь за пустырем.

Мазила фыркнул. Было видно, что мелкий всерьез обиделся на Ворожцова. Тимуру не улыбалось разводить по углам еще и этих двоих, поэтому он просто пошел вперед. Некогда сейчас распускать слюни.

Ворожцов нагнал его и молча пристроился рядом, водя своим ПДА туда-сюда. Остальные потянулись следом.

Туман окончательно рассеялся, и теперь было заметно, что автобусов здесь не так много, как казалось в размывавшей границы видимости дымке. Десятка полтора, не больше. За последним проржавевшим «ЛАЗом» начиналось поле, а дорога ветвилась. Правая тропа скрывалась за холмом, левая грунтовка тянулась к сосновому пролеску. А посередине шла вообще какая-то старая пашня.

На развилке Ворожцов притормозил.

— Налево? — обернулся Тимур, сбавив шаг.

— Да. Только...

Тимур остановился.

— Что еще?

— На сканере странные метки.

— Какие метки?

— Размытые. Сзади нас, метрах в ста.

— Помехи, наверное.

Ворожцов развернулся, отстранил мелкого и направил ПДА в сторону автобусов. Прибор пиликнул, завибрировал в его руке.

Мазила напрягся и поднял пистолет, который успел кое-как зарядить на ходу. Тимур тоже встал рядом, отодвигая притихших девчонок за себя.

Сверкнуло. На этот раз грохот почти сразу обрушился с неба. Порыв ветра принес запах дождя.

— Я боюсь, — произнесла Наташка за спиной. Четко и осознанно. В ее голосе не было больше истерики. В нем дрожал животный ужас и какое-то тихое, пугающее до озноба сумасшествие. — Хочу, чтобы Сережа вернулся.

— Тише, — одернул ее Тимур, ощущая, как мурашки бегут по шее и спине. — Нечего бояться. Просто помехи на...

Он не договорил.

Между автобусами мелькнула фигура, почти сразу — вторая. Оттуда донеслись неразборчивые голоса. ПДА задрожал, и Ворожцов еле успел сунуть его под мышку, чтобы не выдать себя громким пиликаньем. Но «плллум» все же раздался, и те, кто скрывался за автобусами, мгновенно притихли.

— Выруби шарманку! — шепнул Тимур. — И так запалился.

— Тогда и мы ничего не увидим, — возразил Ворожцов.

— Вырубай! Лучше так, чем быть мишенью.

Ворожцов суетливо закрыл программные окна, защелкал клавишей питания. Наладонник всхлипнул и вырубился.

— А теперь уходим, — тихо приказал Тимур. — Давайте живей! Мелкий, мы с тобой прикрываем.

Мазила направил пистолет на край ближайшего автобуса. Тяжелый ствол гулял в его руках, как живой. С непривычки он даже не сразу разобрался, где флажок предохранителя.

Ворожцов повел перепуганных девчонок к редколесью.

— Как думаешь, сталкеры или военный патруль? — бросил Мазила, отступая.

— Да плевать кто, — процедил Тимур, чувствуя, как сердце опять начинает заходиться в бешеном ритме. — Валишь отсюда надо!

Из-за кабины высунулось что-то круглое. Тимур направил на предмет обрез и приготовился стрелять, но пригляделся и сообразил: каска. Кто-то высунул шлем-сферу на стволе автомата.

Проверяют.

Значит, те люди их тоже боятся.

Каска пропала. И почти сразу донесся грубый голос с сильным украинским акцентом.

— Слышь, хлопцы, вы с Темной Долины, чи шо?

Мазила, не останавливаясь, щелкнул курком. Тимур крутанул головой, отмечая, где остальные. Ворожцов с девчонками уже были на полпути к пролеску.

Еще чуть-чуть — и можно бежать.

Сердце так долбило в груди, что казалось, вот-вот проломит ребра. Сквозь стук пульса в ушах и шум ветра слышалась возня за автобусом. Видимо, незнакомцы перегруппировывались.

Тимур вдруг явственно осознал, что в стволе обреза всего один патрон, времени на перезарядку не будет, и если они сейчас побегут, то станут отличными мишенями.

Страх заметался внутри загнанным зверем, потроха свело мерзкой судорогой, колени дрогнули. Да уж, это вам не по вертолетикам стрелять.

— Может, отозваться? — не выдержал Тимур. — Как думаешь?

Мазила не ответил. Он продолжал пятиться и сжимать ТТ обеими руками. Физиономия побледнела, словно у мелкого внезапно откачали кровь из всей его лопоухой башки.

— Мужики, ну вы чё? — снова заговорил украинец. — Мы ж не на хабар заримся. Мы ж погутарить хотели.

Из-за кабины показался силуэт, и над ухом прогремел выстрел. Тимур инстинктивно присел и тоже надавил на спусковой крючок. Обрез дернулся. Гроыхнуло. Дробь ушла в землю метрах в пяти от него, подняв в воздух фонтан грязи, но взглядом Тимур успел выхватить важную деталь: фигура, показавшаяся из-за автобуса, мотнулась назад и упала.

И в этом не было его заслуги.

— Попал, — сказал Мазила, следя за струйкой дыма, выползшей из ствола пистолета и тут же сорванной ветром.

Оглушенный Тимур скорее прочитал это слово по трясущимся губам мелкого, чем услышал его. Пороховая гарь шибанула в ноздри, заставила зажмуриться. На краю сознания заплясала одинокая мысль: «Сейчас по нам начнут стрелять». И эта мысль так сильно напугала, что рассудок на секунду помутился.

Тимур оступился. Шлепнулся на колено, скользнул ладонью по влажной колее, чуть не выронил обрез. Вскочил как ошпаренный.

— Вы чё творите, твари! — донесся от автобуса истошный рев. — Сапог, они Мосла кончили! Вали сволоту!

Мазила выронил пистолет и понесся прочь.

Раскат грома слился с оглушительной автоматной очередью.

Тимур сам не понял, как его вынесло на грунтовку. Опомнился он уже на полном ходу, перебирающий ногами с такой невероятной скоростью, что казалось, еще чуть-чуть — и земля полетит из-под ног комьями, как за буксующей машиной. Воздух врывался в легкие ритмичными толчками, обжигая и едва успевая поделиться кислородом.

Ворожцова и девчонок они с Мазилой догнали меньше чем за минуту. За это время прогрехотало несколько очередей. Казалось, что следующая пуля вопьется в спину.

Ноги несли Тимура сами. Пробегаая мимо Леси, он машинально схватил ее за руку и поволок за собой. Девчонка пискнула от боли, но времени на объяснения не было.

Тимур только и успел выдохнуть:

— Ворожцов... Казарезову...

Ботан махом усек, что нужно делать. Взял Наташку за рукав и потащил. Та не стала упираться: побежала за ним как заведенная и забормотала что-то себе под нос.

Оказавшись среди деревьев, Тимур быстро приметил тропу, уходящую вглубь между распадками.

— Туда! — сипло крикнул он, дергая Лесю.

Мазила взобрался на пригорок и нырнул вниз за секунду до того, как треснула следующая очередь. Рядом с ним подломилось молодое деревце. Мелкого накрыло сыпанувшим во все стороны дождем хвои. С перепугу он выругался и ломанулся дальше.

Тимур выбежал на тропу и вытянул за собой Лесю. Она больше не вырывалась, понимая, что нужно держать за руку более сильного, чтобы не отстать.

Ворожцов с Казарезовой скакали позади.

Становилось темнее. Верхушки сосен раскачивались над головой, стоная и скрипя.

Скорее! Уйти подальше! Затеряться в этом лесу! Закопаться, затаиться!

Тимур чувствовал, как вздрагивает Лесина рука. Девчонку трясло от страха, но успокаивать ее было некогда.

— Давай, давай, — поторопил Тимур Ворожцова, стараясь выровнять дыхание. — Успеем вильнуть за овраги — уйдем!

Сзади слышался хруст веток и резкий клацающий звук. Тимур побежал еще быстрее, хотя казалось, что организм и так работает на пределе. Ан нет! Открылись какие-то резервные силы.

Он так рванул Лесю за собой, что она вскрикнула.

Захлопали выстрелы. Одиночные, но от того пугающие еще больше. Громкие звуки, убегające вдаль дробным эхом, словно метроном отсчитывали время.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Тимур уже дотянул Лесю до первого поворота, когда что-то заставило его остановиться. Это было сродни удару молота. Какая-то внутренняя пружина вдруг распрямилась, поставила барьер, вынудила проехать юзом по влажному дерну, крепко обхватить Лесю и застыть.

Это сработало как аварийный тормоз. На уровне подсознания и инстинктов, в обход рассудка, вопреки здравому смыслу.

В небе метнулась молния, выбелив на миг все вокруг контрастным свечением.

Мир будто бы поставили на паузу...

Перекошенное лицо Леси перепачкано грязью. Беспольный обрез в левой руке бликует в глянце молнии. Из-под ботинка бегущего Мазила летит шмат гнилых сосновых иголок. Ворожцов крепко держит Наташку за руку, на его шее вздуты жилы, а побелевшие пальцы застыли в мертвой хватке...

Свечение в небе погасло так же резко, как появилось.

И застывший мир пришел в движение.

Хлоп.

Голову Казарезовой дернуло в сторону. Из правого виска брызнул тонкий фонтанчик, и девчонку, словно тряпичную куклу, снесло в овраг.

Ворожцов даже не сразу понял, что случилось. Его рука, еще мгновение назад сжимавшая ладонь Казарезовой, оказалась пуста. Она даже сохранила ту форму, которую приняла, когда их пальцы сцепились. Но теперь там ничего не было.

Тимур продолжал стоять на месте и прижимать к себе Лесю. Не в силах пошевелиться, не в силах поверить своим глазам, не в силах даже закричать.

Он просто стоял и смотрел на следы, оставленные Наташкиными кроссовками.

Смотрел сквозь то место, где только что была девчонка, с которой проучился не один год. Вздорная и глупая, настырная, красивая Наташка...

Пальцы Ворожцова наконец сжались.

Схватили воздух.

И в этот момент вместе с оглушительным раскатом грома сверху рухнул ливень. Не мелкими каплями, не постепенно расходясь. Сразу. Стеной. Холодной водяной стеной он

упал на проклятый лес. Смел страх и боль. Оставил где-то под вздрагивающим сердцем звенящую пустоту.

Так иногда бывает, если гроза запаздывает. Редко, но бывает.

Глава седьмая. Среди дождя

Дождь хлестал тугими холодными струями, сбивая с ног, смывая ужас происходящего. Если бы не ливень, Ворожцов, наверное, не двинулся бы с места, а так и стоял бы, пока его не пристрелили там же, где Наташку...

Он сглотнул, давая то чувство, что ворочалось в груди и рвалось наружу. Если бы оно вырвалось, то с криком, а кричать сейчас было незачем. Несмотря на то, что вокруг снова никого не было.

Ворожцов не смог бы объяснить, откуда он это знает или как чувствует, но в какой-то момент он совершенно точно понял: они убежали. Сначала прекратили стрелять. Потом отстали шлепки тяжелых армейских ботинок, растаял запах пороховой гари, отдалилось злое хриплое дыхание, что чувствовал затылком. Чувствовал ли? Или додумал его себе?

Мысли путались. Чувства перемешались. Он не понимал, хочет ли бежать без оглядки, или спрятаться, забиться в угол и выплакаться от отчаяния. А может, развернуться и пойти убивать тех, кто...

Ворожцов снова увидел выскользнувшую из его хватки Наташку. Вот они бегут вместе, а вот уже он один. А она уже не жива. Она летит куда-то, по самостоятельной траектории. И траектории их больше не пересекутся. Никогда. Потому что он живет дальше, а она...

Пальцы рефлекторно стиснули воздух. Перед внутренним взором неожиданно возник Павел. Это было вроде бы недавно, но теперь казалось, что прошла уже бездна времени...

* * *

...Павел стоит в дверях. Грязный, ободранный. Щеки впалые, небритые. Под глазами темные круги. В лице появилось что-то острое, птичье. И рюкзак истощал вместе с ним. Волосы перемазаны серым. Пыль, что ли?

Брат выглядит так, словно с момента его отъезда прошло десять лет. Но прошло всего полторы недели.

Ворожцов отходит в сторону. Неловко улыбается. Такого брата он видит впервые в жизни. Понимания, как сейчас себя правильно повести, нет. И он отступает. Павел продолжает стоять на пороге.

— Родители дома? — спрашивает он наконец.

— Нет, — мотает головой Ворожцов. Отвечать на вопросы сейчас проще, чем задавать их. — Папа на работе, мама к тете Любе пошла.

Павел, кажется, испытывает облегчение, входит в коридор. В чем же он так перепачкал волосы?

С тихим шелестом падает на пол пустой рюкзак. Павел тоже выглядит опустошенным. С таким же тихим шелестом он шлепает в ванну, закрывается. Тихо шелестит вода.

Ворожцов запирает входную дверь. Идет на кухню. Брат явно устал, надо его покормить, а мама только утром сварила куриный суп.

Проходя мимо ванной комнаты, Ворожцов останавливается и прислушивается. В плеске воды ему слышится другой звук. Сначала возникает ощущение, что померещилось, но нет.

Первый и последний раз в жизни Ворожцов слышит, как старший брат плачет. Он уверен, хоть и не сталкивался с этим никогда. И от этой уверенности становится не по себе.

Кухня. Плита. Кастрюля. Желтые блямбы застывшего жира на поверхности супа. Он черпает из кастрюли и льет в тарелку. Половник, два, три. В отличие от младшего Павел

любит вареную курицу и то, что на ней варится мамиными стараниями. Ворожцову вареные куры не нравятся с детства, но он молчит.

Стыдно капризничать из-за еды. В пять лет еще куда ни шло, а в пятнадцать — стыдно.

Он отправляет Пашкин суп греться.

Затихает вода.

Щелкает замок.

Шелестят шаги.

Шелестят, как осень павшими листьями.

Павел входит в кухню. Взгляд застывший. Волосы мокрые. Пыли на них уже точно нет, не может быть. Но они почему-то все равно пепельного цвета. И до Ворожцова доходит: Павел поседел. Только седина не благородная, серебристая, как случается у некоторых счастливчиков, а грязно-пепельная.

Пищит микроволновка, оповещая о готовности куриного супа. Теплый, можно есть. Не горячий, а сильно теплый, чтоб не обжечься. Именно так любит Павел.

Ворожцов только что готов был подать старшему обед, но вместо этого застывает столбом, не в силах пошевелиться.

— Что случилось? — спрашивает он.

Павел глядит исподлобья. Взгляд его становится злым, темнеет.

— Ничего, — говорит Павел мертвым голосом. — Просто я... держал смерть за руку...

* * *

...Тогда Ворожцов ничего не понял. Хотя после разговоров, рассказов, объяснений все вроде бы было ясно. Ничего подобного! Сейчас он знал, что ничего не понял. Ни тогда с братом, ни после с Сергуней. Потому что осмысление пришло только теперь. Проняло настоящего. До мозгов, до сердца, до печени!

Они все еще шли. Правда, не бежали уже. И молчали. И дождь хлестал все так же. Впереди сквозь мутную пелену проступило могучее раздвоенное дерево. Само ли оно так разрослось, или кто-то рубанул по еще молодому? А может, когда-то очень давно в него шагнула молния?

На высоте в полтора метра ствол двоился и расходился в стороны, будто рогатка. В развилку был всажен одной ногой массивный, в несколько метров, жестяной щит. Обратный край щита подпирали заботливо подставленные бревна. Кто и зачем устроил здесь этот тент? Быть может, кто-то и раньше прятался тут от дождя?

Ворожцов наткнулся на взгляд Тимура. Тот почти добрался до импровизированной беседки, притормозил, оглянулся, щурясь под хлещущим в лицо дождем.

— Что там твоя шарманка поет?

Ворожцов сперва даже не понял, о чем речь. Вспомнил про ПДА, затем вспомнил, как выключал его по приказу того же Тимура. Суетливо полез в карман. Припомнил про дождь, задержал руку.

Все было не так. Все выходило комкано, мято, бездумно.

Тимур не стал дожидаться, нырнул под жестяной навес. Втащил за собой Лесю. Туда же юркнул Мазил, скрючившись, чтобы не вписаться лбом в край щита. Ворожцов забрался под щит последним. Было тесно, да и от дождя навес этот спасал не очень. Капли молотили сверху по щиту, выбивая противную металлическую дробь, захлестывали сбоку, норовя достать укрывшихся от грозы. И доставали.

Ворожцов включил наладонник, смахнул с экрана влагу, подождал загрузки. Пока ПДА включался, на экран снова набрызгало.

— Чисто, — тихо ответил он Тимуру. — Отстали.

Тимур отпустил Лесю, бросил возле ствола рюкзак, сел устало сверху.

Девчонка затравленно поглядела по сторонам. Спросила испуганно:

— А Наташа где?

Ворожцов с ужасом подумал, что Леся повредила умом. Так же, как вчера Казарезова. Внутри похолодело, по спине пробежал озноб. Леся повела из стороны в сторону ищущим взглядом, остановилась на Ворожцове.

Тот не выдержал, отвел глаза. Нет, Леся не тронулась. Все было намного лучше и в то же время намного хуже. Она попросту не успела увидеть произошедшего. Тимур успел, а она нет.

— Где Наташа? — повторила Леся требовательно.

— Ее нет, — прошлепал одними губами Ворожцов.

Голос пропал. Связки просто отказались работать.

Слов его невозможно было услышать, но Леся поняла.

— Как нет? — Она попыталась поймать взгляд Ворожцова, но тот снова отвел глаза. — Как это нет? Она же с тобой была все время.

Она все пыталась поймать его ускользающий взгляд, и он понял, что больше уже не может прятаться. Поглядел на нее прямо, открыто, с убийственной честностью. Леся отпрянула. Пробормотала уже не так уверенно:

— Как же ты мог...

Ворожцов снова открыл рот, но слова застряли в глотке.

— Он... — начал было Тимур, но Леся уже дернулась обратно. Назад, под дождь, за Наташкой.

Ворожцов наблюдал за всем этим отрешенно. Понимал, что надо реагировать, знал, как именно стоит реагировать, но при этом почему-то стоял чурбан чурбаном. Сил делать что-то, говорить что-то, объяснять, доказывать не было.

Леся наверняка вырвалась бы обратно, если б не среагировал Тимур. Он подскочил с рюкзака, схватил девочку за руку. Стиснул крепко запястье, так что она едва не вскрикнула, и резко, очень резко дернул обратно, садясь на рюкзак.

Притянуть Лесю к себе у него не вышло, девочка осталась стоять на ногах. Но остановилась, посмотрела странно. Еще не понимая, но, кажется, уже догадываясь.

— Сядь, — потребовал Тимур, схватил ее за вторую руку и притянул, заставляя опуститься перед ним на корточки.

Леся неохотно подчинилась. Тимур взял ее кисти, мягко сжал в своих ладонях и посмотрел в глаза.

— Ее нет, — голос Тимура прозвучал неожиданно твердо и при этом с каким-то ласковым пониманием. — Ее больше нет. Совсем.

Глаза Леси наполнились ужасом. На шее проступили крупные мурашки. Она забилась, заметалась, пытаясь высвободить руки, но Тимур не ослабил хватку, и Леся оставила попытки.

— Она что же... Эти ее...

— Ее больше нет, — повторил Тимур, слова давались ему с таким напряжением, что Ворожцов понял: парень на пределе и вот-вот сорвется.

Все они на пределе или уже сорвались.

— Ее больше нет и никогда не будет, — как заведенный повторил Тимур, сжимая пальцы.

Леся сморщилась от боли. Ворожцов хотел уже вмешаться, но не успел. Тимур сам опомнился, ослабил хватку.

И все стихло. Только продолжал барабанить по жестяному щиту ливень.

Стоял, пригнув голову, Мазила. В этот момент он напоминал худосочного атланта, подпирающего жестяной небесный свод. Сидел на рюкзаке, прислонившись к стволу дерева, Тимур. Держал за руки Лесю. Та сидела на корточках, с ужасом глядя в никуда. И стучал, стучал, стучал бесконечный дождь.

— Они ее убили? — спросила Леся.

Она сказала это тихо, но слова прогремели набатом.

— Я тоже одного вальнул, — некстати поведал мелкий. — Прямо в голову...

— Молчи, дурак, — выдавил Ворожцов, пытаясь хоть как-то совладать с непослушным голосом.

Мелкий собрался что-то ответить, но не успел.

— Если б ты не пальнул, — сквозь зубы прошипел Тимур, — они бы по нам стрелять не начали. Так что заткнись, неуловимый мститель.

Мазила надулся, сбросил рюкзак и сел спиной к остальным. Принялся смотреть на дождь, стекающие с края щита струи воды. Обидчивый какой. Ну и пусть себе дуется. Дурак сопливый. Для него все здесь — игра в сталкеров. Романтика. Зона, аномалии, артефакты. А романтики нет. Здесь страшно и опасно. И не потому даже, что могут убить, а потому что никогда не известно, как это произойдет. Пугающая игрушка на батарейках, работающая без батареек, может оказаться абсолютно безопасной, а мирно растущий куст, к которому идешь по нужде, — последним воспоминанием.

А мелкий все романтизирует. Вальнул он. И ведь даже не задумался, что это его сталкеры, которые, по слухам, все сплошь герои и джентльмены удачи, в реальности просто стали по ним палить и застрелили Наташу.

Ворожцов поежился.

Мокро, холодно. Надо бы просушить вещи. Хоть как-то.

— Нужно вернуться, — совершенно серьезно сказала притихшая было Леся. — Вернуться, найти Наташу и похоронить.

— Нет, — жестко отрубил Тимур. — Ты не поняла? Ее больше нет. Вообще. Всё. А что действительно нужно, так это набрать дров, развести костер и просушить вещи.

Голос Тимура звенел, как перетянутая струна. Только б не сорвался, подумал Ворожцов.

— Еще скажи сухих дров набрать, — сердито буркнул Мазила.

Ворожцов не стал ничего говорить. Не о чем тут говорить. Тимур прав. Он уронил рюкзак, выудил топорик и вышел под дождь.

— Куда один? — позвал недовольно Тимур.

Ворожцов не ответил. Меньше всего на свете сейчас хотелось говорить.

Не так все должно было сложиться. Не так. Не должен был погибнуть Сергуня. Не должны были убить Наташу. Мазила не должен был вести себя так, будто играет в компьютерную игру и у него в запасе десятков жизней. А Тимур с Лесей, да и он сам должны были давно понять, что все здесь — это не выдумка, не их представление о мире Зоны. Все это реально и живет по своим законам.

Только они ведь не поняли. Никто не понял. Ворожцов и сам не понимал до последнего, хотя казалось, что уж ему-то все предельно ясно. Может быть, даже сейчас он так ничего и не осмыслил, но он... держал смерть за руку.

Путь преграждал завал поросших мхом стволов. Лес грязный. Да и кто здесь станет его чистить. В таком месте не то что лесник, леший жить не станет.

Ворожцов ткнул топором один из тех стволов, что казались посвежее. Осыпалась труха. Гнилушка.

Он потыкал соседние бревна, перелез через завал и свернул в сторону.

Теперь он начинал понимать брата. Они оба держали смерть за руку. Только Павел и теперь сомневался в ценности средств. А Ворожцов подверг крепкому сомнению ценность цели. Едва ли не впервые он готов был спорить с братом. Но брата не было. А из тех, кто шел рядом, спорить было не с кем и незачем. Толку? Наташу ведь это не вернет...

* * *

— ...не спорьте с ним, — мрачно просит Ворожцов.

Они сидят у них на кухне. Четверо. Он, Павел и Тимур с Сергуней. Эти двое зашли в гости и наткнулись на Павла. Прежде чем Ворожцов успел что-то сообразить, старший брат затащил одноклассников в квартиру, усадил на угловой диванчик и начал рассказывать. Долго и нудно.

Павел никогда не рвался общаться с однокашниками младшего, но сейчас он не трезв. После того, как вернулся оттуда один, с пустыми руками и пепельной головой, старший Ворожцов часто бывает нетрезв даже днем.

На столе — ополовиненный пузырь, дощечка с кое-как нашинкованной колбаской и перьями зеленого лука. Чуть в сторонке — трехлитровая банка с мутным рассолом, в котором плавают огурчики. Мама солила впрок и все сокрушалась, что никто не ест. Впрочем, Павел и теперь не ест, он закусывает.

Ворожцов входит в кухню, когда вытуживать одноклассников уже поздно. Сергуня сидит с хитрой рожей, Тимур смотрит пока просто с любопытством. Павел берет бутылку, плещет себе в стопку. Движения его уже не тверды, водка проливается.

Павел отводит в сторону руку, смотрит на Тимура с Сергуней и приглашающе вскидывает бровь.

— У? — покачивает он бутылкой.

Если бы видела мама, она бы устроила ему такой нагоняй за попытку спить малолеток. Мама к алкоголю относится очень строго. Все, кто пьет больше нее, — пьяницы. А сама она приобщается к спиртному только по праздникам и в самых незначительных количествах. Павел сейчас для нее просто спивается. Ворожцову тоже кажется, что старший брат близок к тому состоянию, когда не человек контролирует поглощаемый алкоголь, а наоборот.

— Я пиво пью, — поднимает в ответ початую жестянку Сергуня.

Павел смотрит на Тимура. Тот качает головой.

— Спасибо, я лучше чаю.

Ворожцов проходит через кухню, включает чайник. Павел снова бубнит какой-то научный вздор, понятный только ему. Сергуня втихаря посмеивается над ним.

Скорей бы уже закипел чайник. Или пришла мама. Или началось землетрясение. Хоть бы что-то произошло, чтобы это остановить. Чем продолжится все это действо, Ворожцов знает. Это уже не первый раз. И пытаться увести приятелей от брата бесполезно. Только с пьяным Павлом поругается, и все. Это тоже уже проходили.

Павел говорит много и непонятно. Прыгает с мысли на мысль, перескакивает с одного на другое. Его история теряет всякий смысл, даже если он в ней когда-то и был. Хотя Ворожцов понимает брата. Просто он знает, о чем речь. Со стороны же Павел похож на сумасшедшего.

Он прекращает бредить, залпом опрокидывает стопку. Но она под край, рука трясется, и водка течет по губам, капает с подбородка. Жалкое зрелище.

Тимур смеется одними глазами. Сергуня прячет улыбку за пивной банкой.

Павел ставит стопку, тычет вилкой в банку с огурцами. Раз, другой — мимо. Наконец он вынимает соленость, откусывает и начинает судорожно жевать.

Хруст огурца перемыкает что-то в голове у Павла. Он зажимается, съеживается, чуть ли не уменьшаясь в размерах. Что хрустит сейчас в его памяти?

Взгляд брата становится пустым, словно Павел разглядывает что-то внутри себя. И это что-то пугает его, постепенно доводя до панического ужаса. И вот уже сквозь пустоту из глубины глаз проступает животный страх.

Павел замыкается. Чайник шумит. Ворожцов напрягается, он знает, что сейчас будет.

— Паш, — с наигранной серьезностью подливает масла в огонь Сергуня, — а чем дело-то кончилось?

Павел вздрагивает. Глаза его становятся безумными, лицо кривится. Выстреливает кнопкой вскипевший наконец чайник.

Старший Ворожцов подскакивает с места и орет, не помня себя, как настоящий сумасшедший:

— Она разряди-и-илась! Эта хреновина разрядилась в обратную сторону.

Сергуня поспешно прикладывается к банке с пивом. Тимур отворачивается. Павла трясет. Он уже не на кухне, он где-то там, в своих воспоминаниях. Что за жуть там

случилась? Что за смерть он держал там за руку? Ворожцов знает историю в общих чертах, но всего брат не рассказывает.

Ворожцов с чаем и пакетом пряников выпроваживает одноклассников из кухни. Те не сопротивляются. Концерт окончен, больше смотреть не на что. Павел тоже не останавливает брата. Он и сам словно разрядился. Сидит над пустой стопкой и смотрит стеклянным взглядом в одну точку. Он уже не в дебрях памяти, но еще не на кухне. Где он? Его в этот момент будто вовсе не существует.

Все кончено.

— Доигрались? — шипит сердито Ворожцов.

— Мы-то чего, — делает невинную рожу Сергуня. — Это все твой брательник. Ворожа, а ты тоже такой дурной, когда бухой?

— Подождите в комнате, я сейчас приду, — отрубает Ворожцов.

Он выпихивает Тимура с Сергуней и закрывает дверь. Подходит к Павлу. Лечить истерики он не любит и не умеет. Никогда не умел.

— Паш, успокойся, — просит он, чувствуя, что говорит не то и не так. В этих дежурных словах возникает какая-то фальшь. От ощущения ее Ворожцов злится. На себя, на однокашников, на брата.

Павел сидит так, будто его выключили. Ворожцов осторожно берет пустую стопку из-под носа брата. Тот мгновенно оживает. Вернее, оживает рука Павла. Пальцы вцепляются в запястье Ворожцова.

— Поставь.

— Тебе хватит.

— Поставь и иди.

— Поешь хотя бы, — просит Ворожцов.

Где мама? Ее брат хоть как-то слушается.

— Не хочу. Ничего не хочу, — мотает головой Павел и наливает себе еще стопку.

— Зачем ты с ними споришь? — пытается перевести тему Ворожцов, только бы брат поставил водку и забыл о ней хоть на время.

— Я не спорю. Было бы с кем. Спорить не с кем и незачем. Я объясниться пытаюсь.

Павел опрокидывает в себя прозрачное сорокаградусное, давится, морщится, зажевывает луком. Он жалок и мерзок. В душе у Ворожцова возникает брезгливый осадок.

— С ними? Они же на тебя как на...

— Не с ними, — перебивает Павел. — С самим собой.

Язык у брата заплетается. Он подпирает рукой тяжелеющую голову. Взгляд снова пытается нырнуть в глубины памяти, но застревает где-то посередине между прошлым и настоящим. Павел тупо таращится перед собой. Сейчас он напоминает не буйного психа, а тихого умалишенного после лоботомии.

Ворожцов забирает стопку, вместе с ней и бутылку. Выходит и прикрывает за собой дверь. Ему жутко. Жутко и любопытно одновременно. Давно. С тех пор, как вернулся Павел. С тех самых пор, как он впервые рассказал, что произошло там, в Зоне...

* * *

...Ворожцов перекинул через завал пару чурок, перевалился следом и, подобрав более-менее подходящие для костра деревяшки, поплелся обратно.

Сколько он ходил за дровами? Счет времени потерялся. Да и не важно это. Ничего сейчас не важно. Надо было, как говорил брат, объясниться с самим собой.

Павел до последнего был уверен, что жертвы ради науки — это нормально. И пара оставшихся в Зоне стариков — это не трагедия. И если бы эксперимент дал положительный результат, то на пару трупов вообще никто не обратил бы внимания. Но... «Эта хреновина разрядилась в обратную сторону». Кажется, отрицательный результат убивал брата больше, чем смерть научного руководителя и буча, которую подняли на кафедре. И пил Павел лишь потому, что цель не была достигнута. Средства достижения его не волновали.

У Ворожцова все было иначе. Цель была близка. И в том, что для него все будет так, как надо, сомнений не было. Сомнения были в другом. Стоило ли идти к этой цели ценой жизни Сергуни и Наташки?

Впереди за деревьями мелькнула спина. Он замер испуганно. Первые мысли были страшными и хаотичными. Только потом сообразил, что ничего страшного нет. Спина знакомая. Мазилы спина. Только вот чего это он под дождем мокнет?

Ворожцов выдохнул с облегчением и вышел из-за деревьев.

Они стояли под дождем все трое. Чуть поодаль от какого-никакого укрытия. Пусть под щит и захлестывало, но от прямого попадания дождя он все же защищал. Так чего ж они вылезли?

Ливень прошел. Теперь противно моросило. И все же под этой моросью стоять было значительно противнее, чем под жестяным навесом.

Леся закашлялась. Тимур повернулся к ней и увидел Ворожцова. Нахмурился:

— Ты где до сих пор шатался?

— Вы чего тут? — вопросом ответил он.

— Сам посмотри, — кивнул на навес Тимур.

Ворожцов послушно сделал пару шагов к навесу.

Тимур двинулся следом, на ходу бросил Лесе с Мазилой:

— А вы ждите.

Ворожцов ждать не стал, пошел вперед. Он был уже у самого навеса, когда Тимур догнал и каким-то образом даже умудрился обогнать Ворожцова.

— Ушел, — буркнул он. — Один. И шарманку уволок.

Тимур присел на корточки, не залезая под щит, кивнул. Ворожцов опустил рядом, проследил за направлением взгляда. На нижнюю сторону щита никто сразу, разумеется, не посмотрел.

Поверхность его, выкрашенная когда-то охрой, облупилась. Где-то краска вздулась пузырями, где-то вообще отваливалась. Из-под облупившейся корки проступала изъеденная ржавчиной железка.

Надписи на щите тоже отшелушились вместе с краской во многих местах. Прочесть все, что здесь было написано, не представлялось возможным, но фрагменты текста оказались вполне читаемы, и эти читаемые слова, пусть и не на русском, впились в мозг, а следом отдавали страхом в груди:

УВАГА!
РАДІАЦІЙНА
НЕБЕЗПЕКА!

Ворожцов судорожно сглотнул.

— Узрел? — спросил Тимур.

— Не все понятно, — пробормотал Ворожцов, пытаясь прочитать следующую часть предупреждающего текста.

Но именно по этой следующей части проходили вздувшиеся пузыри краски и ржавые проплешины.

— Чего тебе непонятно?

— «Пт... ачи», — прочитал Ворожцов. — Или вот еще: «м. Черно...». Что это?

— В пятницу придут хачи, — обозлился Тимур. — Встреча у них на метро Чернобыльская. Ты чего, совсем повернутый? Дальше читай.

Дальше разобрать было и вовсе невозможно. Зато заканчивался текст не лучше, чем начинался:

БЕЗ ДОЗВОЛУ
КАТЕГОРИЧНО
ЗАБОРОНЕНО!

Ворожцов молча сунул руку в карман, выудил ПДА. Прибор пискнул, включаясь.

— И вы решили под дождем стоять, потому что тут «радиация небезопасна»? — уточнил Ворожцов.

— А что прикажешь делать?

— А если дождь кислотный?

Тимур скрежетнул зубами. Ворожцову не особенно хотелось задиаться и злить Тимура, но из него вдруг поперло.

— И вообще этот щит сюда могли из другого места принести.

— Ты чем разглагольствовать, лучше шарманку крути, — процедил сквозь зубы Тимур. — Леська мокнет.

О последний аргумент весь боевой настрой Ворожцова разлетелся, как бокал тонкого стекла о бетонную стену. Пальцы забегали по кнопкам. Прибор ожил. Радиационного фона здесь не было.

— Ну? — поторопил Тимур.

— Безопаса, — устало бросил Ворожцов, убирая наладонник. — Если тут и была радиация, то давно уже нет. Зови всех обратно. И дрова сами тащите.

Тимур фыркнул и пошел к Лесе с Мазилой. Ворожцов залез под навес, сел, прислонился спиной к стволу и вытянул ноги. Усталость навалилась вдруг так мощно, что захотелось закрыть глаза и отключиться. И проснуться дома. За много километров отсюда. А еще лучше — за много дней до того, как они решили идти в эту экспедицию.

Ворожцов закрыл глаза и прислушался. Дождь больше не стучал по жестяному щиту. Он моросил бесконечно тоскливо, монотонно.

Прошелестели шаги. Что-то ухнулось о землю.

— Не спи, — врезался в мягко подступающую дрему надоевший за последние дни до смерти голос Тимура.

Ворожцов открыл глаза и поглядел на него.

— Костром займись, — потребовал Тимур.

— Я здесь один?

— Считаться потом будешь, — огрызнулся Тимур. — Разводи костер. Леська простыла.

И вновь одного упоминания о Лесе хватило, чтобы Ворожцов поднялся на ноги. Она уже забралась под навес, опершись на руку Мазилы. И как это Тимур позволил мелкому так возиться с Лесей? Наверное, не принимает его за конкурента. А его, Ворожцова, принимает. Как бы ни пыжился.

Ворожцов взял топор и принялся щепить деревяшку посуше.

Мазила завис. Если раньше ему было что делать, то сейчас целей не осталось. Зато была обида и непонимание, от кого чего ждать. В результате мелкий сидел, как куль на именинах. Плохо это. Очень плохо.

Леся шмыгала носом и кашляла. Если прежде это были осторожные покхекивания, то теперь кашель разошелся и звучал совсем нехорошо. И чтобы услышать это, не надо было иметь медицинского образования.

Тимур решительно потрошил рюкзак.

«Интересно, насколько его бодрости хватит», — подумал Ворожцов.

Закончив строгать щепу, он сложил и запалил костер. Принялось не сразу, огонь расходился медленно: даже казавшиеся почти сухими поленья и ветки отсырели.

Тимур вытащил из рюкзака свитер и шерстяные носки. Протянул Лесе.

— Переодевайся.

— Ей обувь сменить надо, — подал голос Ворожцов.

— У меня кроссовки есть, — тихо обронила Леся и улыбнулась.

Но улыбка вышла болезненной и совсем невеселой. Девчонку начинало лихорадить.

— Тимур, залезь в мой рюкзак. Там штаны армейские.

— Твой рюкзак, ты и залезь, — отозвался Тимур, приревновав, видимо, к тому, что оденет Лесю не он один.

— Считаться потом будешь, — вернул Ворожцов. — Я костром занимаюсь.

Тимур сердито запыхтел, но в рюкзак его все же полез. Ворожцов отметил это не без удовольствия и тут же устыдился. Наташку убили, Леся промокла и простудилась. А они все бодаются, как два молодых барана.

Щепа наконец разгорелась, заплясало пламя. Ворожцов принялся скормливать костерку ветки покрупнее. Огонь притих, от сырой древесины потянуло дымом, но костер не угас.

Тимур вынул штаны и отдал Лесе, которая тем временем откопала у себя запасные кроссовки.

— Они, правда, великоваты будут, — извиняющимся тоном объяснил Ворожцов. — Зато тепло и сухо.

— Спасибо, — кивнула Леся.

— Переодевайся, — потребовал Тимур.

Леся собрала в кучу сухие вещи и поднялась.

— Куда? — одернул Тимур. — Здесь переодевайся. Мы не смотрим.

И первым повернулся к ней спиной.

Ворожцов крутнулся на месте, не вставая с корточек. Сбоку засопел, отворачиваясь, Мазила.

А хорошо Тимур устроился. Если Ворожцов обернется, то все это сразу заметят. Даже если он обернется, чтобы проследить за Тимуром, все равно выйдет, что подглядывает. А за самим Тимуром никто не следит.

И манипулировать им, ссылаясь на Лесю, Тимур научился здорово. Ворожцов, может, и не хочет чего-то делать, а Тимур брякнет про Лесю, и он бежит безропотно. Только задним числом думает, что его развели. Да уже поздно.

Ворожцов попытался отогнать мрачные мысли, но думалось только о Тимуре и о том, какой же он, в сущности, гад.

Тимур вопреки тому, что о нем думали, подошел ближе к костру и сел рядом с Ворожцовым. Просто спросил:

— Куда дальше?

От этой простоты зловещий образ подонка, уводящего у него девчонку, развалился в мгновение ока. Пришла мысль, что думать о говнюке, заставившем всех отвернуться и подглядывающим втихаря за Лесей, было проще, чем понимать, что Тимур не говнюк и ни за кем не подглядывает.

— В смысле? — буркнул Ворожцов.

— В том самом. Карта у тебя. Куда нам дальше?

— Назад, — пробормотал Ворожцов.

— Как? — подал голос Мазила.

— Что это значит? — напрягся Тимур.

Ворожцов подкинул в костер чурку покрупнее.

Хотелось отвернуться, но отвернуться было нельзя. Нужно было что-то делать, но делать было нечего. И Ворожцов посмотрел на Тимура.

— Надо возвращаться, — сказал он. — Мы не дойдем.

Тимур стиснул зубы. Лицо окаменело.

— Ты в своем уме? Или совсем обдристался со страху?

— Я в своем уме. А ты? Сергуни нет. Наташки нет. Куда идти дальше? Зачем? Мы считали, что прогуляемся туда и быстро вернемся обратно. Мы еще не дошли, а уже...

Он сбился. Все слова, которыми можно было обозначить погибших одноклассников, выглядели неуместно: либо слишком сухо, либо чересчур фальшиво.

— Я назад не пойду, — пробурчал Мазила.

— Тебя вообще не спрашивают, — окрылся Тимур.

— Оставь его, — вступился Ворожцов.

Тимур глядел зло.

— Оставь? Я его и не трогаю. Ты лучше скажи, чего тебе в голову ударило? Да, Зона оказалась опаснее, чем мы предполагали...

— Зона опаснее, чем даже я думал, — оборвал Ворожцов. — Идти вперед нет никакого смысла. Это пустой риск.

— А идти назад — не риск? — зло и наигранно хохотнул Тимур.

— Риск, — признался Ворожцов. — Но там мы хотя бы знаем, чего ждать. А впереди...

— Ты и там не знаешь, чего ждать, — резко оборвал Тимур. — Ты под насыпь первым не лазил.

— А что под насыпью было? — снова встрял Мазила.

— Не твое дело, — взъерепенился Тимур. — Сиди и сопи в две дырки. Когда твое веское мелкое слово понадобится, тебе скажут.

Мазила обиженно запыхтел. Тимур набросился на Ворожцова.

— Трус ты!

Слово ударило больно, словно плетью хлестнули.

— Чего это? — опешил Ворожцов.

— Того это, — продолжил на повышенных тонах Тимур. — Назад пойдем, да? Значит, Серега с Казарезовой просто так сдохли, да? Ни за что? Моралист несчастный. Рохля! Тряпка! И брат твой нытик, и ты такой же!

В глазах потемнело. Ворожцов медленно начал подниматься.

— Брата трогать не смей, — прорычал он. — Понял?

— Пошел ты!

Во взгляде Тимура мелькнула ярость. Бешено перекатались желваки. Он тоже поднялся, насколько позволял жестяной навес.

Внутри у Ворожцова kloкотало. Шансов против Тимура в драке у него не было. Он понимал это, знал, что если не случится чуда, то его положат на лопатки, и он опозорится. Но это знание было сейчас очень далеко.

Кровь стучала в висках. Ворожцов стиснул кулаки, подался вперед и...

Замер.

Между ними стояла Леся. Простуженная. В Тимуровом свитере и ворожцовских штанах.

— Тихо, — очень мягко и неожиданно властно сказала она. — Вы чего? Наташу не вернете.

Ее рука коснулась груди Ворожцова. Другой рукой она едва-едва касалась Тимура. Словно разводила их.

Ворожцов опустил руки, разжал кулаки.

— Надо идти назад, — пытаюсь достучаться хотя бы до Леси, произнес он.

— Трус, — уже спокойнее повторил Тимур.

— Не надо обижать людей, Тимур, — одернула его Леся. — Особенно если у тебя это хорошо получается.

Она хотела добавить еще что-то, но закашлялась.

— Голосовать будем, — подхватил инициативу Мазила. — Кто за то, чтобы возвращаться?

Ворожцов поглядел на все еще сердитого Тимура. Перевел взгляд на справившуюся с кашлем Лесю. Глянул на Мазилу.

И медленно поднял руку.

— Один, — словно извиняясь, констатировал мелкий. — Кто за то, чтобы идти до конца?

И сам же первый поднял руку.

Вторым был Тимур. На Ворожцова, оставшегося в меньшинстве, он поглядел с мрачной усмешкой.

Ворожцов повернулся к Лесе. Та руку не подняла. Ни первый раз, ни второй.

— Двое против одного при одном воздержавшемся, — казенно отчеканил Мазила. — Идем дальше.

— А ты можешь назад топать, если охота, — поддел Тимур.

Ворожцов вернулся к дереву и сел, прислонившись к стволу спиной. Устало провел рукой по лицу, закрыл глаза.

Пусть себе. Он предупредил. Сделал все, что мог. Если им так охота, если считают его занудой, то и пусть. Что они понимают? Они не держали смерть за руку.

Снова закашлялась Леся. Он поймал себя на том, что и у него першит в горле. Мокро, холодно. Погода совсем не летняя. В такую легко свалиться хоть с простудой, хоть с ангиной, хоть с воспалением легких. Особенно если промокнуть до нитки и сидеть потом в мокром на холодном ветру среди леса без возможности переодеться.

— Ты это... не обижайся, — виновато пробормотал Мазила, подсаживаясь. — Я же на тебя не обижаюсь.

Проехали.

ПДА завибрировал. Ворожцов открыл глаза, рука молниеносно метнулась в карман. Пальцы стиснули наладонник, который в последний раз он так и не выключил. Забыл. Экран ожил, осветился.

По спине пробежал озноб.

— Уходим, — тихо сказал он.

Мазила опасливо заглянул через плечо. Тимур напрягся:

— Что там?

Ворожцов нервно поежился.

— Не знаю. Какие-то метки. И они движутся.

— Куда? — не поняла Леся.

— К нам, — тихо сказал Ворожцов.

Тимур среагировал первым: быстро пошвырял в рюкзак все, что успел вытащить, затащил тесму, закрыл, щелкнул застежкой и стал топтать костер.

— Думаешь, опять эти? — спросил он деловито, словно между ними только что не было стычки.

Ворожцов пожал плечами. Надел рюкзак, подтянул лямку.

Тимур припечатал подошвой остатки углей.

— Уходим. Только шарманку выруби — прошлый раз из-за нее спалились.

Глава восьмая. Зверь

Дождь закончился. Воздух был свеж и прозрачен. Казалось, еще чуть-чуть — и он зазвенит, как тонкое стекло, по которому легонько стукнули ногтем. Ни ветра, ни скрипа деревьев, ни шороха травы.

Лишь тихий шелест шагов по мокрой дороге.

Тимур двигался быстро, но старался не шуметь. После того, как они вышли из-под навеса, прошло минут десять. ПДА Ворожцов выключил, поэтому приходилось полагаться только на собственное зрение и слух. Бежать опасно: можно сдуру угодить в аномалию. Притаиться и подождать? Тоже не вариант. Неизвестно, кто был на тех маркерах. А если те тоже их видят?

— Много меток было? — спросил Тимур, не глядя на Ворожцова.

— Десяток, — отозвался тот. — Может, больше. Показались на самой границе радара.

— А сколько до этой границы?

— Километра два.

Леся чихнула и закашлялась. Тимур обернулся, хотел сделать замечание, но сдержался. Она-то не виновата, что простыла. А вот ботан со своим нытьем чуть до драки не довел, идиот.

— Было бы не круто, если б мы назад повернули, а? — не сдержался Тимур. — Лоб в лоб с этими столкнулись бы.

— Может, это вообще стадо косуль, — буркнул Ворожцов.

Тимур остановился. Подначка неожиданно обернулась против него самого.

— Не понял. То есть твоя шарманка на косуль настроена? — нахмурился он. — А на кой черт мы тогда вообще сорвались?

— Не обязательно на косуль. Это я фигурально, — обронил Ворожцов, не сбавляя хода. — Сканер ловит сигналы крупных тепловых.

— Не только людей?

— Не только.

Тимур почувствовал, что опять закипает.

— Так, значит, это не те, которые по нам стреляли? — уточнил он.

— Может, те, может, и не те.

Ворожцов наконец притормозил и обернулся.

— Долго еще стоять будем?

Тимур придержал за плечо Леся и сделал знак Мазиле. Они тоже остановились.

— Ты чего творишь? — сказал он Ворожцову. — Лесе согреться надо, отдохнуть. А ты дергаешь нас из-за каких-то косуль!

— Я не собираюсь с тобой спорить. Пошли!

— А я собираюсь. Если нам не грозит опасность, нужно сделать привал.

Ворожцов сжал губы и подошел к Тимуру вплотную.

— Привал?

— Привал.

Тимур вызывающе улыбнулся. Ну что, неужели ботан все же осмелится ударить?

— Во-первых, — сопя, проговорил Ворожцов, — мы не знаем, кого засек сканер...

— А во-вторых, ты опять струхнул? — перебил Тимур.

— Ребят, ну вы уже достали, честное слово, — вмешалась Леся.

— А во-вторых, — с расстановкой закончил Ворожцов, — даже если там не люди, а животные — неизвестно, что хуже. Это Зона.

— Косули нас затопчут? — по инерции фыркнул Тимур, но в груди кольнул холодок. Вспомнились игрушки, ребенок под насыпью, ночные завывания. — Ладно. Раз уж пошли, так идем.

Тимур отстранил Ворожцова и зашагал дальше по дороге, яростно сжимая рукоять обреза. Сознание неправоты в очередной раз хлестко ударило по самолюбию. Хотелось оставить последнее слово за собой, но возразить было нечего. Это бесило.

Нужно успокоиться и держать себя в руках: мелочный срач уже стал напрягать. Тимур решил вести себя хладнокровней и не вступать в перепалку без полной уверенности в своем превосходстве.

— Стой! — шикнул подскочивший Мазила.

Тимур дернулся от неожиданности и едва не спустил курок. Строго поглядел на мелкого.

— Чего тебе...

Мазила приложил палец к губам и потянул Тимура за рукав, указывая на просвет между деревьями. Там виднелся силуэт старого телеграфного столба с провисшими гирляндами изоляторов на проводах. На вершине сидела крупная ворона.

— Слышал? — шепнул мелкий.

Тимур помотал головой.

Ворона пронзительно каркнула и, хлопнув крыльями, взмыла вверх. От резкого звука внутри у Тимура все сжалось, а Леся вскрикнула и зажала рот ладонью.

— Тихо вы! — осадил Мазила.

— Чего на измену сажаешь, — сердито сказал Тимур. — Птицы испугался?

Мелкий страшно округлил глаза и вновь поднес палец ко рту. Ворожцов осторожно толкнул Тимура локтем в бок. Шепнул:

— Не там. Внизу.

Тимур опустил взгляд к подножию столба и вздрогнул.

Там стояла собака. Крупная. Тупая морда была обращена в их сторону. Казалось, что волкодав смотрит прямо на него, но это было не так. На месте глаз у пса серела комковатая шерсть.

— Слепая, — еле слышно сказал Мазила. — Но все чувствует. Гляньте, как шершится.

Верхняя губа у собаки дрожала, обнажая слюнявые клыки. Ни лай при этом, ни даже рычания пес не издавал, и этот немой оскал выглядел по-настоящему жутко.

— Я боюсь, — сдавленно проговорила Леся.

Пес перестал шершиться и морщить нос. Поднял голову, словно прислушался к чему-то далекому, потом опустил морду к самой траве и, роняя слюну, потрусил вперед.

— Фу! — срывающимся голосом крикнул Ворожцов, шагая к Лесе. — Пошел прочь!

Собака и не подумала останавливаться. Она так же молча прибавила ходу и заметалась из стороны в сторону, будто распрыгиваясь для решающего рывка. Тимур поднял обрез, невольно отступая и выпцеливая петляющую зигзагами псину.

— Бешеная... — просипела Леся и зашлась кашлем.

— Она не бешеная! — гаркнул Мазила. — Это мутант! Стреляй!

И Тимур нажал на спусковой крючок.

Выстрел разломил тишину леса и зазвенел убегающим эхом по просеке. Отдача толкнула в руку, облачко пороховой гари повисло в воздухе сизой каракатицей.

Дробь вскользь зацепила пса: выбила кровавые брызги из облезлого бока. Слепая тварь рыкнула, сменила траекторию и бочком затрусил к кустам. От мерзкого скулежа Тимур сжал зубы, сморщился.

— Вроде ушла, — сказал он, провожая мельтешащий между ветвей силуэт. Переломил ружье, вытащил теплую гильзу. — Мелочь, с чего ты взял, что это мутант?

— Я о таких слепых песиках слышал, — отозвался Мазила. — Зрения нет, но чувствуют и слышат лучше обычных собак. На сталкерских сайтах говорят, что поодиночке не опасны, а вот если стаей...

Тимура как раскаленным прутком огрели. Он машинально вдавил в ствол патрон, выпрямился и посмотрел на Ворожцова. Тот, кажется, тоже все понял.

— Сколько, говоришь, меток было? — спросил Тимур, чувствуя, как страх холодным ужом вползает в потроха.

— Десяток, дюжина... Не знаю, — часто дыша, ответил Ворожцов.

— Хрена два это косули, — выдохнул Тимур. — Убираемся отсюда.

Леся снова закашлялась и чуть не поскользнулась. Ворожцов хотел помочь ей, но в последний момент отдернул руку, словно ему по ней ударили. Тимур заметил это краем глаза. В первый момент не понял, чего ботан так дрыгается. Но тут же пришло осознание: да у него же клин. В памяти Ворожцова застрял миг смерти Наташи. Ведь он тогда держал ее за руку...

— Мелкий, ты ПДА куда дел? — спросил Тимур, хотя знал ответ.

— Выронил нечаянно, когда по нам палить стали, — смутился Мазила.

— И пистолет выронил, да?

— Угу.

— Тогда пойдешь первым, — велел Тимур, уступая мелкому дорожку. — Теперь ствол у нас один. Я буду прикрывать. Если сзади стая этих тварей, хоть какой-то отпор дам.

Леся посмотрела на него с уважением, и внутри у Тимура заплясал огонек удовлетворения крохотной, но все же победой над Ворожцовым. Правда, мимолетная искорка тут же исчезла, и в душе кольнул кусок льда.

Плотная, стылая глыба с острыми ребрами.

После того, как Тимур прогнал странного ребенка, ледяной кристалл рос. В нем копился каждый новый страх, каждое сомнение, каждая потеря. Этот неудобный ком уже почти физически ощущался на вдохе.

Тимур никак не мог понять, что же так гложет его изнутри. Ведь он ни в чем не виноват. Нельзя же винить человека за то, что он хочет повзрослеть?

Мазила, гордый тем, что ему доверили роль ведущего, поправил рюкзак и потопал вперед с воодушевлением, которого сейчас всем им так не хватало. Главное, чтобы не перестарался.

Ворожцов догнал мелкого, пристроился рядом.

— Врубай свою шарманку, — бросил вслед Тимур. — Поздно шифроваться, псы и так нас чувят.

— Пойдем скорее, — сказала в нос Леся и шумно высморкалась в платок. — А то загрызут.

— Никто никого не загрызет, — бодрым голосом сказал Тимур, одной рукой лоя ее теплую ладонь, а второй крепче сжимая обрез. — Двинули.

Мокрая дорога петляла между зарослями борщевика и лужами, затянутыми зеленой пленкой ряски. Вдалеке на фоне темных нагромождений леса мелькало светлое пятно. По прикидкам Тимура, они вот-вот должны были выйти на открытую местность, к большому заброшенному зданию, которое они с Ворожцовым изначально приняли за один из ключевых ориентиров маршрута.

Сзади донесся лай. Хлесткий, неприятный звук. Тимур, стараясь не сбавлять шага, всмотрелся в изгиб дороги. Пока никого.

— Живей, — поторопил он мелкого с Ворожцовым и сильнее потянул Лесю. — Что на сканере?

— Они в километре от нас, — откликнулся Ворожцов. — Бежать и паниковать нельзя. Собаки чувят страх, это их еще сильнее злит.

— Ну, останься тогда, — огрызнулся Тимур, нагоняя его. — Поговори с ними по душам.

Ворожцов засопел, но ходу прибавил.

До конца леса оставалось метров сто, когда первые три пса показались из-за поворота. Они выскочили, водя слепыми мордами из стороны в сторону, приняхались.

Тимур дернул за собой Лесю и перешел на трусцу. Страх перед свирепыми тварями начинал гнать его, затмевая рассудок. Умом он понимал, что нужно размеренно отступать, а не драпать, брызжа адреналином, но эмоции были сильнее.

— Скорее! — крикнул Мазила.

— Под ноги смотри! — дрогнувшим голосом одернул его Ворожцов и чиркнул взглядом по собачьему авангарду. Бросил Тимуру: — Глянь, как мордами водят. Будто только что почуяли... Как не за нами гнались.

— Хорошо болтать, — выдохнул Тимур. — Бегом!

Первая тройка псов снова набирала скорость. Из-за поворота показались еще с десятка облезлых тварей. Догонят — растерзают.

Тимур тащил спотыкающуюся Лесю что было мочи, на автомате бормоча какие-то бессмысленные бодрящие фразы.

Полсотни метров — до конца леса. Меньше сотни — до ближайших собак. И они приближаются, очень быстро сокращая расстояние.

Стрелять или рано?

Воздух влетал в легкие, обжигал их, со свистом вырывался обратно. Перед глазами все тряслось, Леся дергала руку, стараясь обогнать. Хрип дюжины голодных глоток слышался все явственней.

Двадцать метров до поля — тридцать до псов.

Десять-пятнадцать...

Мысль о том, что до строения все равно не успеть, а на открытой местности они будут еще уязвимей для собак, которые смогут окружить, как-то отстраненно коснулась сознания Тимура и улетучилась, не оставив следа.

Теперь — плевать.

Главное, точно выстрелить, положить хоть пару псов и надеяться, что это на время отпугнет остальных. А потом перезарядиться...

Ворожцов уже выбежал из леса, но вместо того, чтобы рвануть к возвышающемуся ангару, вдруг развернулся и выставил перед собой увесистую палку. Когда только подобрать успел, гладиатор фигов?

Мелкий этого маневра не заметил и бежал дальше, не оглядываясь.

Когда от первого пса Тимура отделяло метров десять, он перехватил обрез двумя руками и выстрелил.

Громыхнуло на всю округу. Дробь взрыхлила сырую землю и ранила жоака. Пес осатанело мотнул слепой мордой, взвыл и, хромая, рванулся вперед на трех лапах.

Тимур выставил перед собой ствол, готовясь отразить атаку. Рефлекторно зажмурился в ожидании удара. Но жоак пронесся рядом. Две следующие псины тоже проскакали мимо — слева и справа.

Открыв глаза, Тимур обнаружил, что первая тройка уже поравнялась с Ворожцовым, но не набросилась на него, а обогнула и припустила по полю вдоль кромки леса. Ботан старательно размахивал дрыном, вхолостую разрубая воздух и грозя зацепить Лесю.

Тимур резко развернулся к остальным хищникам. Нужно было отходить, но ни в коем случае не поворачиваться к ним спиной.

Основная группа собак притормозила и взяла их в полукольцо. Тимуру вместе с Лесей и Ворожцовым оставалось отступать только к ангару. Псы скалились, вскидывали уродливые головы, скулили. Эти в отличие от припугнутой тройки лидеров отказываться от добычи не собирались.

И все же было в их поведении что-то странное. Будто и не охотились они вовсе, а...

— Фу! — выпалил Ворожцов, сбивая Тимура с мысли. — Фу!

— Э, вы чего? — позвал перепуганный Мазила, успевший отбежать на порядочное расстояние.

— Болонок дрессируем, — на взводе огрызнулся Тимур и, путаясь в движениях, кое-как перезарядил ружье.

Псы подались вперед. Тимур вскинул обрез, собираясь пальнуть, но тут Ворожцов споткнулся и сел в лужу.

На слепых собак это подействовало как спущенный курок.

Пара псов бросилась в атаку. Сипло завизжала Леся. Тимур саданул в кучу серых тел не целясь.

От визга и грохота заложило уши. Один пес упал замертво, остальные отступили, подвывая, но пара самых агрессивных все же накинута на Ворожцова. Окончательно завалила на спину, сминая полупустой рюкзак.

Ворожцов сдавленно гукнул, отчаянно задергался. Тимур, не особо разбирая, пнул ногой по одной из нападавших собак. Ботинок угодил в тугие ребра. Хрустнуло.

Тварь с рычанием отвалилась от Ворожцова и ощерилась, держа в зубах кусок куртки.

— Тимур...

Вскрик потонул в свирепом рычании второго пса. Тимур со всей дури врезал по безглазой башке стволом и, схватив Ворожцова за шиворот, поволок его в сторону. Тот брыкался и размазывал кровь по лицу, уже не соображая, что делает. Чья именно была кровь, Тимур в суматохе не разобрал.

Собаки опять подступали. Теперь вокруг почти потерявшей голос Леси и перепачканных в грязи Тимура с Ворожцовым собралась вся стая.

Псы вскинули головы и завыли. Протяжный звук рубанул по нервам.

Не успеть перезарядиться.

Не убежать.

Все, конец...

Когда внутренняя глыба льда раскололась, оставив после себя эту одинокую мысль, Тимур замер. Ему вдруг стало зябко и одиноко.

Тимур выпустил Ворожцова, тот осел. Вздрыгнул, стал по инерции отползать дальше.

— Что же ты, — обронила Леся. — Нельзя...

Тимур так и не узнал, что «нельзя». Псы вдруг разом умолкли, и наступившая тишина ударила по ушам почтище всякого воя. Леся осеклась. Остался только шум пульса в висках.

Собаки застыли. Постояли так секунду, обернулись, словно вновь ловили слышные только им звуки. Зафыркали и затрусили прочь, оставив убитого сородича лежать на холодной земле.

Тимур продолжал судорожно сжимать под мышкой разряженный ствол. Ворожцов наконец перестал возиться в грязи и приподнялся на локте, оглядываясь и соображая, что произошло. Левый рукав его куртки был изодран в клочья, сквозь бахрому ткани сочилась кровь.

— Сильно цапнули? — взволнованно спросила Леся, помогая ему встать.

Ворожцов не ответил, машинально поднимаясь на ноги и прижимая раненую руку к туловищу. Он смотрел не на девочку, он смотрел на Тимура. Странно смотрел.

Тимур перехватил этот гремучий взгляд, спросил настороженно:

— Чего лупишься?

— Спасибо, — прошептал Ворожцов.

Тимур переломил ствол трясущимися руками. Он стыдился этой противной дрожи, но ничего не мог с ней поделать. Пальцы слушались плохо, адреналин все еще кипел в крови. Проворчал непослушным голосом:

— Случаи разные бывают.

— Спасибо, — повторил Ворожцов уже громче. — Если б не ты...

— Хорош сопли пускать, — обозлился Тимур, вталкивая патрон в ствол. — Ты куда прибор свой дел?

— Прибор? — Ворожцов непонимающе моргнул. Затем его взгляд наконец-то стал осмысленным. — А, ПДА... Выронил здесь где-то. Сейчас найду.

— Вот, держи, — помог подоспевший Мазила, поднимая из травы наладонник. — Покусаи?

Ворожцов, казалось, только теперь сообразил, что его чуть на карнавальные ленты не порвали. Он засучил рукав и засопел, уставившись на прокушенное предплечье. Следы от зубов даже на вид были ужасны, из глубоких ран сочилась кровь.

Леся по-хозяйски отобрала у него ПДА и вручила Мазиле.

— Бинтовать надо, — сипло сказала она и закашлялась. — Аптечку дайте.

Тимур отметил, что девочка хоть и побледнела от вида крови, но самообладания не теряет и в истерику не впадает. Молодчина. Он скинул рюкзак и вытащил аптечку.

— Мелкий, что на сканере? — спросил Ворожцов, стараясь не смотреть на изуродованную руку.

— Метки эти... — Мазила всмотрелся в экран. — Удаляются вроде.

— Все?

— Вроде. Вот, сам глянь.

Пока Леся поливала Ворожцову руку перекисью и смахивала пузырящуюся пену, он изучал показания прибора.

Тимур на мгновение почувствовал себя лишним: всем нашлось какое-то занятие, а он оказался не у дел. Но тут в мозгу вспыхнула очередная догадка.

Быстрым шагом Тимур подошел к Мазиле, посмотрел на ПДА. Ворожцов уже протянул здоровую руку и ткнул пальцем в одинокую метку у самого края экрана.

— Кто это? — спросил Тимур.

— Кто-то.

— Эти псы не за нами гнались.

Ворожцов кивнул:

— Они убегали от кого-то, а мы просто попались на пути.

Тимур не нашелся, что добавить.

— Убегали? — поднял голову Мазила. — Я много историй слышал про Зону, но чтоб целая стая вот так драпала... Кто может испугать такую свору?

— Тот, — сглотнул Ворожцов, — кто выше по пищевой цепочке.

— Готово. — Леся затянула узел. — Должно остановить кровь. Но скоро придется заново накладывать.

Тимур с содроганием заметил, насколько изменилось положение одинокой метки на сканере. Светлое пятнышко стало ближе к центральной точке радара, где, по логике, находились они сами.

— Идем к ангару, — велел он. — Хоть какое-то укрытие.

Ворожцов с сомнением покачал головой, но, видимо, ничего лучшего изобрести не сумел, поэтому возражать не стал. С треском оторвал висящий кусок рукава от куртки и жестом потребовал у мелкого наладонник. Тот разочарованно вздохнул, но отдал.

— Это здание на карте отмечено оранжевым, — предупредил Ворожцов. — Значит, там может быть опасно.

— Не опасней того, кто гонит стаю волкодавов, — отрезал Тимур и вскинул обрез. — Пошли.

Ангар был большой, двухсекционный. Вообще он выглядел странновато на фоне голого поля: ни подсобных строений, ни котельных, ни даже асфальтированной площадки возле приоткрытых железных ворот. Только ржавые рельсы, ведущие внутрь, и оборванные провода на вышках ЛЭП. Интересно, что здесь делали? Вагоны ремонтировали?

Тимур подошел к тяжелой створке и осторожно заглянул внутрь.

В первой секции было темно, а дальше, за решетчатой переборкой, дрожал необычно подсвеченный желтоватый полумрак.

— Костер горит, что ли? — высказал предположение Мазила.

— Ну-ка, иди сюда, поводи шарманкой, — попросил Тимур Ворожцова. — Какое-то мерцание подозрительное.

— Я говорил, здание поганое, — проворчал тот, отодвигая плечом Тимура. — Да и стоит ли вообще сюда соваться? Можем оказаться в ловушке.

— А на открытой местности мы как мишени в тире, — ответил Тимур. — Чего там?

— Никого. — Ворожцов переключил ПДА в режим детектора, нахмурился. — Но есть какие-то аномалии. Целое скопление.

— Давай подойдем поближе, — предложил Тимур. — Это может отпугнуть того, кто псов шугает.

— Стоит рискнуть. Мазила, возьми в кармане гайки — будешь кидать.

Мелкий с готовностью обогнул Ворожцова и чуть не полетел на бетонный пол, споткнувшись о разбитый прожектор с мутным от влажности отражателем. Под каблуком хрустнуло стекло, и многократно усиленный акустикой звук дробным эхом разлетелся по ангару.

— Болван, — шикнул Тимур, впуская внутрь Лесю и нацепляя на голову резинку с фонариком.

— Оп, фара, — прокомментировал мелкий, глядя на прожектор. — Извиняюсь, не заметил. В каком кармане гайки?

Ворожцов глазами указал на карман куртки и подвигал раненой рукой. Сморщился от боли.

— Ч-черт...

— Лесь, — спросил Тимур, — ты крепко его замотала?

— Да вроде, — отозвалась она. — Давящая повязка, как на ОБЖ учили.

— Нормально, — натянуто улыбнувшись, сказал Ворожцов. — Заживет.

— Зажить-то заживет... — Тимур не ответил на улыбку. Его волновал бледный цвет рожии Ворожцова. — Лесь, дай-ка ему обезболивающего. Темпалгина какого-нибудь, что ли.

— Да не надо мне, — попытался отмахнуться Ворожцов и тут же вновь скривился от приступа боли. Стиснул зубы.

Пока Леся доставала таблетки и открывала флажку, Мазила уже вооружился гайками и шагнул в разгоняемую лучом Тимурова налобника тьму ангара.

— Следи за этим... — Тимур неопределенно мотнул головой за плечо.

Ворожцов проглотил таблетку, запил и снова переключился на сканер. Вздрыгнул.

— Скорее, — сказал он, озираясь. — Уже рядом.

Тимур тоже невольно обернулся на светлую прорезь ворот. Всем естеством ощутил, как зверь подбирается к ним все ближе и ближе. Почему-то он теперь был уверен, что это именно зверь. Не станет целая стая свирепых псов бежать от одного человека, пусть даже тот вооружен до зубов.

Леся поймала в темноте ладонь Тимура, и он автоматически сжал ее теплые пальцы в своих. Тяжелый обрез пришлось опять держать одной рукой. Ну и пусть! Главное, что она рядом.

Девчонка закашлялась. Тимур почувствовал, как содрогается все ее тело от спазмов. Эхо угодливо разнесло хыхканье по ангару.

— Совсем простыла, — виновато сказала Леся. — Раскашлялась, как бабка старая.

— До бабки тебе еще далеко, — успокоил Тимур.

— Ну почему? — с мерзкой улыбочкой начал Мазила. — Если прибор помощней сработает, то...

— Помолчал бы ты, — одернул его Ворожцов. — Лучше гайку готовь.

Мазила зазвенел железьяками, подходя к решетчатой переборке, в которой чуть правее виднелась дверь. За прутьями дрожало желтое марево. В глубине секции угадывались контуры старого дизельного локомотива. Стекла в кабине отсутствовали, внутренняя силовая установка, судя по разбросанным вокруг ржавым деталям, была давно выпотрошена.

— Вон туда швыряй, — указал Ворожцов Мазиле. — Чуть в сторону от паровоза, где воздух дрожит.

Мелкий занес руку, но Леся приостановила его.

— Давайте-ка от решетки отойдем, — сказала она. — На всякий случай.

— Правильно, — согласился Ворожцов.

Тимур перехватил его взгляд, но перечить не стал. Просто отступил от переборки.

Мелкий замахнулся и бросил гайку. Она пролетела сквозь марево и со звоном отскочила от рельсы. Миг ничего не происходило. А потом раздался нарастающий шум, словно где-то рядом внезапно смыли воду в унитазе, и хлопнуло.

Вспышка на некоторое время ослепила всех.

Тимура обдало жаром. И он машинально отпрыгнул назад, увлекая за собой вскрикнувшую Лесю. Щурясь, взгляделся в яркое пламя, двухметровой струей ревущее за переборкой.

— Бежим? — растерянно спросила Леся.

— Постой, — прикрываясь рукой от волны горячего сухого воздуха, сказал Тимур. — Кажется, не разрастается.

— Оно и не разрастется, — со знанием дела поддакнул Мазила. — Это ж аномальный огонь!

— Жарит от него совсем не по-аномальному, — буркнул Тимур. — Если подобраться ближе, зверюга не сунется.

— Тимур прав, — неожиданно согласился Ворожцов. — Все звери боятся огня.

— Но эта горелка не будет же вечно полыхать, — засомневалась Леся. Кашлянула. — Потухнет, и тогда...

— Вот пока не потухла, пойдемте к ней, — решительно сказал Тимур. — Я прикрою.

Он отпустил Лесину ладонь, перехватил ружье и развернулся. Высушенной кожи лица коснулась приятная прохлада. Зато шею и затылок стало жарить.

После яркого пламени пытаться рассмотреть что-то в темноте ангара было сродни потугам слепого котенка узреть мир. На черном фоне плыли радужные пятна, и Тимур долго моргал, пока наконец не стал различать светлую прорезь входа. Он сфокусировался на ней.

Шум пламени за спиной постепенно утихал, прыгающие по полу и рельсам отсветы становились тусклее. Но огонь продолжал гореть.

— Стой! — донесся из-за спины окрик Ворожцова. — Сначала — гайку!

— Ага! Я и забыл, что...

Оправдательная телега Мазилы потонула в очередном огненном реве. Тимур ощутил, как жар с новой силой защипал холку. В спину ткнулось что-то твердое. Он быстро оглянулся и понял: это Лесин рюкзачок.

За решеткой вновь бушевала огненная стихия.

— Теперь туда вообще не сунешься, пока не стихнет, — прокомментировал Мазила.

— Метка! — крикнул Ворожцов. — Тимур, следи за входом! Зверь рядом!

Тимур напряг зрение, словно это могло ему помочь увидеть больше, чем он уже видел. А видел он все так же немного: подсвеченные отблесками пламени рельсы, островок грязного бетонного пола да голубоватую полоску дневного света в воротах.

— Вроде уgomонилось. Идем? — спросил Мазила.

— Да. Только смотри в оба, — наказал Ворожцов. — Сначала гайка, потом шаг.

— Гайка, шаг, — тупо повторил мелкий. Видимо, его все же пробрало после того, как едва не сгорел заживо.

Звякнуло. Тимур уже приготовился к знакомому шуму, но его не последовало.

— Чисто! — В голосе Мазилы прорезалась радостная нотка. — Я иду, вы за мной.

— Гайка, шаг, — напомнил Ворожцов.

Некоторое время слышалось только ворчание утихающих очагов огня.

— Ну? — не вытерпел Тимур.

— Нормально, — сказал Ворожцов. — Мазила, нормально?

— Ага! Давайте сюда, только лица прикройте — жарко.

— Лесь, пойдем. Осторожно.

Тимур почувствовал, как рюкзачок Леси перестал упираться в спину. Между лопатками сразу возникла пустота, словно там чего-то не хватало. Он передернул плечами, чтобы отогнать дурацкое ощущение...

Полоска света вдалеке на мгновение погасла. Всего лишь на короткий миг, но этого оказалось достаточно, чтобы Тимур застыл на вдохе.

Кто-то прошел возле входа в ангар. Быстро, бесшумно.

Тимур хотел предупредить остальных, но из горла вместо слов вылетел еле слышный хрип. Он глубоко вздохнул, сделал шаг назад и прикрыл ладонью налобник, чтобы не сверкать лучом.

Шепотом позвал:

— Лесь.

— Что? — тут же откликнулась она.

— Тихо. Он здесь.

— Кто? — не сразу поняла Лесья.

— Зверь.

Она не ответила. Несколько секунд из-за спины доносились только быстро стихающий шорох огня и бормотание ребят.

— Мелочь! — шепотом окликнул Тимур, отступая еще на шаг и упираясь в теплые прутья.

Мазила не откликнулся.

— Ворожцов! — уже громче сказал Тимур. — Заткнетесь вы там или нет!

Бормотание прервалось. Хорошо хоть ума хватило не пререкаться.

Тимур, не выпуская из виду заветную полоску света, сдвинулся вдоль решетки к двери. Лесья уже скользнула внутрь-он остался один по эту сторону переборки.

Шаг вбок, еще один. Тимур убрал ладонь от налобного фонарика, чтобы нащупать проход, и тусклый луч вновь заплескал по пустому ангару, норовя разогнать мрак.

— Давай руку, — в самое ухо шепнул Мазила и, не дожидаясь ответа, мягко ухватил Тимура за запястье. Аккуратно втянул в дверь, протараторил: — Ты его реально увидел?

— Не знаю, — отмахнулся Тимур, оборачиваясь. — Не таракхи.

— Судя по показанию сканера, он... — Ворожцов замаялся, вглядываясь в экран ПДА. Потом округлил глаза и задрал голову вверх. — Прямо над нами.

Тимур взглянул на высокий потолок. Балки и ребра жесткости едва угадывались в полумраке — луч фонарика до них добивал с трудом. Метров семь-восемь, не меньше.

— Ты уверен? — переспросил он у Ворожцова.

— Не пойму... — отозвался тот и встряхнул наладонник. — Может, барахлит?

На крыше что-то заскрежетало. Тимур вскинул оружие. Он не знал, куда точно целиться, поэтому просто водил стволом из стороны в сторону, ориентируясь на скребущий звук.

— Не барахлит, — обронил мелкий. — Как он забрался на такую высоту?

— Может, летающий? — предположила Леся.

— Не удивлюсь, — сказал Тимур. — Что ему там нужно?

На риторический вопрос никто не ответил. Скрежет над головой прекратился. Огненные струи почти потухли и теперь лишь чуть слышно шелестели. В ангаре стало тихо.

По крыше прогрохотало, словно кто-то массивный ступал мягкими лапами. Громыкнуло раз, другой. И жестяной звук резко переместился за дальнюю стенку.

— Спрыгнул? — не то сказал, не то спросил Мазила.

— Или слетел, — дополнил Ворожцов.

— Крылья бы хлопали, было б слышно, — резонно заметила Леся.

— Давайте ближе к локомотиву подберемся и переждем, — предложил Тимур. — Тут еще есть эти жаровни?

— Если верить прибору — полно. — Ворожцов осторожно сдвинулся ближе к поезду. — Думаешь, сам уйдет?

— В крайнем случае я пальну, а мелкий швырнет болт в скороварку. Это его отпугнет.

— Нас тоже может пожечь.

— Хватит каркать. Давай двигай.

Тимур слегка подтолкнул Ворожцова, тот дернул покусанной рукой и сдавленно застонал.

— Извини.

— Проехали. За кабину не высовывайтесь, а то полыхнет еще одна из этих...

— «Жарок», — подсказал Мазила, двигаясь к боку поезда. — Сталкеры называют эти аномалии «жарками».

— Хоть жарками, хоть припарками, — пробурчал Тимур. — Главное, не вляпаться.

Все тесно сгруппировались и устроились возле прижавевших к рельсам колес дизельного монстра. В куче сидеть было неудобно, но иначе не получалось — воздух вокруг дрожал и плавился.

Ворожцов все сильнее морщился от боли в руке. Леся дохла и кхыкала в кулак. Мазила нервно перебирал в руке гайки.

— Попаду, если что, — выдал он через минуту. — А долго мы здесь сидеть собираемся?

Тимур не счел нужным отвечать. Ворожцов глянул на мерцающее пятно на масштабной сетке сканера и тихо сказал:

— Пока хищник не уйдет.

— Заткнитесь оба, — одернул Тимур.

Голос прозвучал хрипло: в горле пересохло.

Тимур не глядя нащупал чехол на поясе, щелкнул застежкой и достал фляжку. Она ходила ходуном в непослушных пальцах. Второй рукой он крепко взялся за крышку, останавливая дрожь. Подождал немного. Отвинтил.

Поднес горлышко к губам и застыл с раскрытым ртом.

Вдоль стены двигались два серебристых огонька. Плавно, без рывков. Если б не тусклое ртутное мерцание, Тимур решил бы, что это два фонарика, укрепленные, скажем, на руле велосипеда и разнесенные на полметра.

Но это были не фонарики.

Это были глаза.

Тимур прикинул расстояние между ними, судорожно сглотнул, давя желание бросить все и бежать. Подальше, без оглядки, сломя голову, не разбирая дороги. Прочь...

Обладатель этого жуткого взгляда был не просто крупным. Он был гигантом.

Тимур покосился на Ворожцова. Тот сидел, уткнувшись в экран. Мелкий бряцал своими гайками, Леся притихла, справившись наконец с кашлем. Кажется, никто не заметил, как близко подкрался зверь.

Медленно, стараясь не делать резких движений, Тимур опустил трясущуюся руку, положил фляжку, не обращая внимания на вытекающую воду. Взял ствол, поднял его. Серебристые огоньки быстро сместились вправо, и ангар наполнился таким зубодробительным рыком, что потроха сжались.

Вот теперь исполинскую тушу заметили все.

Леся хотела завизжать, но звук застрял у нее в горле. Глаза Мазилы расширились, а Ворожцов, наоборот, прищурился, как обычно делал в минуты опасности.

— Ни звука, — одними губами проговорил Тимур.

Мазила автоматически занес руку, чтобы бросить гайку в марево намеченной «жарки», но Тимур покачал головой.

Рано.

Зверь прошел по дуге, мягко прыгнул в просвет между аномалиями и, несмотря на огромные габариты, грациозно вышел на свет фонарика.

Тимур содрогнулся. Вид твари поднимал из глубин памяти какой-то древний страх, оставшийся в генах еще от далеких предков, сражавшихся с саблезубыми тиграми. Леся прижалась к нему, до боли стиснула пальцами плечо.

Больше всего зверь походил на камышового кота. Правда, размером с небольшой автомобиль.

Гибкое тело было покрыто серой шерстью, под ней перекачивались бугры мышц. В широкой безгубой пасти зловеще желтели два ряда острых зубов...

Да в такую хлебoreзку слепая псина целиком поместится!

И взгляд.

Тяжелый, изучающий, пронзительный. Будто не безмозглый хищник на Тимура смотрел, а вполне разумная тварь, которая походя раздумывала: сожрать дичь или пусть еще побегаёт для потехи?

Зверь опустил голову, басовито уркнул, как настоящий кошак, и мягко ушел во тьму.

Палец затек на спусковом крючке. Тимур почему-то был уверен: даже если выстрелит — не попадет. А еще ему на миг показалось, что в ртутном взоре зверя промелькнуло понимание и... сочувствие?

Нет, скорее — это уже был домысел.

Мазила опустил занесенную руку. Леся проводила темный силуэт зверя остекленевшим взглядом. Ворожцов перестал шуриться. Он безмолвно следил за стремительно удаляющейся меткой на экране ПДА.

Зверь уходил.

А они — все четверо — еще долго сидели не в силах шевельнуться, не решаясь заговорить. И в памяти Тимура навсегда отпечаталась эта жуткая картина: два серебристых огонька плавно движутся сквозь мрак, мерцают, всматриваются в самую душу.

Глава девятая. За ангаром

— Ну и долго мы еще так будем сидеть? — прорвал тишину голос Мазилы.

Ворожцов вздрогнул, выходя из задумчивости, с удивлением посмотрел на мелкого. Сказать по правде, инициативы он ждал скорее от Тимура. Но тот сидел, слушая тишину и прижимая к себе Лесю. Небось потому и притих, что девчонка рядом.

Словно подслушав его мысли, Леся отстранилась от Тимура.

Тот набычился:

— А ты чего, смелый стал? Думаешь, обошел чудом пару аномалий и переждал сытую зверюгу, так можешь в сталкеры записываться? Фиг тебе, энтузиаст.

— Да ладно, — смутился Мазила. — Спросить нельзя, что ли?

Все еще недовольный Тимур повернулся к Ворожцову, будто искал, на ком еще зло выместить. Поинтересовался сердито:

— Чего там?

На этот вопрос Ворожцов мог ответить, не заглядывая в ПДА. Метка, столь бодро метнувшаяся в сторону, так же неожиданно остановилась. Далеко. На самом краю экрана. Но она не исчезла, переместившись за пределы зоны действия сканера, а застыла, словно выжидая чего-то.

На всякий случай он все же кинул взгляд на экран. Покачал головой.

— Без изменений.

— Зараза, — протянул Тимур. — Чего он ждет?

Ворожцов даже плечами пожать не успел.

— Может, он уснул? — предположил Мазила.

— А может, он затаился и ждет, когда мы наружу выйдем, — парировал Тимур.

— А может, он давно ушел, — не сдавался мелкий. — А прибор глючит.

— Ага, — огрызнулся Тимур, — глючит. Показывает, что зверь далеко. А на самом деле он обошел кругом и подбирается сейчас к нам сзади.

Мазила зябко повел плечами, но не сдался.

— Да на кой ты ему нужен?

— Может, уже проголодался.

Тимур, конечно, говорил назло, но от одной мысли, что он может оказаться прав, по спине пронесся холодок. Мелкий истолковал финальную фразу по-своему: сглотнул. Но не судорожно, смачивая пересохшее от страха горло, а жадно.

— Кстати, жрать охота, — поведал он. — И ноги затекли.

Ворожцов и сам чувствовал, как в желудке от голода начинает посасывать, но промолчал.

Тимур зыркнул исподлобья, повернулся к девчонке:

— Лесь, достань что-нибудь перекусить. Только попроще, чтоб не греть и не открывать.

— А что, можно и погреть, — снова оживился Мазила. — Вон сколько вокруг примусов.

— Мелкий, ты реально дурак или прикидываешься? — спросил Тимур.

— Когда как, — легкомысленно пожал тот угловатыми плечами. — Но чувство юмора все ж включи. А то с тоски помрем раньше, чем нас сожрут.

— Слушай, вшей молнию себе в рот и вжикни ею, — устало попросил Тимур.

— Зануда, — буркнул мелкий.

Леся тем временем порылась в рюкзачке и вытащила галеты. Раздала по одной каждому и сама захрустела.

Мазила вгрызся в печенье с такой яростью, словно его не кормили неделю. Тимур, хоть и ворчал, тоже откусил от галеты не без удовольствия. Ел он неторопливо, маленькими кусочками, словно смакуя.

Правильно, не стоит торопиться с едой. Ворожцов последовал его примеру.

— Может, хоть сгущенку откупорим? — дожевывая, предпринял последнюю попытку оживить ситуацию Мазила.

— И бабушкины соленья, — съязвил Ворожцов.

— Лопай печенки и помалкивай, — поддержал его Тимур.

Мелкий вздохнул. Леся предложила ему воды из фляжки, но он отвернулся. Не иначе — опять надулся. Ничего, подует, перестанет. А то и вправду слишком осмелел.

В отличие от Мазилы Ворожцов уверенности в себе не чувствовал. Да, отбили от собак. Да, обошли «жарки». Да, перехитрили неведомого зверя с глазами цвета ртути. Вот

только перехитрили, или зверь просто потерял к ним интерес? А может, напротив, решил поиграть?

С аномалиями больше повезло. А собаки... Если б не хищник, кто знает, как сложилось бы. Да и при том, что сложилось удачно, память от встречи со сворой осталась на всю жизнь. Во всяком случае, у него: покусанную руку тянуло и дергало, несмотря на съеденное обезболивающее.

Ворожцов терпел. Умел терпеть боль. Случалось, и собаки кусали, и на колючую проволоку натывался, и ногти с мясом выдирали. Впрочем, менее болезненными укусы от подобного опыта не становились. И смелости они не добавляли.

А Мазила дорвался до сталкерских приключений и героем себя почувствовал, не иначе. Все-таки он действительно мелкий. Мозгами. Не дурак, а просто дите малое.

Ворожцов перевел взгляд на Тимура. Что у этого в голове отложилось — вообще непонятно.

— Чего пялишься?

— Ничего, — Ворожцов опустил глаза. — Надо идти.

— А что зверь?

— Если верить сканеру — ничего. Сидит, где сидел.

— И ты предлагаешь выйти на открытое пространство?

— Я предлагаю идти дальше. — Ворожцов вдруг почувствовал, насколько он устал. — Идти, а не сидеть в сомнительном убежище, ожидая, когда зверь проголодается.

— А что, если он уже проголодался и ждет, когда мы выйдем?

— Да ничего он не ждет, — снова вклинился Мазила.

— Ты, мелочь, молчи, — тотчас взъерепенился Тимур. — Когда надо будет твое мнение послушать, я скажу.

Сидевшая молча Леся перехватила Тимура за локоть. Тот развернулся, чтобы вспылить, но осекся, увидав, что его тормозит девчонка, а не Ворожцов.

— Он прав, — тихо сказала она. — Откуда зверю знать, тут мы или уже ушли? У него сканера нет. Это мы его видим. Он нас — нет.

Тимур засопел, но сдержался.

— Хорошо, — процедил сквозь зубы. — Все доели? Пакуйте вещи и стартуем. По рельсам ко второму выходу. Мелкий гайки швыряет. Я замыкаю.

Мазила подскочил с готовностью.

«Его бы энергию в мирных целях», — вяло подумал Ворожцов братовым изречением. При мысли о брате его передернуло. Зачем они сюда полезли? Не надо было. Каждому свое место. Их — не здесь. Прав был брат. И Лешка Эпштейн был прав...

* * *

...Лешка Эпштейн сидит у них в комнате и пьет водку маленькими глоточками. Удивительная манера. Ворожцов пробовал водку всего два раза в жизни. Залпом, после выдоха, как учили. Не понравилось. Вкуса в ней нет никакого, послевкусие отвратительное. А захмелеть можно и при помощи других, более приятных средств. Хотя Эпштейн говорит, что водка вкусная. Брат за это обзывает Лешку позером, но как знать, может, он и в самом деле находит там какой-то вкус?

Ворожцов не понимает, как можно смаковать эту дрянь, потому на Лешкино потребление крепкого алкоголя смотрит со смесью уважения и содрогания.

Эпштейна пригласила мама. Павел обмолвился, что Лешка вернулся из очередной экспедиции. Мама сделала вид, что не обратила на эту новость никакого внимания, а сама тут же позвонила Эпштейнам. Ворожцов слышал, как она нашептывала в трубку, что «Пашеньку надо спасать, он спивается».

Лешка не заставляет себя ждать. Уже вечером он в комнате у Павла. Но вопреки ожиданиям не дает ему по шее и не читает мораль, а садится пить вместе с ним. То ли не

понимает, что от него требуется, то ли придумал какой-то хитрый ход. В непонимание Ворожцов не верит. Эпштейн не тот человек. Значит, что-то задумал.

Брат в отличие от своего друга шарашит залпом. Ставит стопку, берет один из любовно приготовленных Лешкой бутербродов, занюхивает и кладет обратно. Внутри у Ворожцова все сжимается, будто это он заглотил стопарь. Павел не закусывает уже неделю.

Лешка, напротив, с удовольствием уминает свой бутерброд.

— Запивать не правильно, — поучает он, но произнесенные слова звучат не нравоучением, а житейским наблюдением старшего товарища. — Занюхивать — тем более.

— Закуска градус крадет, — мрачно отвечает Павел.

Мрачность у него включается всякий раз, когда проходит похмелье. Потом он снова надирается и либо забывается, либо впадает в истерику. Так происходит уже не дни — недели.

— Хочешь надраться и вытравить прошлое? — невинно интересуется Эпштейн.

Павел кивает:

— Уже давно.

— И как, — заботливо уточняет Лешка, — выходит?

— Ага, входит и выходит.

Павел показывает, как недавно совал два пальца в рот. Хмурится еще сильнее, мотает тяжелой головой, болезненно морщится. Видно, похмелье до конца так и не отпустило.

— Так с чего ж ты решил, что в этот раз получится, если в прошлые разы не удалось?

Брат тянется за бутылкой. Эпштейн перехватывает его руку.

— Погоди.

Павел смотрит с неудовольствием. Брови насуплены. Глаза маленькие, красные и злые.

— Ты мне пришел нотации читать? — спрашивает он.

— Вот еще! Если б я пришел, как ты говоришь, нотации читать, я б тебе сейчас втирал, что пить нехорошо. А я, как видишь, сижу с тобой рядом, пью, закусываю.

— Вот и пей.

Брат снова пытается дотянуться до бутылки, но Лешка изящным движением отставляет ее на другой край стола.

— Пить, Пашик. Пить, а не угоняться.

Взгляд Павла становится сердитым. На «Пашика» он реагирует по-прежнему, несмотря на пьянство, которое давно притупило многие привычные реакции. Ворожцову кажется, что это хороший знак, значит, брата еще что-то дергает. Лешка тоже замечает, усмехается. Впрочем, Павел ничего так и не говорит. Эмоция во взгляде угасает, он отстраненно взмахивает рукой. Бурчит:

— Слушай, Эпштейн, ты сказать чего хотел или спросить об чем? Так ты говори, спрашивай. Только давай без этих ваших жидовских штучек. Я не в том состоянии.

— Да ты вообще не в состоянии, — бодро отзывается Лешка.

Подхватывает бутылку с края стола и наливает водки. Себе. После чего заворачивает пробку и возвращает пузырь на стол, подальше от Павла.

Ворожцов сидит тихо, не встречается. Наблюдает за старшими. Теперь ему точно видно, что Лешка что-то задумал.

— Скотина, — вяло констатирует брат, глядя на далекую бутылку.

— Закуси, — пожимает плечами Эпштейн. — Я и тебе накапаю.

Павел тупо пялится на тарелку с бутербродами.

— Я тебе пить не запрещаю, — как ни в чем не бывало говорит Лешка. — Я тебе не мама, чтобы чего-то запрещать. Я к тебе по-дружески заглянул, пообщаться, а не смотреть, как ты в дрова уйдешь. С дровами мне уж точно говорить не о чем.

Брат стреляет взглядом на бутылку, на Эпштейна, на тарелку. Сдается. Дрожащая рука тянется за бутербродом, пальцы вцепляются в уже обнюханный. Павел яростно, словно вымещая накопившуюся обиду и непонимание окружающих, вгрызается в бутерброд.

Ворожцов следит как замороженный. Брат не ел уже несколько дней. Ничего. Кроме водки.

Павел жует и выжидательно смотрит на Эпштейна. Тот спокойно наливает в его стопку, выполняя обещание. Как взрослый, который обещал ребенку сладкое, если тот съест невкусную кашу. Только рядом с братом он взрослым как раз и не выглядит. Погодки, они вообще сейчас смотрятся гротескно.

Молодой бодрый жизнелюбивый Лешка.

Старый хмурый уставший Павел.

Брат послушно, как хороший мальчик, давится бутербродом. Дожевав, берет стопку. Поднимает:

— За тебя.

— Лучше за тебя, — отзывается на подобие тоста Лешка. — Хреново выглядишь.

Он снова цедит водку маленькими глоточками. Павел опрокидывает. Занюхивает рукавом. Впрочем, тут же, покосившись на Эпштейна, берет второй бутерброд. Откусывает.

— Сейчас начнешь гундеть, что это от водки, — бормочет он. — Не напрягайся. Уже слышал.

— Не начну, — качает головой Эпштейн. — Не от водки. Я-то знаю, куда ты ходил. Так что выключай паранойю.

— Тогда чего? — Павел все еще ждет подвоха. — Будешь бурчать: «я же говорил»?

— Я много чего говорил, — легко отвечает Лешка. — Может быть, ты уже что-то скажешь? Как экспедиция?

Павел тупо смотрит на Эпштейна, потом на лице его возникает понимание. Он разводит руками и хрипло, страшно хохочет. Коротко. Смех звучит слишком театрально, слишком натянуто, слишком драматично, чтобы быть наигранным. От этого у Ворожцова бегут мурашки по спине.

Жутковатый смех обрывается так же неожиданно, как и начался.

— Сам не видишь?

— Вижу, — соглашается Лешка и берет бутылку.

И снова наливает. И они снова пьют. Пьют, пьют, пока бутылка не пустеет окончательно. Тогда Павел мутно глядит на младшего, говорит с непривычной, неприемлемой для него до возвращения интонацией:

— Малой, сбегай на кухню, принеси еще, а?

Ворожцов косится на Лешку. Эпштейн кивает.

В отличие от Павла он практически не захмелел, только блеска в глазах чуть прибавилось.

Он молча встает и идет на кухню. Бутылка ждет в холодильнике. Достать ее не составляет никаких проблем: мама ушла, чтобы не мешать Лешке приводить в чувства старшего сына. Если б она знала, какими средствами Эпштейн выполняет просьбу, ее бы кондрашка хватил.

Ледяная бутылка мгновенно запотеваает. Ворожцов идет в комнату, но с полдороги поворачивает назад. Достает из холодильника сыр, колбасу, помидор и половинку луковицы, из хлебницы — свежий батон. Начинает резать еще одну порцию бутербродов по рецепту Эпштейна. Выходит не так красиво, но главное ведь не красота.

В комнату он возвращается с бутылкой и тарелкой. Пока его не было, Эпштейну удалось сдвинуть разговор с мертвой точки. Ворожцов понимает это по первым же словам и остро жалеет, что пропустил начало.

Теперь говорит брат. Рассказывает. Что-то из этой истории Ворожцов уже слышал, что-то узнает только сейчас.

Впервые история Павла звучит почти стройно. Он еще не так набрался, чтобы потерять связанность и перепрыгивать с одной мысли на другую, теряя суть и подменяя ее непонятными научными выкладками.

Многое становится понятно Ворожцову только теперь.

Главное становится понятно только теперь.

Ворожцов сидит затаив дыхание. Только бы не заметили, только бы не выгнали, только бы дали дослушать все до конца. Молчит, превратившись в слух.

Эпштейн тоже не перебивает. Только чуть подбадривает или направляет историю, когда Павла начинает привычно уносить в научные дебри. Ворожцов поражается, как легко и ненавязчиво удастся Лешке разговорить брата.

— И твои наезды на кабинетных ученых были глупыми, — почти гордо подводит к главному Павел. — Мы дошли. Трудно, но без потерь. Все трое. И я, и Иванченко, и Гальский.

Павел замолкает и смотрит на запотевший бок непечатой еще бутылки. Взгляд его расфокусируется, уходя в глубины памяти, недоступные слушателям.

— Не хотел тебя перебивать, — снова уводит от заминки Эпштейн. — А Гальский это кто?

— Ты не знаешь Гальского? — пьяно фыркает Павел. — Хотя что с тебя взять, тебе ж до науки — как до Пекина на карачках. Гальский — академик, коллега Василия Александровича. Работает над смежной темой...

Павел замолкает. Рука его тянется за бутылкой. Пальцы перехватывают горло, привычно сворачивают пробку. Водка льется в стопку. Эпштейн не мешает.

— Работал, — поправляется Павел и опрокидывает стопку.

Эпштейн неторопливо наливает и пьет, чтобы не отставать от друга. Закусывает, следит, чтобы Павел тоже что-то съел. Тот не противится. Его уже не надо заставлять, достаточно одного Лешкиного взгляда, чтобы он взял бутерброд. Этакое негласное соглашение.

— Мы нашли аномалию, настроили прибор, — совсем просто, без всякой науки, до которой не только Эпштейну, но и Ворожцову как до Пекина на карачках, говорит брат. — Все шло так, как и было задумано. Осталось только запустить прибор и разрядить аномалию.

Павел снова замолкает. Взгляд его мутнеет.

— И? — подталкивает Лешка.

— Запустили, разрядили, — бормочет брат. — А она и разрядилась!

Он повышает голос, едва не срываясь на фальцет.

Ворожцов ждет привычной истерики. Но ее нет.

— Она разрядилась наоборот, — поникшим голосом произносит Павел.

— То есть?

— Чего непонятного? — Голос брата снова начинает звенеть. — И так как для студентов объясняю. Прибор, настроенный на аномалию, должен был омолодить, а он состарил.

Павел проводит рукой по пепельным волосам. Рефлекторно.

«Как?» — хочет сказать Ворожцов, но вовремя давится вопросом. Только бы его не выперли из комнаты!

— Как? — спрашивает Эпштейн вслух.

Павел пожимает плечами. Но в Лешке просыпается естествоиспытатель.

— Неточность настройки?

— Исключено, — мотает головой Павел. — Прибор был настроен так точно, что швейцарские часовщики застрелились бы от зависти. Неверность теории.

Последние слова он произносит, как смертный приговор. И хотя это кажется невероятным, но от этого приговора Павел становится старше еще лет на десять, ссутуливается, съеживается. Плечи безвольно обвисают.

— Гальскому было за шестьдесят, — продолжает брат. — Он на глазах превратился в старика и умер на месте. Просто сердце остановилось. Иванченко постарел ужасно. Выглядел страшно. Сморщился весь, облысел, пигментными пятнами пошел... Назад он не дошел. Ноги еле двигал, трясясь весь, а потом упал на полдороге, и все. Я с ним просидел полтора суток. Он все прощения просил. Потом бредить начал, потом...

Павел сглатывает. На глазах брата предательски блестят слезы. Эпштейн на этот раз сам берет бутылку. Разливает.

— Упокой души, — одними губами шлепает Павел и вливает в себя стопку.

Тишина звенит и давит. Ворожцов ежится, хотя в комнате жарко.

— А я вот пришел, — ставит точку в истории брат. — Молодой старик.

— Ты сам себя стариком делаешь, — тихо, вкрадчиво, будто баюкая малыша, говорит Лешка. — У тебя еще все впереди. А седая башка... Некоторые ее для этого перекисью травят.

Брат снова проводит рукой по волосам.

— Седая башка — фигня, — говорит он неожиданно трезво. Рука брата ложится на грудь, и он непонятно добавляет: — Я здесь седой, Леша.

Эпштейн мрачнеет.

— А с прибором что? — переводит он тему.

— Там остался, — устало отвечает Павел. — Кому он теперь нужен? Молодости он не подарит, а старость никому не нужна. Мы с Иванченко его так и оставили.

— Как «так»? Прямо там?

— Прямо там. Если его какая-нибудь местная зараза не разломает, так и будет стоять.

— Экспериментальный прибор? Настроенный и включенный? — Лешка поражен.

Павел кивает:

— Только кнопку нажать.

— Это даже не преступная халатность, это... — Эпштейн злится. — Ученые хреновы! Вы о последствиях подумали?

— Какие последствия? — отмахивается Павел. — Кто там эту аномалию разрядит? Какой-нибудь кабан мутировавший? Ну, постареет. Если поросенок — подрастет чуть-чуть. Если старый кабан — сдохнет. И хрен с ним. Подумаешь, кабан. Тут три человека умерли.

Эпштейн берет себя в руки и серьезно смотрит на Павла.

— Нет, Пашик. Не три, а два. Ты еще жив, зараза. И рано тебе сесть.

Павел отмахивается от Лешки, как от надоедливой мухи.

— Ты ученый, — твердо говорит Эпштейн. — Плохой, хороший, гениальный — не важно. Ученый. Отрицательный результат — это тоже результат.

Они говорят еще какое-то время. Говорят и пьют.

Ворожцов понимает, что Павла угнетает не седина, не смерть руководителя даже, а крах теории. Лешка настаивает, что это не крах. Все оступаются. В любой науке, в любой профессии, в любом деле.

И еще надо забрать прибор. Брат найти-то его сможет?

Сможет. У Павла в наладоннике весь маршрут со всеми метками. И теми, что им проводник-консультант понатыкал, и теми, что они сами оставили. Ребенок дойдет.

Удивительно, но в этот вечер Павел не допивает початую бутылку. Останавливается.

Приходит мама.

Вместе они пьют чай. Эпштейн весело рассказывает ей о своих последних поездках. Хотя сказать он хочет явно что-то другое. Мама вежливо слушает, хотя услышать ей надо совсем о другом. За чаем Павел начинает клевать носом. Засыпает сидя на кухонном диване.

Мама хочет разбудить, уложить в постель, но Лешка ее останавливает. Просит Ворожцова принести что-нибудь, чтоб укрыть Павла.

Ворожцов уходит в комнату и возвращается с пледом. Когда он возвращается, Эпштейн говорит с мамой. Теперь слова именно те, что нужно...

Ему сказать, а ей услышать.

— С ним все будет в порядке, — слышит Ворожцов. — Просто он очень крепко споткнулся. Потерял цель.

— И что делать?

— Ничего, — успокаивающе качает головой Лешка. — Подождать, пока найдет новую. Мы поговорили. Он найдет.

— Ой, Лешенька, — всхлипывает мама, — твоими бы устами...

— Это скоро закончится, — мягко, но уверенно говорит Эпштейн. — Я знаю. Проходил. На своем опыте. И не один раз...

...Рельсы уперлись в приоткрытые ворота.

Дошли.

Мысль эта вышла совсем не радостной. Просто отщелкнула в голове констатацией факта. Прошли еще кусочек пути. До цели осталось на кусочек меньше.

Ворожцов посторонился, пропуская вперед Тимура. Тот подобрался к воротам, уперся в створку. Надавил. Заскрипело. Воротина пошла в сторону, расширяя зазор. В глаза ударил яркий свет, заставляя зажмуриться.

Снаружи снова жарило солнце. Погода не постоянна. Все здесь непостоянно.

После темного ангара Ворожцов чувствовал себя как крот, которого вытащили из норы. Щурился, должно быть, так же. Наконец в слепящем мареве стали прорисовываться контуры пейзажа. Завораживающе, как на фотографии при проявке. Сам он никогда не видел этого процесса вживую, только однажды в каком-то старом кино...

Тяжело закашлялась Леся, и все вернулось на свои места.

Ворожцов проморгался и огляделся. Рельсы отбегали от ангара через поле, дальше виднелся перелесок. За перелеском в сторону от поля — обветшалые кровли мертвых домов. Нет, он не видел их, но знал, что они там есть. А в одном из них аномалия и настроенный на нее прибор, изобретенный его братом и покойным профессором совсем для других целей.

— Ну-ка подвинься, мелочь, — оттеснил Мазилу Тимур. — Гайки больше не нужны, теперь я впереди пойду.

— Смотри, осторожнее, — одернул Ворожцов.

Тимур не ответил, но посмотрел, как размазал.

Молча пошел вперед. Спина напряжена, обрез наготове. Нет, все же он не расслабился. Бойтся. Или опасается, что тоже неплохо.

Бояться не стыдно. Ворожцов понял это только сейчас. А вот не бояться — глупо. Бравата, отсутствие осторожности, переоценка собственной значимости, своих сил никому ничего никогда не дает. Кроме неприятностей. А здесь от неприятностей один шаг до беды.

Ворожцов побрел следом, за спиной тихо ступала Леся. Последним спотыкался о шпалы Мазила. Часто и шумно, привлекая к себе ненужное внимание.

От мысли о чужом внимании между лопаток зачесалось, словно туда уткнулся чей-то взгляд. Ворожцов переборол желание остановиться и обернуться. Пальцы потянули из кармана наладонник. Осторожно, так чтоб другие не заметили его страха.

Не сбавляя шага, он украдкой глянул на экран и расслабился. Сканер не показывал ничего лишнего. Совсем. Даже застывший на краю видимости зверь выпал из поля зрения, остался позади. В прошлом.

Если только сканер не глючит.

Ворожцов с разгону впечатался в спину остановившегося Тимура. Тот подпрыгнул, как на иголках. Обернулся. Лицо на мгновение перекосило с перепугу, но уже через секунду место страха заняла злость. Взгляд сделался колючим.

— Сдурел? Чего под ноги не смотришь?

— Извини, — опешил Ворожцов. — А ты чего тормозишь так резко?

— Я не резко. Если тебе резко, так дистанцию держи.

— Чего у вас там? — позвал сзади Мазила.

Тимур покосился на него, отступил, показывая «чего там». Но не мелкому, а Ворожцову.

— Смотри.

Подчиняясь рефлексу, Ворожцов хотел было наклониться, разглядеть, что там на дороге, повнимательнее. Так и замер.

Впереди были все те же рельсы, шпалы, пробивающаяся между ними трава. Только поперек правого рельса пролегли четыре глубокие борозды, практически разрубив его на части. Словно огромное животное яростно ударило когтистой лапой. Только какие должны быть когти, чтобы...

— Жуть какая! — шмыгнула носом подошедшая Леся. — Это чем?

— Автогеном, — пробормотал Ворожцов, пытаясь придумать логичное объяснение.

— Лобзиком, — одновременно с ним брякнул Мазила.

На мелкого обернулись все трое, не сговариваясь.

— Да ладно вам, — улыбнулся тот. — И пошутить нельзя, что ли?

— Дошутишься, — сквозь зубы процедил Тимур.

— А без шуток здесь спятить можно, — сказал Мазила.

На роже все еще оставалась дурацкая улыбка, но голос его прозвучал как-то удивительно серьезно. Настолько, что снова захотелось поежиться.

— Сканер молчит, — поделился наблюдением Ворожцов. — Нет здесь никого. Ни с лобзиком, ни с автогеном. Если и был, то нашинковал рельсы и ушел. Пойдем, чего стоять?

Тимур кивнул. Рваный рельс обогнул по дуге. Шел теперь настороженно, маленькими шагами, тщательно взвешивая, куда поставить ногу.

Ворожцов сосредоточился. На ПДА без надобности не глядел, по сторонам не пялился, стараясь ступать след в след.

А может, они с Тимуром в самом деле перестраховываются? Ищут опасности там, где их нет. И прав Мазила: веселее надо. Хотя... нет, не прав. Сергуня вон веселился. И где теперь Сергуня? С другой стороны, Наташа тряслась со страху, а конец тот же.

Нет, здесь надо как-то иначе. Без лишней бравады, без лишней паники. Трезво, холодно смотреть на все. Надо... А как? Для трезвости не хватает сил. Страшно. И тут либо шарахаться от каждого куста, либо отшучиваться, высмеивая все вокруг.

Выходит, Мазила-то не дурак. Просто в меру сил пытается над смертью посмеяться. Только получается настолько скверно, что сразу и не сообразишь, но...

Тимур повернул в сторону, сошел с рельсов и побрел через заросшее бурьяном поле. Ворожцов поглядел вперед. Трава, кусты, остов какой-то древней машины. Именно на этот остов Тимур и взял курс через поле.

— Стой, — резко одернул Ворожцов.

Тимур по инерции сделал последний шаг и замер. Обернулся. На Ворожцова глядел напряженно, ожидая худшего. Тем более что тот все еще шел с наладонником в руке.

— Чего опять? — спросил осторожно.

— Ты через поле хочешь?

— А как еще? — не понял Тимур.

— По кромке леса, — кивнул Ворожцов.

Тимур прикинул путь.

— Через поле короче, — подал голос Мазила.

— Короче — не значит быстрее, — не согласилась Леся.

Ворожцов переглянулся с Тимуром. Пояснил на всякий случай:

— На открытом пространстве мы легкая мишень, если что. Опасно.

— А по кустам топать безопасно? — вопрос прозвучал спокойно. Тимур не провоцировал, не хотел уязвить. Скорее советовался.

А он изменился. Всего три дня, а ведет себя иначе. Да все они, если разобраться, изменились.

Ворожцов так и не ответил. Тимур мотнул головой вперед на ржавый остов.

— Давай так: вон до той колымаги дойдем, тут недалеко. А там посмотрим, что дальше делать. Если что не так, сразу отступаем. Если все в порядке, намечаем новую точку и двигаемся дальше.

Ворожцов только кивнул. Не иначе кто-то где-то сдох, что Тимур вдруг советоваться начал.

— Все согласны? — повернулся к остальным Тимур.

— Согласен, — отозвался Мазила. — Только с одним не согласен. Это не колымага, это экскаватор. Старый, правда, но вещь. У меня дедушка на таком работал.

— Мелкий внук большого комбайнера, — припечатал Тимур. — Идем. Про дедушку возле трактора расскажешь.

Мазила насупился, замолчал. Тимур посмотрел на него с издевкой.

— Чего надулся? Тебе ж без шуток скучно было.

— Иди ты, — огрызнулся тот.

Впрочем, Тимур и без особого приглашения уже шел. Но явно не в том направлении, которое хотел указать обиженный мелкий. Ворожцов увязался следом. Оглянулся через плечо. Сзади уже шагала Леся. Оставшийся в арьбергарде Мазила замкнул цепочку.

Под ногами шелестела трава. Довольно высокая, что тоже напрягало. Кто знает, что там в этой траве? С другой стороны, если Тимур наступил и с ним ничего не произошло, значит, и с другими ничего не будет. Во всяком случае, если идти след в след.

Ворожцов так и шел, благо скорость позволяла повторить каждый маневр Тимура. Экскаватор приближался неторопливо, плавно, но уверенно. Уже скоро стали различимы детали ржавого, облупившегося корпуса: проеденные ржой дыры в борту, порыжевшие и потерявшие форму заклепки и болты, выбитое стекло, частично осыпавшееся внутрь кабины.

Ворожцов особенно на экскаватор не заглядывался, старался смотреть больше под ноги. На груды металлолома он еще успеет поглазеть.

Тимур обогнул кусты, вышел к экскаватору и остановился. Выдохнул с облегчением. К попутчикам повернулся довольный.

— Ну вот, — сказал натянуто бодро. — И ничего ужасного. Идем дальше?

— Передохнем, — не согласился Ворожцов и присел на траву.

Тимур хоть и старался держаться бодрее, а рюкзак все же скинул, хотя садиться не стал. Зато села Леся. Она совсем расслабилась. Донимал кашель, который девчонка старательно давила.

Ворожцов искал взглядом третьего.

Мазила забыл про обидки и крутился возле ржавого экскаватора. Оглаживал прогнутые бока, все примеривался к машине, но что-то останавливало.

В конце концов здоровое любопытство победило. Отмахнувшись от запретов, мелкий полез в кабину.

Ржавое железо задребезжало под его ботинками, но не проломилось.

Добравшись доверху, Мазила распахнул дверцу, смахнул с ободранного сиденья осколки стекла и вскарабкался внутрь.

— Ух, ты! — послышалось оттуда. — Классно.

— Чем бы дитя ни тешилось, — недовольно проворчал Тимур, — лишь бы мозоли не натерло.

— Про дите... в оригинале немного иначе было, — поправил Ворожцов.

— Зануда, — отмахнулся Тимур. — Что за манера вечно гундосить?

— Не гундосить, а размышлять.

— Мыслитель. О чем тут думать?

— Например, об этом, — кивнул Ворожцов на то место, где сидела Леся.

Тимур поглядел на девчонку и заметно напрягся. Ворожцов прекрасно понял, о чем тот подумал, даже хотел потянуть момент непонимания, но не решился.

— На землю посмотри, — пояснил он.

Тимур послушно поглядел, куда велели, и оторопел. Дерн в том месте был содран, земля слегка взрыта. Будто кто-то только сегодня запустил экскаватор, но передумал работать и ушел курить или обедать, бросив технику.

Возможно, так оно и было, но не сегодня, а много лет назад.

— И что? — спросил Тимур. — Когда-то же он работал. Не просто ж так он здесь стоит?

— Если б это было когда-то, все бы давно травой поросло, — подхватила Леся, задумчиво глядя под ноги. — А тут земля свежая.

Мазила снова высунулся из кабины и опасно завис, глядя сверху вниз.

— Эх, жаль, бензина нет, — поделился он проблемой. — А то бы прокатились.

— Где ты тут кататься собрался?

— Да хоть через поле, — откликнулся мелкий.

Нет, все-таки он не наигрался. Детский сад.

— Вылезай, — позвал Ворожцов. — Идти надо.

Мазила вздохнул и нехотя полез из кабины. А возле него...

Ворожцов с ужасом понял, что снова видит плавающий воздух, снова понимает неизбежность происходящего и снова не успевает...

— Замри! — заорал он, вскакивая.

Тимур подпрыгнул на месте. Мазила застыл как громом пораженный. Рядом с ним дрожал и плавился воздух, будто под ржавым железом все еще работал двигатель.

— Ты чё... — начал было Тимур, но замолчал на полуслове.

Мотор взрыкнул. Глухо, трескуче. Экскаватор ожил.

Ковш резко взметнулся вверх. Кабина дрогнула и с ржавым скрипом повернулась в сторону. Это произошло настолько быстро и неожиданно, что Мазила не удержал равновесия и полетел вниз.

Но прежде чем он упал, машина опять скрипнула, и громада ковша полетела вниз, туда, где на взрыхленной земле сидела Леся.

Шлепнулся и вскрикнул Мазила...

Побледнел как простыня Тимур...

Взвизгнула, закрыв глаза ладонями, Леся...

Ворожцов метнулся вперед, на помощь. Тут же отшатнулся, понимая, что против ковша, как против лома — приемов не существует...

Все это произошло за секунду. Кратчайшую и такую бесконечно долгую.

Лязгнуло. Машина снова замерла и заглохла. Ковш застыл сантиметрах в десяти над головой Леси.

Ворожцов бессильно опустил на траву. Леся осторожно убрала руки от лица и медленно подняла глаза вверх.

А Тимур застыл на месте. Он только махал рукой в сторону и бессмысленно повторял:

— У... у... у...

— Господи, — прокряхтел ошалелый Мазила, поднимаясь на ноги.

— Уходи, — в очередной раз махнул рукой Тимур и шагнул к Лесе. Но девчонка и сама сообразила. Не поднимаясь на ноги, отползла из-под ковша, подтянула рюкзачок.

Там ее встретил Тимур, схватил за плечи, оттащил в сторону. Его руки забегали по ее бокам, рукам, плечам, ногам, хватая то тут, то там, словно пытаясь удостовериться, что ничего не сломалось, что она цела и невредима.

Ворожцов почувствовал приступ дурноты, в глазах потемнело. Тело охватила слабость. Последний раз такое было с ним в детстве. Ему было лет восемь, он жутко перепугался. Ощущения были похожими, а потом он просто потерял сознание, напугав бабушку и Павла.

Только этого сейчас не хватало.

Он закрыл глаза, схватился руками за голову, стараясь удержать ускользающее сознание. Когда отнял руки от лица, Тимур уже был далеко от Леси. Зато близко к Мазиле.

— Мелкий, ты охренел?

— Это не я! — Мазила выставил вперед руки и замотал головой. — Я не трогал ничего!

— Не трогал? Ты же сказал, что там бензина нет.

Тимур медленно подошел ближе, остановился, навис угрожающе и выбросил вперед руку, норовя схватить мелкого за грудки. Мазила отскочил в сторону. Пальцы стиснули воздух. Тимур застыл, как статуя. Только глаза недобро сверкали, и желваки ходили туда-сюда.

— Его там и нет, — жалобно проговорил Мазила. — Я, когда забирался, дырку в бензобаке видел.

— А это тогда что было? А?

Тимур сделал неопределенный жест рукой и снова кинулся к мелкому. Ворожцов выскочил между ними в последний момент. Тимур остановился, чуть не врезавшись в него. Поглядел непонимающе.

— Чего? Ща и тебе по лбу закатаю, — пообещал яростно.

— Он здесь ни при чем, — как мог мягко сказал Ворожцов. — Он не виноват, Тимур. Ты забыл, где мы находимся?

Тимур покачивался из стороны в сторону, сопел зло, но остывал потихоньку, это было видно.

— И что это тогда?

— Сейчас.

Ворожцов запустил руку в карман. Его тоже потряхивало от выплеска адреналина. Пальцы слушались плохо, и он едва не выронил наладонник.

— Думаешь, аномалия? — спросил Тимур уже спокойнее.

— Там воздух дрожал, — ответил Ворожцов, включая ПДА.

Экран осветился. Карта загрузилась мгновенно. Появились маршрутные метки, данные по радиации, а точнее, ее отсутствию, возникли четыре метки по центру экрана. Сканер нашел хозяина и его друзей. И все.

— Шарманка сдохла?

— Да нет вроде, — покачал головой Ворожцов, хотя не мог поручиться на сто процентов, что прибор работает как надо. — Выходит, это не аномалия.

— Тогда что? — резонно спросил Тимур.

— Я про такое слышал, — с опаской подошел Мазила. — Сталкеры рассказывают, что в некоторых тоннелях и зданиях свет горит.

— Тоже мне невидаль, — окрысился Тимур. — Ты, мелочь, молчи лучше.

— Не так горит, как обычно. Там провода оборваны, генераторы сдохли давно, а он как-то работает. Понимаете?

— Лампочки без электричества, тракторы без бензина... бред какой-то.

— Не бред! — осенило Ворожцова.

Тимур посмотрел на него, словно ждал объяснений. Ворожцов и хотел бы объяснить, но пугать и без того перепуганных Лесю с Мазилой не собирался. Тем более договорились ведь: никому ни слова.

— Everybody do it, everybody move it, — фальшиво напел он и с надеждой поглядел на Тимура.

Тот сообразил. Кивнул, посерьезнев. Мазила непонимающе крутил башкой, глядя то на Ворожцова, то на Тимура, силясь осмыслить, что все это значит.

— Ты чего это? — решился спросить он у Ворожцова.

— Ничего.

Мазила не поверил, снова открыл было рот. Но тут очень вовремя вклинился Тимур. Хлопнул по плечу.

— Мелкий, извини. Я малость погорячился.

— Я понимаю, — чуть смущенно ответил тот.

— Вот и славно, — улыбнулся Тимур. — Тогда пойдем дальше.

Правильно. Надо идти. Не надо здесь останавливаться. Нигде. До цели всего ничего. Надо двигаться.

Надо...

Ворожцов обернулся. Возле брошенных вещей на рюкзачке сидела Леся.

Сидела, подобрал ноги, обхватив руками колени.

Сидела без единого движения. И по щекам ее тихо бежали слезы. Настоящие, молчаливые, без завываний. Ни для кого.

«Пробрало», — почему-то отстраненно подумалось Ворожцову. Может быть, это включился холодный расчет, так необходимый для выживания? А может, просто перегорели все эмоции.

— Так, — донесся из-за плеча упавший голос Тимура, — не идем дальше.

Глава десятая. Минус три

Тимур не умел правильно успокаивать плачущих женщин.

Его предки ссорились редко, но пару раз после очередных споров о будущем сына мать все же ревела. Отец быстрыми шагами выходил с кухни и утыкался в телик, а Тимур с оттенком вины подходил к матери и неуклюже ее обнимал.

Он понимал, что не виноват, но женские слезы раздражали. Становилось неудобно, хотелось, чтобы они поскорее исчезли. И это раздражало еще сильнее...

Тимур кособоко обнимал Лесю и похлопывал ее по спине. То, что девчонка прижимается к нему, не приводило в восторг, хотя он так часто мечтал об этом.

Леся вздрагивала, безмолвно роняла слезы ему на шею. Тимур казался, что слезы всегда горячие, но эти были холодными.

Он продолжал автоматически похлопывать Лесю и не знал, о чем говорить. Совершенно.

Мазила обошел экскаватор по широкой дуге, подобрал возле гусеницы палку и принялся с опаской тыкать ею в замерший ковш. Ближе, правда, уже не лез.

Ворожцов тихо стоял в стороне, глядел исподлобья. Пусть глядит. Главное, чтобы сейчас не вмешивался: и так тошно, не хватает только щенячьей ревности для полного счастья.

— Я думала, все, — прошептала наконец Леся, шмыгнув носом.

— Ну ладно, ну хватит, — машинально подхватил Тимур. Не в тему, но нужно было ответить хоть что-то. — Уже все прошло.

— Ничего не прошло, — помотала головой Леся. — Это никогда теперь не пройдет.

— Пройдет, — упрямо повторил Тимур, не находя аргументов от безысходности. — Мы почти добрались до прибора.

— И что?

Леся слегка отстранилась от него. В ее влажных глазах отражался темный силуэт проклятого экскаватора. Простой, казалось бы, вопрос окончательно загнал Тимура в тупик.

— Надо успокоиться, — тупо сказал он. — Нам всем надо успокоиться.

— Чтобы спокойно умереть? — криво улыбнулась Леся и закашлялась.

В этот момент, простывшая, растрепанная, заплаканная, она совсем не была похожа на ту одноклассницу, с которой Тимур так хотел встречаться. На какой-то миг она показалась ему далекой и чужой. Холодные слезы оставили неприятный след не только на шее, но и где-то глубже...

— Нет. Чтобы выжить, — раздался за спиной голос Ворожцова.

Не вытерпела кишка. Влез со своими нравами.

Тимур отпустил Лесю и повернулся, чтобы осадить ботана, но тот его опередил:

— Чем дальше мы уходим от реки, тем опаснее становится окружающий мир. Нельзя расслабляться.

— Я уже в порядке, — всхлипнула Леся, поднимая с травы смятый рюкзачок и приглаживая волосы. — Я правда в порядке, ребят. Сейчас пойдем.

Тимур чувствовал, как колотится сердце. Вроде бы уже нечего бояться, а оно заходится в бешеном ритме, словно после кросса. Хотелось оказаться подальше отсюда. Не видеть больше заплаканную Лесю, идиотские рожи Ворожцова и Мазилы...

Он закрыл глаза и несколько раз прерывисто вздохнул. Слегка отпустило.

Нужно было двигаться дальше.

Скоро начнет темнеть, а пускать прибор ночью себе дороже: мало ли какое зверье может набежать на излучение или что там у него? Вообще за последние сутки Тимур все больше думал не о чертовом аппарате, ради которого они поперлись в Зону, а о том, как вернуться домой. Плевать, что там ждет нагоняй от предков, объяснения с родителями погибших Сергуни и Казарезовой, а то и поход к следователю. Пусть хоть в тюрьму волокут... Плевать. Здесь, в этом тихом аду, гораздо страшнее, чем в любой клетке.

Здесь свободно, и эта коварная свобода подкупает. Иди куда хочешь. Если сумеешь, конечно.

— Ты действительно можешь идти? — спросил Тимур у Леси. — Или все-таки передохнем?

— Не здесь. — Она поежилась и рефлекторно отступила еще дальше от ковша. — Доберемся до места, там и сделаем привал.

— Хорошо, — кивнул Тимур. Обернулся: — Мелкий, хватит там шастать, а то опять чего-нибудь включишь.

— Да не я это! — вскинулся Мазила. — Чего опять прикопался?

— Не ты, не ты, — примирительно махнул рукой Тимур. — Только держись подальше от тяжелой техники. Пошли.

Он закинул за спину рюкзак, взял обрез и повернулся в сторону невидимой еще отсюда деревни. После того, как они на шумели с экскаватором, таиться и красться вдоль перелеска не имело смысла.

— Напрямки, через поле, — показал Тимур Ворожцову. — Заводи шарманку.

Тот молча показал, что наладонник и так включен, зашагал по траве. Тимур пошел рядом, внимательно глядя под ноги и по сторонам. Иногда он оборачивался, чтобы проверить, не отстают ли мелкий с Лесей.

— Повезло, — через минуту обронил Ворожцов, не сбавляя темпа.

— Да, — согласился Тимур. — Думаешь, та же фигня, что с игрушками?

— Скорее всего. Только энергии тут нужно было намного больше.

— Знаешь, на что похоже? На невесомость.

Ворожцов не ответил. Крепко задумался. Тимур все же удалось загнать умника в тупик. Интересно, как выкрутится?

— Имеешь в виду какие-то аномалии с гравитацией? — высказался наконец Ворожцов.

— Не-а. — По лицу невольно скользнула победная улыбка. Тимур объяснил: — Физика. В невесомости тебе не важно, что поднимать: фантик или «БелАЗ». И то, и другое практически ничего не весит. Так и здесь. Тому, что заставляет оживать приборы и механизмы, по барабану, сколько энергии на это тратить. Для него это пшик.

Продолжая шагать, Ворожцов посмотрел на Тимура каким-то новым взглядом. Уважительно и слегка обескураженно.

— Что? — не выдержал Тимур, усмехнувшись. — Срезал я тебя?

— Срезал, — признал тот. — Действительно, интересная гипотеза. Брат бы обязательно развил эту мысль и по полочкам разложил.

— Да уж, разложил, — перестал улыбаться Тимур, непроизвольно всматриваясь в просветы между деревьями. Они взошли на невысокий холм, и за перелеском вот-вот должны были показаться ветхие крыши домов. — Как бы нам по кусочкам не пришлось собирать то, что эти твои ботаники там разложили.

— Прибор цел, — возразил Ворожцов, опять утыкаясь в экран ПДА. — Жалко только, что маячка в нем нет. Придется поискать.

— Во-во, — хмуро откликнулся Тимур. — Могли бы точную метку поставить, а не просто место обозначить. Ладно, найдем.

Наладонник в руках у Ворожцова глухо пиликнул и завибрировал.

— Погоди-ка, не беги. — Он обошел вросшее в землю бетонное кольцо и притормозил. — Детектор показывает впереди что-то...

— Что? — не понял Тимур, останавливаясь и пытаясь разглядеть между деревьями хоть что-нибудь необычное.

— Странная какая-то, — пробормотал Ворожцов. — Аномалия, не аномалия...

— Ты не бубни, — сердито сказал Тимур, притормаживая рукой Лесю и мелкого. — Определись уже: аномалия или нет.

— Да вот я и не пойму, — протянул Ворожцов. — Только что ничего не было, а теперь метка светится.

— Оп, — насторожился Мазила. — Может, опять зверь?

— Нет, — покачал головой Ворожцов. — На зверей сканер настроен. А эта штука на детекторе видна.

— А! — догадался мелкий и сам же прикрыл рукой рот. Продолжил на тон тише: — Значит, она только что появилась. Ведь они не вечно живут на одном месте. Я читал на сталкерских форумах, что аномалии появляются и через какое-то время исчезают.

— Просто так вот взяла и появилась? — засомневался Тимур, выискивая глазами дрожащее марево, но так его и не замечая. — Странно.

— Ну и пусть, — пожал плечами Мазила, звякнув гайками в кулаке. — Обойдем, и все. Делов-то.

— Мелкий, у тебя каждый раз «делов-то», — одернул его Тимур. — Вот начнем мы эту дрянь обходить, а под нами еще одна вырастет...

— Тогда надо было вообще дома сидеть, — фыркнул Мазила. — Там точно ничего не вырастет.

— Надо было, — серьезно сказала Леся, вытирая нос платком. — Давайте вон с той стороны обогнем.

— Почему там?

— Там травы почти нет.

— Раз травы нет, значит, ее могло что-то убить, — резонно заметил Ворожцов.

— Зато видно, куда наступаешь — не то что в этом огороде, — машинально вступился за предложение Леси Тимур. — Ты посмотри, что там твоя шарманка показывает.

— Вроде чисто, — нехотя ответил Ворожцов.

— Вот и нечего страху нагонять лишний раз, — отрезал Тимур и перехватил обрез. — Пойдем.

— Стоять! — скомандовал Ворожцов.

Тимур вернул на место уже занесенную ногу. Медленно повернулся. Недовольно выцедил:

— Теперь что?

— Пропала. — Ворожцов непонимающе тряхнул наладонник. — Только что была и...

— А это? — ткнул Тимур пальцем в светлую точку на масштабной сетке в окошке детектора. — Скоро совсем ослепнешь. — Он вдруг понял, что мог с ходу ошибиться, и уже не так напористо уточнил: — Или это... другая?

Ворожцов обалдело посмотрел на метку, моргнул и покачал головой. Тихо выдавил:

— Та же. Но она переместилась.

— Как это? — изумилась Леся. — Аномалии же вроде не двигаются.

— Блуждающая, — с видом знатока определил Мазила, заглядывая в экран через плечо Ворожцова. — Говорят, такие встречаются. Редко-редко, но бывает.

— И куда они... блуждают? — спросил Тимур.

— Да кто ж их знает, — хмыкнул мелкий. — Туда-сюда, наверное.

— Приехали, — сказал Ворожцов и, сморщившись, поправил повязку на руке. — Теперь надо следить за траекторией, пока не поймем, куда она движется.

— До завтра будем следить? — язвительно уточнил Тимур.

— А что ты предлагаешь? — устало проговорил Ворожцов. — Наугад топать?

На это возразить было нечего. Вред от хождения наугад стал очевиден уже после смерти Сергуни. Тимур стиснул зубы и поморгал, отгоняя страшные воспоминания... Наугад тут не походишь.

— Ладно, следи, — кивнул он. — А я пока гляну: может, вон там, у берез, пройти получится. Туда эта штуковина вроде не собирается в ближайшие минут пять?

— Вроде не собирается.

— Вот и чудно. Если там трясины нет и можно пробраться, позову.

Тимур пошел через луг к корявым березам, торчавшим правее голой поляны, через которую предлагала идти Леся. Если там нет болота, можно будет обойти, а не ждать, пока умник вычислит траекторию этой бродячей фиговины. Ну да, сделают крюк небольшой. Ну и ничего, не развалятся.

Здесь прямых путей вообще мало.

— Подожди, я с тобой! — окликнул его Мазила.

— Сам справлюсь, — бросил Тимур через плечо.

— Нельзя тут по одному ходить, — настырно сказал мелкий. Догнал и пристроился рядом.

Тимур не ответил. Но и отправлять его обратно не стал. После встречи с ребенком под насыпью оставаться одному даже на минуту было неохота. Бросать Лесю наедине с Ворожцовым тоже не хотелось, но ничего страшного. Ненадолго же.

— А ведь бензина-то в экскаваторе реально не было. — Эта мысль, видимо, до сих пор не давала Мазиле покоя. — И аномалий рядом не было. Я вот думаю, что тут дело не только в аномалиях...

— Да, мелкий, тут еще полтергейст с барабашкой шалят, — брякнул Тимур. И тут же сам пожалел.

Мелкий округлил глаза и развернул лопухую башку.

— Не-е-е, — на полном серьезе заявил он через некоторое время, продолжая осоловело глядеть на Тимура и топтать вслепую, — барабашка только в доме может жить. А вот полтергейст — запросто. Сталкеры говорят...

— Как ты задолбал со своими сталкерами! — не выдержал Тимур, тоже поворачивая к нему голову. — Вот реально, мелкий, задрал уже!

— Ну и что, — надулся Мазила, отворачиваясь. — Зато я побольше вас знаю о том, что вокруг творится.

— Seriously? — прищурился Тимур. И цинично ввинтил: — Чего ж тогда Сергуню не спас, знаток?

Мазила остановился и стиснул зубы. Тимур продолжал идти.

— Знаешь что, — ударил тихий шепот ему в спину, — ты тоже задрал.

— Ой-ой, — усмехнулся Тимур. — Обидели мелкого, в норку написали.

— И все извинения твои — брехня! — надрывно крикнул Мазила. — Иди ты... через свои березы!

Сзади раздался шелест. Тимур со вздохом остановился и обернулся.

Мелкий, остервенело раздвигая стебли, ломился через высокую траву. Не простым путем, каким они шли только что, а по густым колючим зарослям, собирая на штаны репья.

Назло ведь прет. И смех, и грех...

— Эй, — позвал Тимур, невольно узнавая в настырной поступи Мазилы себя самого. — Куда идешь-качаешься, бычок?

— Хватит уже над людьми издеваться, — зло отозвался мелкий, не сбавляя шага. — На себя посмотри.

— Ты мне поговори еще, мелочь... — начал Тимур.

— Да какая я тебе мелочь? — обидно и без тени страха в голосе рассмеялся Мазила. — Я ж тебя на полголовы выше!

Вот те на! А мелкий-то всерьез бунтует.

— Куда он идет? — донесся далекий крик Ворожцова. — Тимур! Ты куда его отпустил?

— Отпустил я его, — проворчал Тимур, неохотно сворачивая в колючие заросли. — Этого бычка попробуй удержи...

— Стой! — снова проорал Ворожцов. — Стойте оба!

— Слышишь, что тебе говорят? А ну тормози! — с нарастающим беспокойством велел Тимур.

— Пошли вы все... — обронил Мазила и скрылся за толстой ивой.

Тимур уже почти бежал за ним. Мелкий на нервах ни шиша не соображает и может попасть в беду. Нужно догнать, остановить, а потом уже разбираться, кто прав, а кто виноват.

— Стоять, дурак! — гаркнул он. — Там же эта... бродячая!

Тимур обошел толстенный ствол с морщинистой корой и притормозил в нерешительности.

Мелкий шуршал где-то рядом, но полностью его фигуру видно не было. Только мельтешила камуфляжная куртка в плотном кустарнике. Он что, решил в самую гущу забраться? Балбес!

— Да подожди ты! — дрогнувшим голосом позвал Тимур. — Мазила!

Мелкий не откликнулся. Спина его в последний раз мелькнула в зарослях и пропала. Тимур, отодвигая обрезом кусты, бросился следом. Позади уже слышались шаги Ворожцова...

Гибкие тонкие ветки хлестали по лицу, за шиворот с них капала вода. Ива плакала...

Тимура охватил страх.

С одной стороны, он до дрожи боялся с разгону влететь в эту блуждающую аномалию, которая теперь вообще хрен знает где притаилась! А с другой... Тимура гнал вперед дикий страх потери. Мазила, конечно, идиот малолетний, но бросать его в таком состоянии нельзя! Сдохнет ведь!

Зона будто бы осознанно играла на чувстве долга и взаимовыручки: утягивала его все глубже и глубже за так некстати взбрыкнувшим мелким. И Тимур краем сознания даже понимал все это...

Под ногами захлюпало. Кусты расступились. Тимур с лету чуть не врезался в железную стену. Отшатнулся.

Перед ним стояла кособокая трансформаторная будка. Провода оборванными космами свисали с фарфоровых изоляторов, но Тимур все же отступил на пару шагов. Тут экскаваторы выключенные ковшами размахивают! Так что рваные провода запросто могут оказаться под напряжением. Или тоже... оживут да придушат. Лучше на всякий случай держаться подальше от любых подозрительных штуквин.

Мелкого он заметил не сразу.

Тот стоял возле угла будки и, согнувшись, ловил пальцами развязавшийся шнурок. На куртке и штанах серела россыпь мохнатых репьев и колючек поменьше. Шея покраснелась от быстрой ходьбы.

Тимур подошел поближе и устало облокотился на ствол дерева. Опустил дробовик стволом вниз.

— И что ты тут кому доказываешь? — спросил он.

— На себя посмотри, — упорно повторил Мазила, ловя наконец пальцами кончики шнурков. — Всем уже надоел.

— Мелкий, ты бы язык прикусил. — Тимур еле сдержался, чтобы не нахамить в ответ. Отголосок страха все еще дрожал внутри. — Ведешь себя как маленький.

— Ты больно большой, — сопя и завязывая тугой бантик, ответил Мазила. От положения «вниз башкой» к лицу его прилила кровь, оно стало пунцовым. — Перед Лесей выпендриваешься, а на других пофиг. Раскомандовался...

— Что, хочешь главным быть? — прищурился Тимур. — А хотелки-то хватит?

— А чего? — Мазила закончил со шнурками, опустил штанину и выпрямился. Вишневый цвет с его физиономии сошел, но румянец на щеках остался. — Чем ты лучше всех, а? Тем, что сам решил покомандовать? Вон Ворожцов тоже может не хуже тебя... И я смогу, если надо!

Сзади, из перелеска, донесся хруст веток и голос Ворожцова. Тот кричал что-то, но слов было не разобрать.

— Ты серьезно, что ль, мелкий? — обалдел Тимур.

— Я не мелкий. — В глазах Мазила вспыхнул недобрый огонек. Тимур сроду не замечал за ним такого взгляда. — Не называй меня так больше. Понял?

Тимур промолчал, ошалело глядя на Мазила и не узнавая его. Если бы он встретил такого пацана на улице, никогда бы не подумал, что тот младше на класс. Голова агрессивно наклонена вперед, взгляд колючий, исподлобья, вена на лбу вздута...

Сзади снова раздался шум, уже ближе.

Так и не дождавшись от Тимура ответа, Мазила повернулся вправо и собрался пойти дальше, за угол трансформаторной будки, но вдруг замер. Словно его в одно мгновение

сковал невообразимый холод. Казалось, вот-вот раздастся хруст, и его тело развалится на ледяные куски.

Очень-очень медленно Мазила поднял голову и резко, со свистом втянул ртом воздух, будто его не хватало. Грудь под курткой раздулась.

— Ты чего? — испуганно спросил Тимур, глядя, как покрасневшая рожа мелкого стремительно бледнеет. — Мелки... Мазила, чего там такое?

Мелкий не отреагировал. Вообще никак. Даже не моргнул. Он до белизны на костяшках стиснул задрожавшие кулаки и шагнул вперед. Затем еще раз. Движения были ломаные, как у дешевой марионетки.

— Э! — ринулся вслед Тимур. — А ну стой...

Он схватил Мазилу за шиворот, но почувствовал, как тот увлекает его за собой: не обращая внимания на сопротивление, мощно, неумолимо... Равнодушно?

Мелкий был и впрямь чудовищно силен.

Тимур по инерции просеменил за ним еще несколько шагов, заворачивая за угол, и подался вперед, чтобы не упасть. Пальцы соскользнули с воротника, а мелкий неожиданно остановился, встал вполоборота к Тимуру и крепко взялся за цевье обреза.

— Сдурел? — прошептал Тимур, пробуя оттянуть на себя ружье. Бесполезно. Страх вспыхнул внутри с новой силой. — Мазила, что с тобой?

В остановившихся глазах мелкого больше не было ни злобы, ни обиды, ни бунтарского задора... В них замерла боль. Дикая, нечеловеческая, всепоглощающая боль.

А еще в глубине расширенных зрачков застыл немой крик.

Тимур, отмечая периферийным зрением, как из кустов выскакивает растрепанный Ворожцов, медленно отвел взгляд от перекошенного лица Мазилы и посмотрел левее. В сторону уже различимых в дымке ветхих домов деревеньки. Туда, где было что-то, напугавшее мелкого до смерти...

Оно было гораздо ближе, чем он ожидал. Висело метрах в пяти или шести.

То, что увидел Тимур, не было похоже на аномалию. Не плавился воздух, не кружились жухлые листья, не парили в обворожительном танце искорки или огоньки. Там просто плавно летело нечто. На грани природного явления и живой сущности. Без четких контуров, без сгустков или уплотнений, с единственной бритвенно-тонкой линией, будто бы расколовшей пространство позади себя напополам.

Тимур почувствовал, как рука дернулась: от зверского рывка Мазилы его запястье чуть не разлетелось в разные стороны, как игральные кости при ударе о стол. Но боли почему-то не было...

Пальцы, только что сжимавшие рукоять обреза, схватили воздух...

А потом небо рухнуло.

Облака рваными клочьями упали вниз и в беспорядке застыли над деревней. Крупные сизые хлопья густо посыпались сверху, застилая все вокруг. Пепельная мгла опустилась на мир, стирая цвета и смазывая контуры. Боковая кромка трансформаторной будки поплыла мелкой рябью.

Стужа сковала мышцы, в голове гулко завибрировало.

Мазилы больше рядом не было.

— Тимур!

Бессмысленный крик Ворожцова остановился где-то далеко, на грани восприятия. Пустое, хрустально-прозрачное эхо.

Зато в сознание втекли отражения чужих мыслей — несвязные, пугающие, тысячекратно дробящиеся. Пробирающий до костей мороз остановил сердце, превратил кровь в сосудах в нити льда. В кончиках пальцев возникло покалывание, возле губ зависло белесое облачко пара.

Тихо. Сумрачно.

Мертво.

Только неторопливо падает темно-пепельный снег. А страх уступает место другому чувству: незнакомому, похожему на легкость сна, сумевшую каким-то образом просочиться в явь.

Только... эта легкость обманчива.

Там, за сизой пеленой кружащихся хлопьев, кроется боль...

...боль пришла не сразу.

Сначала Тимур почувствовал, как его дернули назад. Падение, удар головой. Перед глазами вспыхнула радужная россыпь искр, к горлу подступила тошнота.

А вот потом пришла боль.

Одновременно в едва не разорванное рывком Мазилы запястье и в затылок, которым он приложился о фундамент будки. Лучше бы он потерял сознание, чем терпеть эту прострелившую с двух сторон боль...

— Айа-а... — застонал Тимур, сжимая кулак и энергично растирая руку. — Мелкий, что за...

— Не рыпайся, — втек в ухо страшный шепот Ворожцова. — Назад.

— Там мелкий... — Тимур хотел было встать, преодолевая гул в башке, но Ворожцов мертвой хваткой взял его за шею сзади, давя на кадык. — Тхи-и-и...

Хватка ослабла.

— Ты чего творишь, гад? — выплюнул Тимур, ворочаясь спиной на собственном рюкзаке. — Там мелк...

Грохот выстрела разорвал пространство, сметая окружающие звуки куда-то в сторону. Сердце пропустило удар. В короткий миг Тимур осознал, что обреза у него в руке нет, а значит, ему не привиделось, и мелкий его все-таки вырвал, а значит...

— Пусти! — рыкнул он, вырываясь из захвата Ворожцова, но тот, несмотря на покусанную руку и растрепавшийся конец бинта, держал крепко. — Пусти, скотина!

«Нет».

Тимур не видел губ Ворожцова, не слышал этого слова, но знал, что тот произнес его. Так иногда случается: человек ступает за грань обычных чувств. Тимур знал, что за углом будки произошло что-то ужасное, непоправимое. Знал и беспомощно сжимал пальцами мокрую траву, понимая, что идти за этот угол нельзя. Там...

Черные хлопья.

Стужа.

И смерть.

Тимура уже никто не держал.

Рядом поднималась Леся. На ней буквально висел Ворожцов, не давая встать и пойти к Мазиле. И Тимур следил за их смазанными движениями на фоне светло-серого неба, как за дергающимся изображением со старого кинопроектора на простыне. Им однажды крутили древнюю черно-белую пленку на уроке истории...

Постепенно происходящее ускорялось, движения Ворожцова и Леси становились плавней, в мир возвращались цвет и звук. Холод и боль.

Леся вывернулась из рук Ворожцова и, не соображая, кинулась к углу будки. Тимур в последний момент успел схватить ее за ногу, подтянуть к себе и повалить наземь.

— Пусти! — прошипела девчонка. И дернулась так же яростно, как только что рвался он сам. — Ему помочь надо! Пусти!

Тимур, морщась от пульсирующей боли в запястье, прижал ее руки к земле. Навалился. Подоспел Ворожцов, помогая удержать взбесившуюся Лесю.

— Пустите, изверги! — завопила Леся, дергаясь, как угодивший в капкан зверь. — Садюги, что ж вы делаете! Пустите!

— Нельзя туда, — быстро заговорил Ворожцов, изворачиваясь и дотягиваясь до оброненного наладонника. — Ни в коем случае!

— Там Мазила! — завопила Леся. — Вы что творите?!

— Нет-нет, нельзя, — как заведенный повторил Ворожцов, протирая рукавом экран. — Аномалия все еще там!

— Ну и что! — не унималась Леся, дергаясь в руках Тимура. — Ему нужно помочь! Мы просто поможем ему... Вытащим...

— Нет, — хрипло сказал Тимур. — На нее нельзя смотреть. Иначе...

Его передернуло от всплывшего в памяти сумрачного мира, где за пепельным бураном таится такая боль, от которой одно лекарство: смерть. По сравнению с этим потянутые связки и шишка на затылке — ничего не значащая ерунда! Там, за этими кружащимися хлопьями, человеку показывают то, после чего ему становится незачем жить.

Догадка как обухом по голове шарахнула Тимура. Он закрыл глаза, понимая, в кого выстрелил Мазила.

Точнее... вовсе не мазила.

Ведь промахнуться в самого себя довольно сложно.

— Нет, — не узнавая своего голоса, выдохнул Тимур. — Нет, Леся, туда сейчас нельзя. Ему мы больше...

Он не стал завершать фразу. Повернул голову к Ворожцову и поймал его потерянный, но понимающий взгляд.

Леся тоже наконец перестала дергаться.

Не всегда нужно заканчивать фразы. Иногда недосказанность понятней. Правда... от этого не легче.

Они лежали на земле за трансформаторной будкой еще минут пять или даже дольше. Молча. Тихо. Ждали, пока яркое пятнышко на экране не начало двигаться. Сначала оно немного сместилось в сторону, потом еще и еще, ускорилося и быстро исчезло за границей экрана. Ушло.

Детектор больше не показывал ничего необычного в радиусе сотни метров.

Ворожцов непослушными пальцами переключил приложения. И вздрогнул. Сканер со слепым хладнокровием машины фиксировал три объекта.

Только три.

Четвертой точки больше не было...

«Я не мелкий. Не называй меня так больше. Понял?» — гремели в ушах у Тимура последние слова Мазилы. А перед глазами стоял немой крик, застывший даже не в зрачках мелкого, а гораздо глубже, в самой душе. Что же он увидел за этой пепельной мглой? Может ли что-то заставить четырнадцатилетнего пацана выстрелить себе в сердце?

Может.

Теперь Тимур это знал.

Тело они нашли не сразу. Мазила лежал на спине в канаве, неудобно подвернув под себя ногу и раскинув руки в стороны. Нелепо лежал. Как показывают в плохих фильмах про войну: вроде зритель понимает, что, по задумке, солдат убит, но до конца все равно не верит. Поза слишком уж прямолинейная, что ли.

Тимур не моргая смотрел на Мазилу и тоже не до конца верил, что тот мертв. Но страшная рана на груди не оставляла сомнений. Рана магнитила взгляд, несмотря на то, что от ее вида по спине бежали мурашки, а внутренности сжимались в колючих холодных спазмах.

Кровь, много крови... Разодранная дробью в лохмотья куртка пропиталась насквозь...

Он выстрелил точно в сердце. А ведь это неудобно. Обрез — не лучшее оружие для выстрела самому себе в грудь. Проще было бы в голову...

Но Мазила выстрелил в сердце.

Рядом с Тимуром стояли Ворожцов и Леся. Ботан будто бы окаменел. А девчонка напротив: часто дышала, как чахоточная. И оба они тоже не могли отвести от неподвижного тела глаз.

— 3-3-зачем? — выдавила Леся, не переставая сипло дышать.

— Эта дрянь как-то влияет на психику, — тихо сказал Ворожцов, не двигаясь. Только губы шевельнулись. — Я глаза Тимура видел, когда он на нее смотрел... Кошмар.

— А если б я... и ты... — Тимур осекся.

— Что я? — ожил наконец Ворожцов, отводя взгляд от коченеющего в канаве тела.

— Если бы и тебя она... — Тимур угловато махнул рукой. — А, ладно.

Ворожцов отвернулся и обессиленно присел на корточки.

— Вы стояли, как статуи, — пробормотал он. — Я хотел обоих схватить... Уже вперед пошел, не понимая... Но в этот момент он... Мазила... выдернул у тебя из руки ружье и рванул в сторону, как бешеный. Я только тебя и успел отволочь. А так бы высунулся подальше и тоже... там бы остался.

Он замолчал.

Трансформаторная будка темнела позади. Громоздкая, равнодушная, мертвая. Без всяких полтергейстов и барабашек, в которых, кажется, всерьез верил несостоявшийся сталкер Мазила. Ветерок огибал ее и легонько, но не переставая холодил Тимуру висок и шею.

Он закрыл глаза, но долго так простоять не смог: слишком много ужасных картинок сразу поплыло перед ним. Снова открыл.

Черепичные и шиферные кровли домов виднелись в низине, подернутые голубоватой дымкой. По пригорку вился неглубокий распадок. Когда-то, по-видимому, здесь сбегала вниз дорога и перетекала в единственную на всю заброшенную деревеньку улицу. Скособоченный забор, полдюжины до сих пор не упавших телеграфных столбов, силуэт водонапорной башни... А над всем этим — пасмурное небо с угадываемым солнечным пятном невысоко над горизонтом. Облака, облака, облака — плотная завеса без прорех. Такой же туман, как здесь, на земле, только опрокинутый. Туман наоборот.

Ветерок доносил из перелеска еле ощутимый, но все равно мерзкий запах болотной гнильцы.

Мир изменился: переломился надвое, словно рассеченный бритвенно-тонкой линией, которую Тимур увидел в воздухе за миг до того, как провалился в сумрачную выюгу.

Было «до».

Там остались выпендрожник Сергуня, легкомысленная Наташка Казарезова, веселый и вовсе не мелкий Мазила. Он уже там, хотя вроде бы вот, лежит на границе прошлого и настоящего... Но уже там.

И есть «после».

Тут — пусто и одиноко, несмотря на то, что рядом понимающая и желанная вроде бы Леся, занудливый, но рассудительный и не трусливый Ворожцов.

Тут.

Тут хочется забыться, уснуть и проснуться там.

В «до»...

Было, есть.

Что будет дальше, Тимур не знал.

Он снял рюкзак. Подошел к краю канавы и опустил на колени. Сглотнул. Зачерпнул руками большую горсть рыхлой земли вместе с прошлогодней травой, мелкими щепками, гнилым желудом и бросил на Мазилу. Поморщился от дернувшей боли в запястье.

Леся сдавленно вскрикнула.

— Ты что? — шепотом спросил Ворожцов. — Тимур, ты что?

— Ничего. — Голос был его. Ровный и спокойный. Шел из глотки, но слышался будто бы со стороны. — Похоронить надо.

В глазах стояла холодная пелена. Даже не слезы. Стекло.

— Давай я схожу в деревню, найду лопату, — надломленно сказал Ворожцов. — Тимур...

— Нет. Не хочу я лопатой.

Он зачерпнул следующую горсть. Бросил. Дерн и гниль с шорохом упали на бледное лицо Мазилы. Несколько комочков земли остановились в уголках закрытых глаз, остальные ссыпались вниз.

Леся тихонько заплакала.

Тимур почувствовал, как дрожат руки, как сжалось все внутри. Зачерпнул третью горсть — влажная земля забила под ногти. Бросил.

Рядом опустился Ворожцов. Он больше не уговаривал, и Тимур был благодарен ему за то, что тот замолчал. Пусть, раз уж не хочет помогать, просто молчит.

Ворожцов отодвинул свой рюкзак. Засучил рукава, не обращая внимания на пропитавшийся кровью бинт, и тоже загреб пальцами землю. На его лице не дрогнул ни один мускул. Оно словно окостенело.

Они бросили землю вниз почти синхронно. Леся закашлялась и заплакала громче.

Глаза резало.

Не слезы.

Стекло.

Почти не чувствуя пальцев, Тимур снова загреб ладонями землю и снова бросил ее на неподвижного Мазилу.

— Почему же ты молчишь, мелкий, — сорвалось с губ. — Почему же ты не просишь прекратить...

Шум пульса в ушах заглушал рвущиеся наружу слова. Страшные, безумные, от которых мороз пробирал до самых потрохов. Перед глазами звенело холодное стекло, стирая контуры предметов, искажая цвета. Руки зачерпывали сырую, но как назло рыхлую землю и бросали ее вниз.

Рядом сидел на коленях Ворожцов и с каменным лицом тоже бросал, и бросал, и бросал...

Комья летели в канаву, постепенно обсыпая тело мелкого, скрывая лицо, стирая грань между там и тут...

Комья падали, и падали, и падали.

И вместе с ними падало в эту канаву что-то из души Тимура. Такое же сырое, холодное и черное...

Где-то далеко, за громоподобными раскатами пульса, слышался плач Леси. Этот тихий плач давно остановился на одной ноте, и она тянулась, дрожала, как вибрирующая струна. Поднималась от земли в небо и замирала там. В сизой бесконечности облаков.

А Тимур, не соображая, что делает, продолжал загребать горстями податливую почву, кидать комья на медленно растущий холмик и уговаривать Мазилу:

— Не молчи, мелкий... останови ты нас... что же мы делаем... скажи хоть что-нибудь, сволочь ты мелкая... скажи... скажи... скажи...

Но мелкий не отвечал ему.

Мелкий уже был там, за рыхлым черным занавесом...

Тимур и Ворожцов бросали землю долго. Очень долго. Леся уже перестала реветь, а они все загребали и загребали сбитыми в кровь пальцами. Все бросали и бросали. И эти монотонные движения, несмотря на страшный смысл, который в себе несли, успокаивали. Тимур с Ворожцовым будто бы выгребали эти комки не из-под ног, а из самих себя.

Тело Мазилы уже давно полностью скрылось под землей, а они продолжали бросать до тех пор, пока над ним не образовался небольшой курган, доходивший почти до середины краев канавы.

Сгушались сумерки.

Губы ссохлись, голод сосал где-то под солнечным сплетением, но это уже совершенно не отвлекало. Тимур встал и прошелся туда-сюда, разминая затекшие ноги. Страхнул с ладоней землю, вытер руки о куртку, но пальцы все равно остались грязными, с кровотокающими ссадинами и черными полосками под ногтями.

— Давай полью, — бесцветным голосом сказала Леся, открывая пластиковую баклажку.

Тимур молча подставил руки. Тонкая струйка потекла из горлышка в траву, и он стал остервенело тереть ладони друг о дружку, брызгая и поочередно стряхивая. Основная грязь ушла с водой, но полоски под ногтями остались.

— Видишь? — показал он их Ворожцову с какой-то садистской усмешкой. — Наверное, навсегда.

Тот не ответил. Дождался, пока Тимур закончит, и тоже стал мыть руки.

Ворожцов вообще не произнес ни единого слова после того, как сел рядом и начал помогать бросать землю. Тимур все бормотал и бормотал несуразности, а Ворожцов молчал...

Баклажка опустела.

Леся завернула крышку, убрала тару в рюкзачок. Подошла к Тимуру и хотела что-то сказать, но передумала. Просто долго посмотрела на него.

— Перевяжи его, — мотнул Тимур головой на Ворожцова. — И йодом каким-нибудь помажь.

Леся кивнула и принялась потрошить аптечку. Ворожцов не геройствовал: засучил рукав, помог размотать пропитавшийся кровью и грязью бинт. Только поморщился, когда Леся смазала укусы йодом и машинально подула на них, как маленькому.

Тимур смотрел на них, а в голове мелькали какие-то обрывки мыслей. Несвязные, ничего в общем-то не значащие. Пустые мысли ни о чем.

— Там есть эластичный? — спросил он у Леси через минуту.

— Бинт? — зачем-то уточнила она, открывая аптечку.

— Бинт, — кивнул Тимур.

— Да, вот. Ты руку потянул? Давай-ка я замотаю покрепче.

— Я сам.

Тимур взял плотный бинт, наложил кончик на запястье, прижал пальцами, стискивая зубы от боли, и принялся мотать. Пропустил «восьмеркой» через большой палец, сделал еще несколько оборотов, зафиксировал.

Подвижность кисти упала, но теперь боль стала более-менее терпима.

Тимур опустил рукав, поправил ботинки, застегнул куртку. Оставалось еще кое-что, но он все оттягивал момент...

— Пошли? — обронил Ворожцов.

— А разве... — Леся убрала аптечку и смотрела теперь пустым взглядом на горку свежей земли. — Крест разве не надо?

— Не надо, — глухо сказал Ворожцов. — Из палок не по-человечески, а больше не из чего.

Тимур наконец решился. Обошел канаву слева, спустился вниз и подобрал обрез. Стряхнул со ствола кровавую грязь, взял за холодную рукоять и переломил. Из ствола на него смотрел слепой глазок капсюля с крошечной вмятиной по центру.

Тимур негнушными пальцами достал гильзу, стиснул ее в кулаке. Хотелось заорать во всю глотку и зашвырнуть ее куда-нибудь подальше. Или изорвать желтый пластик на куски. Или...

Он разжал руку и посмотрел на бездушный цилиндр с металлическим основанием. Вот она, грань. Сами себе штампуем миллионы граней, а потом ломаем их. Крушим с хрустом костей.

Тимур не решился просто выбросить гильзу. Что-то удерживало его, хотя умом и понимал: глупо хвататься за соломинки, когда уже на дне. И все равно не стал выбрасывать. Убрал в карман куртки.

Пусть кусочек смерти мелкого побудет пока с ним. Рядом с сердцем.

— Будь ты проклята, — прошептал он, сам не до конца понимая, кому именно. Спокойно, без надрыва. Вместе с тихой истерикой во время похорон, вместе с безумными словами, которые он бормотал мертвому Мазиле, засыпая его землей, изнутри ушло что-то напряженное, жесткое, привычное. Будто пружина разжалась.

Тимур вставил в ствол новый патрон, защелкнул обрез и пошел по траве к дороге, не оборачиваясь и не заботясь, собираются ли Ворожцов с Лесей его догонять.

Он просто пошел, переставляя ноги, потому что так было надо. Потому что впереди была цель, ради которой они переступили границу. Не границу Зоны, нет. Границу внутри себя. Тот незримый рубеж, который разделяет жизнь каждого разумного существа.

На что?

На детство и взрослость? Может быть.

А может быть, эта бритвенно-тонкая грань делит каждого из нас надвое по-другому? Вовсе не по возрасту...

Может, по одну сторону этой линии живет чудовище, а по другую — человек?

Может.

Они не стали окликать, просто нагнали метров через двадцать и пошли рядом. Ворожцов — вода своим наладонником из стороны в сторону, Леся — то и дело утирая нос платком. Молча, не оглядываясь.

Так все трое спустились с холма по извилистой дороге и подошли к заброшенной деревеньке. Вблизи она не казалась такой уж маленькой. Хотя улица здесь была всего одна, но довольно длинная, убегающая в сумрачно-мглистую даль. И по обе стороны от нее тянулись дома, бани, сараи.

Дюжина дворов, а то и больше.

И ни единого звука, кроме их собственного дыхания. Ни скрипа двери или ставни, ни шороха зверя, ни шелеста листьев. Тут даже ветра не было. Мертво.

— Задолбаемся мы твой сундук искать, — негромко сказал Тимур, не глядя на Ворожцова. — Братец хотя бы примерно не говорил, где именно?

— Нет, — покачал головой тот. — Но этот прибор настроен на мощную аномалию. Без нее он — кусок микросхем на батарейках.

— Хотя что-то, — согласился Тимур, обходя покосившуюся сваю, к которой был толстенной проволокой примотан гнилой телеграфный столб. — Что шарманка показывает?

— Плохо дело, — признался Ворожцов, хмуро разглядывая экран. В сумерках его лицо, подсвеченное снизу наладонником, выглядело жутковато. — В этих вот, ближних, домах чисто, а дальше — полно аномалий.

— И все мощные?

— Не разберешь сразу.

— Значит, пойдем. Будем методом исключения искать.

— Гайки-то... — Ворожцов осекся. — Ладно, придумаем, что бросать. Не в этом дело... Мы по времени не рассчитали: почти стемнело. Ночью нельзя по домам бродить.

— Предлагаешь до утра тут ждать? — При мысли о новой ночи в этом тихом аду Тимур содрогнулся. — Околеем. А костер разводить замучаемся: все дрова мокрые.

— Давай запремся в крайнем доме, согреемся, отдохнем, — тоже передергивая плечами, сказал Ворожцов. — А на рассвете пойдем искать.

— Запремся и мелом кружочек начертим, — сболтнул Тимур и прикусил язык. Он вовсе не хотел шутить, а прозвучало так, словно опять издевается. — Леся, что ты думаешь?

— Ночью опасно, — поежилась девчонка. — Давайте уж действительно до утра.

— Ладно, — согласился Тимур, доставая фонарь и заглядывая в калитку. — Этот дом?

— Да, — ответил Ворожцов, становясь рядом. — Здесь вроде нет никакой дряни...

— Везде здесь дрянь, — пробормотал Тимур. Вошел в тихий двор и посветил на пустую конуру с оборванной или перегрызенной веревкой. — Вон даже собаки будто бы с цепей срывались, что уж о людях говорить.

Ворожцов с Лесей зашли в калитку следом за ним. Огляделись.

Изба большой глыбой темнела на фоне вечернего неба. На крыше виднелись силуэты печной трубы и ветвистой телеантенны. По правую руку стоял крепкий кирпичный гараж с запертыми на амбарный замок воротами. В отличие от других подсобных построек он сохранился хорошо. Возможно, внутри даже уцелела машина, но проверить это было нереально: не пилить же замок, в самом деле.

Возле завалинки торчали останки лавочки. Деревянные сидушки давно сгнили, а две вкопанные в землю опоры настырно продолжали ржаветь.

Крыльцо обвалилось, но фундамент дома и бревенчатые стены выглядели вполне надежно. Ставни были заколочены. Крышу, судя по торчащим из черного месива серым кускам, клали шифером и заливали смолой, поэтому оставалась надежда, что протекла она не насквозь, и внутри уцелела хотя бы одна комната.

— Точно там нормально? — шепотом уточнил Тимур, подходя к приоткрытой входной двери. — Ни аномалий, ни зверья?

Ворожцов перепроверил показания ПДА и кивнул. Тимур отдал фонарик Лесе, а сам нацепил и включил налобник. Оружие перехватил двумя руками.

Переступил через треснувшие доски крыльца, аккуратно отворил дверь и заглянул внутрь. В нос ударил безликий запах запустения. Темно. В свете налобника отсюда невозможно было что-либо толком рассмотреть. Угадывались лишь очертания вешалки с дряхлым тулупом, заскорузлой обуви, да мутно бликовало стекло серванта.

— Подержи, — попросил Тимур Ворожцова.

Тот прихватил дверь за ребро. Тимур положил обрез на половик, оперся локтями и забрался с продавленного крыльца в дом. Быстро поднял ствол, встал на ноги и огляделся.

Обычные деревенские сени. Крепкая скамья, грубый стол, дощатый, но не гнилой пол, утварь на подоконнике, покрытая налетом пыли. Сервант с фарфоровым сервизом за жирным стеклом. Алюминиевый бидон для воды в углу, канистра, калоши, ворох гнилых газет.

Сени как сени. Дом как дом. Наверное, именно в таких, по версии Мазилы, должны обитать барабашки...

Тимур застыл. В ушах зазвенело эхо выстрела. Перед глазами всплыло лицо мелкого, наполовину засыпанное черными комьями. Гильза за пазухой будто бы стала тяжелее в несколько раз и оттянула внутренний карман...

Показалось. Конечно, показалось.

Он поморгал, отгоняя навязчивые воспоминания, и обернулся. Луч налобника выхватил ржавую подкову, криво присобаченную к двери. Люди огораживают себя идиотскими безделушками, полагая, что в трудную минуту это как-то им поможет, убережет от горя, отведет беду. Только никому и никогда еще не помогали кроличьи лапки, подковы или иконы. Символы, не больше. Настоящая вера, истинная храбрость — они внутри, а не в этих гнутых цацках.

— Ну, что там? — не вытерпел Ворожцов, забрасывая рюкзак.

— Вроде бы чисто, — сказал Тимур. — Если слой пыли в палец можно назвать чистотой.

— Лесь, сначала ты, — сказал Ворожцов и подсадил девчонку.

— Давай руку, — предложил Тимур. Поймал холодную ладонь, скрипнул зубами от боли в запястье, но Лесю втащил. — Свети.

Он помог забраться Ворожцову и запер дверь на засов. Теперь, когда сумеречный, но все же свет с улицы больше не попадал в сени, здесь стало совсем темно. Два фонарика кое-как справлялись с плотным мраком.

— Сухо, — заключил Ворожцов, наспех обследовав прихожую. — Надеюсь, в комнате тоже. Что в канистре, не смотрел?

— Не смотрел, — откликнулся Тимур. — А что там может быть и чем тебе это поможет?

— Бензин там может быть.

— И зачем тебе бензин? Спалить здесь все собрался?

— Ничего я не собрался. Просто любая горючка лишней не будет.

Оба замолчали. Вовремя почуяли, как разговор опять плавно уходит в русло бессмысленных пререканий. Надоело.

Тимур взял канистру, но она оказалась пустой. Как их спор. Он поставил ее обратно. Звякнув запором, приоткрыл крышку бидона. Ничего. Если там когда-то и была вода, то давно испарилась.

— А тут радиации нет? — спросила Лесь, сморкаясь в платок.

— Чуть-чуть есть, — честно ответил Ворожцов, глянув на показания счетчика. — Но не критично. До утра не помрем... — Он заткнулся. Любые упоминания о смерти сейчас были не к месту, это уж точно. Поспешил перевести тему: — Давайте в комнатах посмотрим.

— Да, — согласилась Лесь. — Если все в порядке, будем устраиваться на ночлег.

Она по-хозяйски взялась за ручку одной из дверей и вдруг отдернула руку. Отступила на шаг.

Тимур напрягся, поднял ствол.

— Что случилось? — с беспокойством спросил Ворожцов, выставя ПДА перед собой, как оберег.

— Мне показалось, наверно... — прошептала Леся. — Звук. Там, в комнате.

Палец лег на спусковой крючок. Тимур стиснул зубы, вспомнив, что последним этого крючка касался мелкий, когда... Он глубоко вдохнул и выдохнул. Приказал себе: не сейчас, только не сейчас.

— Сканер ничего не показывает, — тихо проговорил Ворожцов. — Что ты слышала?

— Как будто шорох или... — Леся задумалась, подбирая слово. — Будто скребется кто-то.

— Видимо, показалось, — произнес Тимур. Он хотел успокоить девчонку, но тон получился не уверенный, а скорее безразличный.

За дверью щелкнуло. Все вздрогнули. Сомнения отпали сами собой: там, в комнате, кто-то был!

— Вот, опять, — еле слышно пробормотала Леся, хотя теперь это уже было лишним.

— Почему твоя шарманка молчит? — шикнул Тимур, сжимая ружье еще крепче.

— Да откуда я знаю! — окрысился Ворожцов. — Может, вообще половица скрипит...

Из-за двери донесся протяжный хрипящий звук, от которого у Тимура по спине мурашки побежали.

Леся, не отводя луча от двери, попятилась обратно к выходу.

— Половицы так не скрипят, — процедил Тимур сквозь зубы. — Пошли-ка отсюда!

— Да, уходим, — согласился Ворожцов. — Чуть не...

И тут с той стороны раздался глухой удар. Незапертая дверь приоткрылась. Тимур шагнул назад и почувствовал, как волосы на темечке зашевелились от страха. Пальцы мертвой хваткой сдавили обрез.

Из комнаты донеслось шипение, громыхание какого-то упавшего предмета, и снова глухо бабахнуло. Жалобно скрипнули петли, щель между косяком и ребром двери увеличилась.

Если сейчас они все вместе побегут наружу по проваленному крыльцу, то ноги к чертовой матери переломают. Однозначно.

— Леся убирай, — бросил он через плечо. — Я прикрою.

— Стой-стой-стой, — быстро затараторил Ворожцов. — Стой, не стреляй! Смотри!

Тимур заметил движение в образовавшемся темном пространстве приоткрытой двери, но не на уровне своего роста, а гораздо ниже, почти у самого пола. Он молниеносно направил туда ствол и обомлел.

Из щели на него смотрела маленькая серо-рыжая морда. Глазки-бусинки, острый нос, уши торчком. Шерсть свалывшаяся, усы встопорщены, в уголках рта что-то белое.

Лиса переступила лапой через порог, подняла верхнюю губу и зарычала. Тонкая нитка слюны плавно потянулась от клыка к полу.

— Бешеная, — промолвила Леся.

Не сводя с рыжей морды дула, Тимур очень медленно отступил в сторону и тихонько велел Ворожцову:

— Отопри входную дверь. Попробую ее выгнать.

За спиной щелкнул засов. Зашуршало, и в сенях вновь стало чуть-чуть светлей. Лиса среагировала на это мгновенно. Не успел Тимур опомниться, как она с истошным тывканьем метнулась мимо него и юркнула на улицу.

— Запирай! — крикнул Тимур.

Ворожцов с грохотом захлопнул дверь и прижался к ней спиной, словно боялся, как бы рыжая не вломилась обратно. Наладонник он продолжал держать перед собой на вытянутой руке.

Тимур опустил ружье и криво улыбнулся, сбрасывая напряжение.

— Перенастрой свою шарманку, — посоветовал он ошарашенно моргающему Ворожцову. — А то она на косуль реагирует, а на мелкую дичь — нет.

— Идиот... — выдохнул тот, переставая подпирать дверь. — Идиот, я ж чуть не обгадился.

— Не волнуйся, ты не один такой, — успокоил его Тимур и снова повернулся к темной комнате. — А вдруг у нее там детеныши?

— Вряд ли, — покачала головой Леся, тоже потихоньку приходя в себя. — Если она бешеная, то щенков выводить не станет. Видно, просто спала, а мы пришли и взбудоражили ее.

— Ты все равно поосторожней, — предупредил Ворожцов. — Леся, свети ему, свети.

Вместе они отворили дверь до конца, осветили просторную спальню с двумя широкими кроватями, мутным окном, закрытым ставнями, и разгромленными туалетными принадлежностями на столике возле большого зеркала.

Никакой живности больше тут не было.

Зато в тумбочке обнаружилась керосинка, а в платяном шкафу между изъеденными молью брюками и кофточками банка с мутно-желтой жидкостью. Пока Леся стряхивала с матрасов сор и сдвигала грязные простыни, Ворожцов достал посудину, взял тряпку, открыл и, подмахивая рукой к носу, понюхал.

— Живем, — приободрился он. — Тимур, дай-ка лампу и спички. Если фитиль цел, точно живем.

Через десять минут кровати были приведены в относительный порядок, а на принесенном из сеней столе коптила керосинка и стояли подогретые консервы.

Еще когда входили, Тимур заметил возле бидона бутылку пшеничной водки, которая, по всей видимости, пылилась там еще с прошлого века. Желания напиться не было. Хотелось просто приглушить тоску, зашториться.

Не чувствуя вкуса, Тимур покидал в себя перловку с мясом, запил водой. Молча сходил за бутылкой, взял пальцами за торчащее ушко и отколупнул жестяную крышечку. Запахло спиртом.

Леся поморщилась и отказалась. Она поклевала совсем немного каши, машинально прополоскала рот и свернулась калачиком на одной из кроватей.

Ворожцов сначала тоже покачал головой, но поймал тяжелый взгляд Тимура и подставил кружку.

— Только чуть-чуть, — попросил он. — Я эту гадость терпеть не могу. Сам знаешь.

Тимур плеснул ему, себе, и они выпили не чокаясь. Водка не выдохлась за много лет. Глоток обжог горло, свалился горячим угольком в желудок, и по жилам поползло тепло.

Организм согрелся через минуту.

Душа — нет.

В груди продолжала дрожать пустота. Она ничего не требовала, но ничего и не давала. Она просто втекла туда без спросу и поселилась.

Леся закашлялась, стукнула зубами, подтянула к себе колени и обхватила их руками. Ворожцов потрогал ее лоб, нахмурился и укрыл девчонку спальником.

— Ты бы выпила чего-нибудь от простуды, — мягко сказал он.

— Я выпила, — отозвалась Леся. — Знобит что-то.

Ворожцов укутал ее плотнее и повернулся обратно к столу. По-деловому спросил:

— Будем дежурить?

— Да чего тут дежурить, — махнул рукой Тимур, плеснув себе в кружку еще. — От лисиц охранять, что ль.

— Ты б не налегал, — сказал Ворожцов. — Может, чаю лучше заварим? Можно попробовать на керосинке, правда, я...

— Знаешь что, — беззлобно перебил его Тимур, бултыхнув в кружку прозрачную отраву, — хватит уже обо всех заботиться.

— Как хочешь, — не стал спорить Ворожцов. — Только тогда мне тоже налей.

Они молча выпили, и от движения их тени причудливо изогнулись на стенах.

Тимур отставил кружку. Посмотрел, как огонек пляшет завораживающий фокстрот... Отчаянно и страстно, словно в последний раз. Вот трепыхается он в этом безумном танце, бьется желтым призраком о стеклянную колбу керосинки, дрожит. Смотрит на мир через копоть. Дышит тем же воздухом, что и мы. Этот маленький язычок пламени чем-то похож на ночного мотылька. Только мотыльки летят на огонь, а ему лететь некуда. Он и так горячий. Да и как обжечься о самого себя? Ему страшно совсем другое. Не сгореть в один миг, вспыхнув яркой звездочкой. Нет. Ему страшно наоборот... Погаснуть.

Глава одиннадцатая. Деревня

Как заснул, Ворожцов не помнил. Зато момент пробуждения крепко отпечатался в сознании: сон отступил мгновенно, теряя смысл, но оставляя ощущение.

Страх.

Ему снилась зима и школа. Во сне были Сергуня, Мазила, Наташа. Живые. Там были они с Тимуром и Лесей. И все было хорошо. А потом...

Что случилось потом, Ворожцов вспомнить не смог. Как отрезало. Осталось только неистово заходящееся сердце и крик, застрявший в глотке.

Он сощурился и потерял глаза.

Успокоиться. Это только сон. И хуже, чем наяву, в этом сне уж точно не могло быть.

Сердцебиение унялось, глаза свыклись с полумраком комнаты. Ворожцов распрямил затекшую спину. Огляделся.

Он так и заснул сидя за столом. Рядом стояли пустые консервные жестянки, потухшая лампа, кружки и недопитая бутылка. Глянув на нее, Ворожцов поморщился, прислушался к ощущениям. Похмелья не было, только чувствовался мерзкий привкус во рту.

Леся по-прежнему лежала на кровати, свернувшись калачиком, укрытая спальником. Будто и не пошевелилась за ночь. Тимур...

Ворожцов крутанулся испуганно, но опасения были напрасными. Тимур никуда не делся — дрых на второй койке. Один. А ведь мог и к Лесе под бок пристроиться, но не стал. Почему?

На этой мысли он жестко оборвал себя. Сколько можно уже об этом.

Достал наладонник, включил. Экран засветился, разгоняя тьму. Плюмкнуло.

За спиной заскрипела древняя тахта. Ворожцов снова повернулся. Тимур приподнялся на локте, посмотрел на него одним глазом, прищурившись.

— Чего не спишь в такую темень? — буркнул он спросонья. — Время сколько?

Ворожцов глянул на экран ПДА. Поднялся из-за стола.

— Девятый час. Вставать пора.

Тимур стрельнул глазами по окну.

Стекло мутное, пыльное, ставни закрыты и заколочены. Правда, разохлись, просвечивая тонкими щелками. Если б не это, в комнате была бы вовсе кромешная тьма.

Ворожцов убрал наладонник, зажег керосинку. Как бы невзначай приподнял лампу, высвечивая кровать Леси. Девчонка лежала неподвижно, глаза закрыты.

Как подошел сзади Тимур, он не услышал, скорее почувствовал его присутствие возле стола. Ворожцов опустил лампу рядом с початой бутылкой.

— Чего дальше? — спросил тихо. — Пойдем?

— Позавтракаем и пойдем, — просто сказал Тимур.

— Лесю разбудить надо.

Спальник на кровати едва заметно шевельнулся.

— Я не сплю, — откликнулась Леся. Голос ее прозвучал странно, чуждо. Хриплый, гнусавый, насквозь простуженный — незнакомый.

Да она совсем больна!

— Лесь, ты как? — беспокоился Тимур.

— Нормально.

Фраза, хоть и была короткой, разбредила простуженное горло. Леся закашлялась долго и сухо. Ворожцов обогнул столешницу, присел у кровати, положил руку на лоб девчонки. Под ладонью было горячо. То ли руки замерзли, то ли...

— У тебя жар.

— Небольшая температура, — не согласилась Леся и снова закашлялась. — Сейчас встану.

— Лежи, — приказал Тимур и повернулся к Ворожцову. — Чего делать будем?

Ворожцов пожал плечами. А чего тут сделаешь?

— Пусть отлеживается.

— Вчера ночью холодно было, — вяло пояснила Леся. — Потом дождь этот еще... промокла.

— Все промокли, — пробормотал Ворожцов.

Споткнулся о взгляд Тимура.

— Ворожцов, ты на самом деле дурак или прикидываешься?

— Не ссорьтесь, — попросила Леся. — Я правда сейчас встану.

— Лежи, — твердо повторил Тимур. — Нечего скакать, без тебя ходим. Сейчас чаю заварю.

Пока Тимур заваривал чай, Ворожцов сжевал пару галет. Сухое печенье ободрало глотку. Ворожцов кинул взгляд на Тимура, священнодействующего с заваркой, и потянулся за флягой с водой. Свернул пробку, сделал глоток. От воды как будто стало хуже. К неприятному привкусу, который не вышло забить галетами, добавилась легкая тошнота.

Ворожцов положил флягу на стол.

— Я на улице подожду, — сказал он и вышел из комнаты.

В сенях было совсем темно, двигаться пришлось на ощупь. Дверь поддалась со второго раза. Скрипнуло, и в глаза ударил яркий свет. Ворожцов сощурился, неуклюже спрыгнул на землю. Глазам было больно. После вчерашних изменений погоды, после мрака заколоченного дома, в котором ночь продолжалась и теперь, солнце буквально слепило.

Он отошел к забору, прислонился к столбу и тяжело задышал, отгоняя тошноту.

Брат говорил, что воду пить с похмелья — последнее дело. Видно, был прав. Хотя откуда похмелье — выпили они совсем немного. С другой стороны, а что еще это может быть?

Ворожцов сплюнул обильную слюну и решительно распрямился. Охнул. Снова опустил плечи.

Вчера, после того, как Тимур налил по третьему разу, стало казаться, что если выпить еще чуть-чуть и поспать, то все пройдет. Они заснут, а наутро проснутся бодрыми. Выглянет солнце, и не будет проблем. Все притупится, останется во вчера.

Они выпили еще и завалились спать.

Теперь светило солнце, но легче не стало. Страхи, боль, усталость и гложущая тоска никуда не ушли. Они даже не притихли. Рвали душу совершенно не таясь. Только до кучи прибавились мерзкий привкус во рту и тошнота. Да потихоньку начинало сверлить в виске.

Ужасно. А Павел пил неделями напролет. Зачем? Неужели думал, будто что-то изменится? Или делал это ради того самого краткого мгновения надежды, что еще чуть выпьет, проспится и проснется в новой жизни? Это же обман.

И Ворожцов вдруг отчетливо понял: брат его слаб.

Нет, он не стал любить Павла меньше. Не перестал уважать его. Но безмерность этого уважения и непогрешимость авторитета пошатнулись. Не тогда, когда брат ушел в Зону, не тогда, когда ругался с Эпштейном, не тогда, когда вернулся и пил беспробудно, доводя

своим пьянством мать до тихих слез, — нет. Это случилось сейчас, когда Павел находился практически в другом измерении.

Брат ничего не делал для этого, он даже не бездействовал.

Просто Ворожцов что-то понял или что-то пережил.

Догнал Павла. Сократил дистанцию. И...

Дверь скрипнула, сбивая с мысли. Ворожцов обернулся. Тимур, щурясь и прикрывая глаза от прямого света выставленной козырьком ладонью, уже шел к нему через заросший травой двор. Руки у него были свободны.

— А где обрез? — спросил Ворожцов.

— Лесе оставил. Ей он нужнее.

Тимур подошел вплотную, отнял руку от лица.

— Идем?

Ворожцов кивнул и вышел за калитку. Спросил не оглядываясь:

— Чего это ты таким заботливым стал?

— Нет, ты все-таки дурак, — спокойно произнес Тимур. — В чем-то умный, а в чем-то дурак дураком. Девчонка простужена вдрызг, да еще и осталась одна. Мозгами раскинь: о ком мне еще заботиться?

В груди кольнуло. Как-то очень гладко все звучит. Очень правильно.

Ворожцов остановился и все-таки повернулся к Тимуру.

— Слушай, давай честно. Ты же ее... — Он споткнулся подбирая слово. Закончил: — Ты же к ней с самого начала неровно дышишь.

Тимур стоял рядом. Спокойный, словно в отличие от Ворожцова нашел свою правду. И, осознавая это, смотрел на него с легким превосходством: дескать, я знаю, а ты со временем поймешь.

— Ворожцов, выкинь уже мысли похотливые из башки. — В голосе его тоже сквозила нотка спокойного, уверенного понимания своей правоты. — Нам отсюда сейчас выбраться надо как-то. А еще прибор найти. Вот об этом лучше думай.

Ворожцов насупился. Это было как будто не по правилам. Он сам постоянно думал о всех, кто подходил к Лесе, как о похотливых самцах. Свое чувство трепетно оберегал и считал настоящим. А тут вдруг в похоти обвинили его.

И ведь не ответишь ничего: любое слово будет выглядеть как оправдание. А любое оправдание докажет его неправоту. Покажет, что его в первую очередь заботит Леся, а не то, что происходит вокруг.

А что его заботит на самом деле?

Да всё.

И Леся тоже.

Он же человек. Он же любит ее. И может, ему жить осталось всего ничего. Так как же ему и о ней не думать? О ней и о Тимуре...

Тот не стал дожидаться, обогнул Ворожцова и потопал вперед по центральной улице. Стоило признать, что сейчас Тимур вел себя разумнее и выглядел более трезвомыслящим, чем он сам.

Пристыженный Ворожцов поспешил следом, на ходу включая ПДА. Тимур шел неторопливо. Со стороны могло показаться, что он знает, куда идет, но Ворожцов-то понимал, что он топает наугад. Так же, как вчера уходил от самого Тимура Мазила.

При мысли о мелком внутри что-то сжалось.

— Стой, — окликнул Ворожцов.

Тимур остановился. Огляделся по сторонам. Хотя чего здесь оглядываться? Справа бурьян, слева бурьян. Справа забор, слева забор. Справа дом, слева дом. Тот, что слева, совсем хлипкая избенка. Тот, что справа, — посвежее. Крыша, правда, прохудилась, местами зияла черными провалами. Зато с кирпичной кладкой все в порядке.

— Чего шарманка?

— Дальше полно аномалий.

Тимур молча посмотрел на кирпичный дом с дырявой крышей, перевел вопросительный взгляд на Ворожцова. Тот кивнул.

Забор сгнил, прогнулся от времени, дождя и снега. Где-то склонился почти до земли, где-то и вовсе лежал поваленный. Потому на участок они вошли вместе, плечом к плечу. Дверь дома тоже оказалась незапертой. Тяжелая створка повисла на одной ржавой петле. Вторую давно уже вывернуло с мясом. Может, от времени, а может, и помог кто, саданув плечом.

Ворожцов прикинул массу двери. Чтобы своротить такую штуку, ему силенок не хватило бы. Да даже если б с Тимуром вместе попытались выбить, все равно вряд ли. Поэтому приятнее было думать, что все произошло само по себе.

Прихожая — сенями это назвать было затруднительно — оказалась пустой. Если здесь что-то и было, давно растащили.

Тимур натянул налобник, включил, направляя свет вниз.

— Куда дальше? — спросил он, не поворачивая головы.

Ворожцов сверился с наладонником, всмотрелся в сумрак, разгоняемый Тимуровым фонариком.

— По датчику, аномалия в дальней комнате. Первый этаж направо.

Тимур сделал шаг вперед, в неизвестность.

В груди екнуло.

— Не торопись, — попросил Ворожцов, облизнув пересохшие губы.

— Не гунди, — отозвался Тимур. — Если по делу чего есть, говори. А так нечего воздух сотрясать. Может, аномалия на звук реагирует или на вибрацию.

— А так бывает? — усомнился Ворожцов.

— А я знаю?

Тимур сделал еще один шаг. Что-то было неправильным во всем этом.

— погоди, — снова осадил Ворожцов.

— Чего еще?

— Ты внимательно под ноги смотри. И... чего бы кинуть, если что?.. Гаек-то нету.

Тимур запустил руку в карман, выудил пару ржавых болтов, подбросил на ладони. Звякнуло.

— Гаек нет, винтики найдутся.

— Откуда?

— В сенях под лавкой ящик стоял с инструментами. В нем мешочек с гвоздями всякими. Ну и болтов с десятков набралось. Гвозди летают плохо, а болты — в самый раз. Идем.

Тимур говорил вроде бы уверенно, но когда пошел в глубь дома, стало ясно, что боится не меньше Ворожцова. Двигался он осторожно. Каждый шаг взвешивал, иногда подолгу задерживая ногу, прежде чем опустить ее на замусоренный пол.

Это хорошо. Осторожность — это правильно. Ворожцов и сам следил за каждым шагом Тимура. Не за своими шагами, он-то следом идет, а за Тимуровыми. Безопасность Тимура и Леси казалась ему сейчас важнее собственной. Если уж не сумел переубедить, уговорить вернуться раньше, то сейчас надо хотя бы сохранить оставшихся, вывести их.

Закончить начатое и вывести.

Мысли путались.

«О чем это я?» — мелькнуло в голове. Видно, мозг пытался вытеснить жуткую реальность чем угодно, хоть бессмысленными размышлениями.

Он в ответе за Тимура и Лесю. Как маленький принц, говоривший, что мы в ответе за тех, кого приручили. А разве он приручил кого-то из них? С Тимуром вон постоянно на ножах. Только последнее время поспокойней стало. Видать, выдохлись. С Лесей... С Лесей — вообще отдельный разговор.

Блуждающий взгляд скользнул вперед. Ворожцов остановился. Все мысли мгновенно вылетели из головы.

— Тормози, — сказал он тихо.

Тимур остановился как вкопанный. Осторожно повернул голову.

— Что случилось?

Ворожцов не ответил. Сощурился, но там, где секундой раньше сверкнула крохотная молния, ничего не было. Может, померещилось? Он повел носом, принюхиваясь и прислушиваясь. Если судить по сканеру, то аномалия была уже рядом, но с точностью до нескольких шагов ее нахождение можно было определить только вживую. ПДА помогал, но всесильным не был.

— Чего? — еле слышно повторил Тимур.

— Озоном пахнет, — так же тихо сказал Ворожцов.

— А шепчешь чего?

— Сам же говоришь, что оно может на звук реагировать.

Опять сверкнуло, словно заискрился провод. Только провода на полу не было. Посверкивало в самом воздухе.

Тимур проследил направление его взгляда, но там, где только что искрило, снова ничего не было.

— Что может реагировать? Ты о чем?

Ворожцов хотел ответить, но не успел. В нескольких метрах от них сверкнуло в третий раз. Теперь углядел и Тимур. Медленно, стараясь не делать резких движений, он отступил на шаг, будто этот шаг что-то менял. Повертел головой, высвечивая лучом налобника всю комнату.

— Уходим, — сказал Ворожцов. — Это не наша аномалия.

— Откуда знаешь?

— Прибора нет.

— Знать бы хоть, как он выглядит, этот твой прибор, — проворчал Тимур и стал пятиться.

Ворожцов шел рядом не менее осторожно. Только повернулся боком, чтобы держать в зоне видимости и путь к выходу, и аномалию.

Тимур решился развернуться только в прихожей.

— Металлический корпус. На телескопическом штативе, — сказал Ворожцов уже на улице.

Напряжение немного спало, и он почувствовал, как сильно намокла от пота спина.

— Что? — по инерции прошептал Тимур.

— Прибор, — пояснил Ворожцов. — Металлическая коробка, примерно как... как камера у гаишников. Знаешь, на трассах стоят? Вот примерно такая. На телескопическом штативе.

— Каком штативе? — громче переспросил Тимур. — Ты по-русски говори, тут не все ботаны, как вы с братом.

Ворожцов проглотил «ботанов». Еще несколько дней назад казавшееся обидным слово почему-то даже не задело.

— Ну, ножки выдвигаются. Раскладываются. Три ноги. Понимаешь?

— Не совсем тупой. Чего дальше?

— Соседний дом. Там целых три аномалии.

Тимур поглядел на избенку-развалюху.

— Через дорогу? — уточнил он.

— Через забор, — кивнул Ворожцов в другую сторону.

— Тогда пошли, чего зря стоять.

И выйдя за поваленный забор на улицу, побрел вдоль оград.

Ворожцов посмотрел ему в спину. Осанка у Тимура изменилась. В ней странно сочетались опасливая напряженность, собранность сжатой пружины и усталая надломленность...

* * *

...Тимур идет по коридору пружинящей походкой. Прямой, уверенный в себе. Рядом, как обычно, вьется Сергуня. Ворожцов давно заметил, что блондинчику лестно внимание Тимура. И хотя Тимур относится к нему довольно спокойно, Сергуня из кожи вон лезет, чтобы показать всем: они друзья.

Ворожцов смотрит на Тимура с уважением. Давно. И отношения между ними товарищеские, как ему кажется. Он тоже хотел бы сказать, что они друзья, но почему-то не может. Возраст, при котором другом называют всех, с кем хоть раз играл в одной песочнице, Ворожцов успешно пережил. А до возраста, когда другом можешь назвать кого-то уверенно, еще не дожил.

Он стоит у стены в коридоре напротив кабинета литературы и ждет. Ждет Тимура. Хочет поговорить с ним. Серьезно. Наедине. И Тимур появляется. Только не один — с Сергуней. А блондин не друг и не товарищ. Приятель. Знакомец, которого каждый день видит в школе и который временами даже в гости заходит.

Тимур что-то говорит Сергуне. Оба смеются.

Ворожцов отклеивается от стены и подается вперед. Окликает:

— Тимур!

Тот не слышит. Они с Сергуней подошли к девчонкам из параллельного класса и весело болтают о чем-то.

Ворожцов снова зовет, но уже тише. Зачем кричать? Но в коридоре шумно, и он вновь остается не услышанным.

На третий раз Тимур оборачивается. И не только он.

— О, Ворожик-ёжик, — весело поддевает Сергуня. — Тебя кто так оболванил?

Ворожцова всегда стрижет мама. И вчера она на самом деле немного перестаралась. В результате на голове у Ворожцова получился короткий ёжик: обидно, но не смертельно. Во всяком случае, до текущего момента ничего страшного он в этом не видел.

— В парикмахерской, — зачем-то врет Ворожцов.

Сергуня поворачивается вполборота, чтобы его было видно девчонкам, вскидывает палец и патетически сообщает:

— Вот что бывает, если ходить в дешевые парикмахерские.

Девчонки хихикают. Даже Тимур улыбается.

— Не у всех папа маме на день рождения салон красоты дарит, — вяло огрызается Ворожцов.

— А я в мамкином салоне даже укладку не делаю, — фыркает Сергуня. — Вот еще.

— Чего так?

— А зачем? Чтоб меня там маменькиным сынком считали? Там знаешь какие девки работают! К таким надо подкатывать не за материнскими чувствами.

Девчонки, что стоят рядом, переглядываются. Одна шепчет что-то другой на ухо, и обе снова хихикают. Над ним? Или над Сергуней?

Вообще Сергуня выглядит сейчас дешевым позером. Но это для него, для Ворожцова, да и то после того, как брат про блондинчика все разъяснил. А чего там в мозгах у девчонок, кто ж его знает? Это только считается, что девочки быстрее мальчиков развиваются. А поглядишь на это глупое хи-хи, и сразу берет сомнение.

— Поговорить надо, — обращается он к Тимуру.

Тимур кивает.

— Наедине, — тихо добавляет Ворожцов.

— Ворожкин, — радостно подхватывает Сергуня, — так тебя девки не интересуют. Летела стая голубей, один другого голубей. Что ж ты раньше молчал? Ты не обольщайся: Тимур не из этих.

Девчонки откровенно потешаются над ситуацией. Ворожцов понимает, что надо как-то ответить.

— Сергунь, ты совсем озабоченный? — спрашивает он свысока.

И тут же задним числом понимает, что сморозил глупость. Что это ничуть не обижает блондина, а скорее его самого выставляет занудой. Сергуня и девчонки хохочут.

Ворожцов с Тимуром отходят.

— Чего хотел? — спрашивает на ходу Тимур.

— Идея есть, — говорит Ворожцов. — Надо обсудить.

— Так давай обсуждать, — останавливает его Тимур. — Куда тащишь-то?

Ворожцов пристально смотрит на Тимура.

На секунду, на какое-то мгновение ему кажется, что он обратился к нему зря. Но тот спокоен: в нем нет глупости девчонок из параллельного. Нет понтов Сергуни. И сомнения оставляют Ворожцова, не успев застрять в душе.

— Говорю же, наедине надо. Тема такая... не для посторонних. Ты же знаешь, откуда у меня брат вернулся?

Тимур кивает.

— Я тебе расскажу, что там было...

— Твой братец рассказывал, — давит улыбку Тимур. — Фиг поймешь, чего там было.

— Поймешь, — уверенно говорит Ворожцов. — Я расскажу понятнее. А потом идеей поделюсь.

— Хочешь пойти по стопам братца? — поддевает Тимур. — Смотри, сопьешься.

Но, несмотря на отпускаемые колкости, с Ворожцовым он идет.

Они запираются в туалете, и Ворожцов начинает говорить. Заходит издалека. Рассказывает, постепенно приближаясь к сути. Тимур заинтересовывается.

Звенит звонок.

Ворожцов замолкает, смотрит на Тимура.

— Пошли на литру, потом дорасскажу.

— Фиг с ней, с литрой, — останавливает его Тимур, и Ворожцов понимает, что тот уже проникся идеей. Или задумал что-то свое.

Весь урок они проводят в туалете. Ворожцов рассказывает. Тимур слушает, не перебивая, что случается с ним редко.

Выслушав предложение Ворожцова, кивает.

— Когда ты это хочешь?

— Надо собраться, подготовиться, — размышляет вслух Ворожцов. — Пока туда, пока обратно, пока там. Это время. За выходные не успеем, значит... на каникулах. Не прогуливать же. Предки просекут.

Тимур задумчиво шкрябает ногтем по крашеному оконному стеклу, на котором уже кто-то нацарапал до него «Динамо — чемпион», а кто-то другой в ответ приговорил мечтательные пожелания любимой футбольной команде коротким вердиктом из трех букв.

— Лады, — говорит он наконец. — Надо подумать, что с собой брать. И это... Вдвоем опасно.

— Согласен, — кивает Ворожцов.

— Надо кого-то еще взять. Понадежнее.

— Хорошо. Только не Сергуню.

Перекинувшись еще парой фраз, они выходят из туалета и идут к кабинету литературы. Вид у обоих заговорщицкий. Они единомышленники. Команда. Вот только надо как-то оправдываться перед литераторшей.

Объясняться с училкой не приходится: возле кабинета их нагоняет звонок. Дверь распаивается. В числе первых в коридор вылетает Сергуня.

— О! — горланит он на весь этаж. — Голубятня! Тимур, а я думал, ты нормальный чел. Вы где шляетесь?..

* * *

...Ворожцов отвлекся от мельтешащей под ногами травы. Поднял голову и поглядел вперед.

Тимур свернул с заросшей бурьяном улицы, толкнул калитку соседнего участка. Та не поддалась. Ворожцов остановился рядом. Забор здесь был решетчатым, сделанным на

совесть, хоть и изрядно проржавевшим. Кое-где еще лохматились остатки облупившейся краски. Калитка и ворота смотрелись основательно, как и вся ограда, только приржавели намертво.

Не найдя щеколды, замков или чего-то еще, что могло бы помешать попасть внутрь, Тимур пихнул калитку снова, уже сильнее. Бесполезно.

— Прикипело, — поделился наблюдением Тимур и посмотрел сквозь решетку на участок.

Дом здесь был основательный, как и ограда. Строили его с любовью и своим пониманием красоты и богатства, которое вылилось в глупый флюгер на крыше и вычурные наличники на окнах.

За домом чернел сруб бани с низкими оконцами. Возле ворот ржавел на спущенных колесах ярко-оранжевый когда-то тарантас со смешными ушами на задних крыльях. «Запорожец» — дитя советского автопрома, брошенное здесь в прошлом веке.

— Чего шарманка?

— Три аномалии, — поглядел на экран Ворожцов.

— Тогда давай через забор, — предложил Тимур. — Перелезть сможешь?

— Смогу.

Тимур кивнул, отошел в сторону, туда, где за забором стояла навечно припаркованная старая ушастая машина, ухватился за решетку и полез наверх. Подтянулся, вскарабкался. На секунду завис на самом верху, подобрав под себя ноги, покачнулся, как петух на жерди, и прыгнул.

Гулко металлически грохнуло. Тимур приземлился на капот убитой машины. А уже с него легко соскочил на землю.

— Давай, — позвал он с той стороны.

Ворожцов поравнялся с машиной и принялся карабкаться наверх. Забраться на забор оказалось сложнее, чем представлялось вначале. Ржавое железо неприятно скребло ладони. Ухватиться было практически не за что, оттолкнуться не от чего. Оставалось только подтягиваться, а рука по-прежнему болела.

«Тимур в лучшей форме», — пришла мысль, когда Ворожцов добрался до верхнего края и перелез через украшающие его ржавые шпильки и завитушки. Зацепившись штаниной за торчащую железку, он потерял равновесие и полетел вниз.

На капот приземлился неудачно: ушиб колено. Громыкнуло. Выставленные вперед руки остановили падение и не дали шваркнуться мордой о мутное лобовое стекло.

Потирая ногу, Ворожцов сполз на землю.

— Живой, спортсменка-комсомолка? — поинтересовался Тимур.

— Нормально, — поморщился Ворожцов.

Признаться, сейчас он больше опасался за наладонник. Но напрасно: ПДА оказался цел и невредим.

Ворожцов сверился с детектором, кивнул на дом.

Через двор снова шли плечом к плечу, хотя расстояние было небольшим.

Дом сохранился лучше забора. Даже стекла и решетки на окнах не пострадали со временем. И дверь висела ровно.

Тимур потянул за ручку, подергал, толкнул. Отступил на полшага.

— Заперто, — констатировал он. — Причем давно.

— С чего ты взял?

— Сам посмотри, — кивнул Тимур на замок.

Дверь и в самом деле заперли очень давно. Судя по внешнему виду, замок последние лет десять точно никто не трогал.

— А на окнах решетки, — оценил Ворожцов. — И как войдем будем? Может, через второй этаж?

— Зачем? — вылутился на него Тимур, хотя он вроде бы не сказал ничего странного.

— На окнах первого этажа решетки. А на втором их нет. Если забраться по решетке наверх, можно дотянуться до карниза на втором этаже и...

— Зачем? — тупо повторил Тимур.

— А как мы еще туда заберемся? — совсем озадачился Ворожцов, не понимая, с чего такая реакция.

— Никак, — отрезал Тимур. — Зачем нам вообще туда лезть?

— Там три аномалии, на одну из них может...

— Да не может, — разозлился Тимур. — Ворожцов, включи мозги. Если дверь не открывали много лет, то как твой брат со своими пенсионерами туда вошел бы? По решеткам через второй этаж? Не смеши. А если их там не было, то и нам внутри делать нечего.

И он пошел обратно к забору. Объяснение было настолько простым, что Ворожцов почувствовал себя идиотом. Неприятное ощущение. Услышать от кого-то, что ты балбес, всегда было обидно. Понять это самому оказалось обиднее во сто крат.

Когда он вернулся к забору, Тимур уже ждал по ту сторону.

Ворожцов влез на помятый от их прыжков капот. С него влезть наверх оказалось значительно проще, чем с земли. Спрыгнул он на этот раз тоже расчетливо и приземлился как надо, но в ногу все же отдало болью.

Он встал, прислушался к ощущениям. Привычно уже дергало больную руку. Ныло колено. Хорошо хоть голова прошла и тошнота отпустила. Продышался.

— Теперь куда? — спросил Тимур.

Ворожцов выудил из кармана наладонник.

— Да тут везде аномалии светятся. От этого места до конца деревни. Давай в следующий дом.

Тимур поежился, скосил взгляд на экран.

— Давай. Главное, чтобы, кроме аномалий, тут никого больше не было.

— Кроме аномалий, тут только мы, — успокоил его Ворожцов.

К следующему дому подошли спокойно. Судя по гнилым деревянным огрызкам, торчащим из земли, какая-то ограда здесь была, но давно и скорее для вида, чем для защиты огорода от любителей стырить чужой помидор.

Сам дом и пристроенный к нему сарай посерели от времени, но не развалились, как лесная сторожка, возле которой ночевали пару дней назад. Широкие двери сарая были распахнуты настежь. Детектор ничего там не видел, но Ворожцов надеялся, что внутри может обнаружиться внутренняя дверь, ведущая в дом.

Не обнаружилась.

Там вообще ничего не нашлось, кроме голых стен, кусков арматуры в углу и мелкого мусора на полу. Если и было что-то, все давно вынесли.

Дверь нашлась с другой стороны дома и поддавалась легко. С первого раза. Но дернувший за ручку Тимур обрадоваться не успел.

Лязгнуло. Створка замерла, удерживаемая ветхой цепочкой.

— Это что?

— Раритет, — объяснил Ворожцов. — У меня у прабабушки в квартире такая штука была. Защита от честных людей. Вроде как можно дверь открыть, посмотреть, кто там, но если вор — не впустить.

— Смешно, — без улыбки кивнул Тимур, прикрыл створку и снова дернул. Резче, сильнее.

Дверь рванулась, натягивая хлипкую цепь. Дзенькнуло. Цепочка дернулась и безвольно повисла с вывороченным из гнилой двери стопором на конце. Створка отлетела в сторону, едва не увлекая за собой Тимура.

Изнутри пахло чем-то затхлым, гниловатым.

Ворожцов поглядел на показания детектора.

— Одна справа от входа, — предупредил он. — Вторая дальше, в конце дома. До нее еще идти.

— Первая совсем у входа? — уточнил Тимур.

— Нет. Судя по всему, не в сенях. Дальше. Но дом здоровый, комнат, видимо, несколько. Так что кидай на всякий случай.

Тимур зажег фонарь. Сунул руку в карман. Когда вытащил обратно, в пальцах мелькнул ржавый болт.

Крыльца не было. Одно название. К порогу поднимались лишь две корявые кирпичные ступеньки, густо замазанные обколовшимся цементом.

Тимур шагнул через порог, швырнул болт. Недалеко. Железка кувыркнулась в свете фонарика и затихла.

Ничего. Ворожцов вошел следом, замер в сенях у дверей. Тимур поднял болт, толкнул следующую дверь. Посветил фонарем.

— Закрой входную, — попросил он, не оборачиваясь. — Дневной свет сбивает.

Ворожцов послушно затворил входную дверь, и заколоченный дом потонул во мраке. Только тускло светил впереди налобник. Он шагнул к свету. Скрипнула половица. Тимур поднял руку.

— Стой, — голос прозвучал напряженно.

— Что там?

— Справа кухня, — объяснил Тимур, — но аномалии я не вижу. Погоди.

Не выходя из дверного проема, подпирая дверь плечом, он повернулся вправо, взвесил болт на ладони и кинул его. Легонько.

Ржавая железка улетела во тьму. Стукнулась об пол, подпрыгнула раз, другой...

Что случилось в следующее мгновение, Ворожцов понял не сразу. Все произошло молниеносно. Звук упавшего болта должен был затихнуть по всем законам физики, но вместо этого снова звякнуло хлестко и резко, словно ржавая железка срикошетила с невероятной силой. И снова срикошетила. И еще, будто с каждым разом получая все большее ускорение.

Звяк! Звяк! Звяк!

Грубо выругался Тимур.

Отшатнулся, чуть не сбив Ворожцова с ног.

Сверкнул свет налобника, ослепляя.

Мелькнуло бледное лицо Тимура.

Хлопнула оставшаяся без поддержки дверь.

Тимур кинулся на пол, все-таки заваливая Ворожцова.

Что-то хлестко с неимоверной силой ударило во внутреннюю дверь, которую еще секунду назад подпирал плечом Тимур, прошло ее насквозь, как кусок картона, свистнуло над головой, ударило в стену возле входной двери и, растеряв инерцию, шлепнулось на пол.

— Твою мать, — пробормотал Тимур, поднимаясь.

Темноту снова разогнал свет налобника. Ничего не понимающий Ворожцов попытался подняться. Луч фонарика ударил прямо в глаза.

— Вставай.

Ворожцов скорее интуитивно нащупал, чем увидел протянутую руку Тимура. Ухватился, поднялся.

Тимур повернул голову. От яркого света, только что бившего в лицо, перед глазами поплыли радужные пятна, и Ворожцов понял, что не видит ничего.

Когда зрение вернулось, Тимур опять стоял возле двери, ведущей из сеней в комнаты, и с ошарашенным видом разглядывал полотно.

Ворожцов пригляделся. Слева на высоте полутора метров в двери зияла неровная дыра с расщепленными краями. Тимур провел по краю дыры пальцем, осторожно утопил его в дыру на две фаланги.

— Ни себе чего, — пробормотал под нос.

— Что это было? — спросил Ворожцов, ловя себя на том, что голос слушается плохо.

— Болтик кинул, — звенящим от напряжения голосом сказал Тимур. — Где его теперь искать, не знаю. Зато мы знаем, где первая аномалия.

Он снова открыл дверь и осторожно посмотрел направо, поводит головой, освещая и разглядывая крохотную кухню.

— На кухню не пойдем. Прибора я там не вижу, а смотреть на эту дрянь поближе не хочется. Это ведь может и тебя так об дверь рикошетом.

Ворожцов облизал ссохшиеся губы. Поднял руку с ПДА. Метка справа теперь пульсировала и вроде бы увеличилась в размерах. Или это с перепуга кажется?

— Где, говоришь, вторая? — спросил Тимур, доставая новый болт.

— В конце дома. Относительно нас примерно там же, где и первая, только гораздо дальше.

Тимур что-то буркнул под нос и осторожно двинулся вперед. Комната оказалась огромной. Налобник выхватывал небольшие фрагменты стен и пола.

Хозяева бежали из этого дома второпях, выворачивая все шкафы, скидывая все подряд на пол и забирая лишь самое нужное. Или же кто-то заходил сюда позже и устроил хороший бардак.

На полу валялись книжки, тряпки, газеты, какая-то нехитрая утварь. Но вроде ничего опасного.

Тимур, видимо, решил так же и поднял голову. Захламленный пол потонул в темноте. Ворожцов тоже поднял взгляд, следя за лучом и осторожно топая за Тимуром. Через пару шагов в свете фонарика показалась распахнутая дверь шкафа. Луч скользнул дальше, дрогнул.

Ворожцов тоже дрогнул. Из-за двери шкафа кто-то смотрел на них проницательным взглядом. Момент паники сменился запоздалым пониманием. Тимур, вероятно, видел и чувствовал примерно то же, потому что луч снова скользнул по стене к шкафу и остановился на выглядывающем из-за дверцы лице.

Портрет висел на стене на уровне человеческого роста и формата был такого, что лицо выходило, считай, в натуральную величину. Мужчина на нем был солиден и серьезен. В старомодном костюме. Смотрел проницательно.

В рамке под стеклом фотография сохранилась превосходно. И висела она под странным углом, нижним краем рамы упираясь в стену, а верхним отходя от нее сантиметров на десять. Потому и пылью не покрылась.

— Ну, мужик, ты меня напугал, — пробормотал Тимур и отступил в сторону.

Ворожцов шагнул следом, не отрывая взгляда от экрана наладонника.

Шаг. Еще шаг.

Наступая на что-то, Ворожцов топал за Тимуром.

— Ма-ма! — донеслось снизу.

Резко и звонко.

Сердце прыгнуло к горлу, застучало, норовя вырваться наружу. Ворожцов дернулся, словно хватанул оголенный провод.

Крутанул свет налобника. Метнулся в лицо, ослепил, упал к ногам. Там валялась старая пластмассовая кукла с неестественно вывернутыми руками.

— Ворожцов, хорош пугать, — тихо, но очень отчетливо проговорил Тимур.

— Дом с привидениями, — проворчал Ворожцов, будто оправдываясь, и с силой поддал ногой.

— Ма...

Кукла взметнулась над усыпавшим пол мусором и отлетела в сторону.

— Ма, — вякнула, будто обиженно, из дальнего угла.

Тимур скривился. Спросил недовольно:

— Чего там твоя шарманка?

Ворожцов посмотрел на экран и почувствовал, как сердце начинает заходиться с новой силой. По карте на экране ползла метка. Медленно, но неумолимо двигаясь в их направлении.

— Мы здесь не одни, — упавшим голосом прошептал он.

— В смысле?

Тимур нагнулся к ПДА.

— Это что?

— Это кто, — поправил Ворожцов. — Оно живое. Идет со стороны нашей ночевки.

Тимур изменился в лице, застыл. В глазах пронеслась буря эмоций.

Оцепенение длилось недолго и кончилось так же внезапно, как и началось. Забыв об аномалиях, темноте, опасности, Тимур не разбирая дороги рванул к выходу.

— Куда? — опешил Ворожцов.

— Там Леся! — не своим голосом выкрикнул тот на ходу.

Внутри похолодело. Ворожцов кинулся следом. Тимур споткнулся, но удержался на ногах. Распахнул дверь, вылетел в сени.

Ворожцов едва успел поймать захлопывающуюся створку. Пронесся мимо кухни, запоздало вспомнил про аномалию, но тут же забыл о ней.

Там снаружи кто-то шел. А еще там была больная, ослабленная Леся. Если еще была...

Он пихнул дверь и выскочил на улицу. Сощурился. Перед глазами снова заплескали пятна. На этот раз темные. Ворожцов дернулся вперед, вспомнил, что улица с другой стороны, заметался, как напуганный слепой котенок. Проскакал к сараю. В сарае валялась какая-то арматура. Не оружие, но хоть что-то.

За плечо схватили, дернули в сторону, отволокли к стене. Ворожцов не сразу понял, что это Тимур.

— Куда прешь? — прошипел тот в самое ухо.

В руку ткнулось что-то гладкое.

— Держи.

Ворожцов рефлекторно стиснул пальцы. Потом только посмотрел: в ладони у него был зажат кусок асбестовой трубы. Тимур сжимал арматуру.

— На прибор смотри!

Взглядами в экран они впились вместе, чуть не столкнувшись лбами. Метка продолжала двигаться по центральной улице и была уже рядом.

Переглянулись.

Тимур хотел что-то сказать. Ворожцов видел это по лицу. Он и сам хотел сказать что-то, но только не знал что.

Промолчали оба. Глядя на экран, Ворожцов заскользил вдоль стены к дороге.

Метка тоже не стояла на месте. Плыла медленно, но верно. Хорошо, что они видят незнакомца.

А что, если у него тоже ПДА, и он их тоже видит? — кольнуло в мозг.

Ворожцов выдохнул, сунул наладонник в карман и, перехватив двумя руками трубу, метнулся к дороге.

Сквозь заросли и решетчатый забор соседнего участка увидел фигуру.

Человеческую.

Вооруженную.

Обрезом...

Внутри что-то звонко щелкнуло и оборвалось, как перетянутая струна. Все еще продолжая двигаться по инерции, Ворожцов распрямился и опустил руку с трубой.

— Леся...

Он обернулся на голос. Тимур стоял рядом, и на лице его было все то, что чувствовал сейчас сам Ворожцов. Растерянность, злость, невероятное облегчение.

Тимур бросил арматуру и устало провел перепачканной в ржавчине рукой по лицу. На лбу, переносице, щеках остались грязные разводы, но он, кажется, не обратил на это внимания.

Ворожцов отбросил трубу, вскинул руку и помахал Лесе.

— Мы здесь, — позвал он.

Тимур опустил на траву. Леся подошла ближе, закашлялась. Двигалась она медленно, было видно, что девчонка очень слаба.

На Тимура поглядела с беспокойством.

— Что с лицом? — спросила хрипло.

— Ты нас напугала, — невпопад ответил Тимур. — Зачем встала?

— Вас долго не было. Я волновалась. Одной страшно. — Она повернулась к Ворожцову, словно ища понимания хотя бы у него. — Одной очень-очень страшно. Я лучше с вами...

Леся кашляла постоянно. Чихала, шмыгала носом. От нее шел жар, как от печки. Таскать девчонку с собой было нельзя. Оставить одну оказалось категорически невозможно.

И Ворожцов искал плюсы в том, что они ходят вместе.

А плюсы были. Леся не одна. И потом, в ее присутствии отступил страх. Пусть на обследование одного дома уходило теперь куда больше времени, но и он, и Тимур странным образом осмелели. Перестали шарахаться от каждого куста, от каждой тени. Даже приободрились немного.

В доме, из которого они бежали защищать Лесю, прибора не обнаружилось. Не было его и в следующих трех. По договоренности они решили дойти по одной стороне улицы до конца деревни, а там перейти через дорогу и вернуться по противоположной стороне.

Следующий дом оказался наглухо заколочен. Как в кино, крест-накрест. Доски посерели. Шляпки гвоздей, которыми они были пришиты, давно выплакали всю ржавчину и теперь светились шероховатыми рыжими глазками. Сюда тоже никто не входил много лет.

Они вернулись на улицу и прошли дальше.

Последний дом по этой стороне деревни был не достроен. Можно было предположить, что его просто разрушило время, и оно в самом деле постаралось. Но старания эти были не на пустом месте.

Дом задумывался основательным. Два этажа, чердак, подвал с подземным гаражом. И строили, видно, на совесть, отбирая хорошие материалы, остатки которых сохранились здесь же, вкладывая и силы, и душу. Без тяп-ляпства и наплевательства. По останкам незавершенного строительства создавалось впечатление, что этот дом строили с далеким прицелом. Для себя, детей и внуков. На века. Чуть ли не серьезнее, чем саму ЧАЭС.

Интересно, что за шишка решила отгрохать себе здесь загородный домик? Жив ли еще этот человек?

Чем занимается? Вспоминает ли о недостроенном особняке советского масштаба?

Фундамент был готов, как и внешние стены, и перекрытия. Двери так и не поставили, успели только подготовить коробки. Окна вставили лишь на первом этаже. Настелили пол на втором. Начали, но не закончили в мансарде. Только собрались приступить к крыше.

Внизу валялись груды строительного мусора, кое-где попадался на глаза заржавевший инструмент, торчала арматура. Дом был нежилым, но Ворожцов, поглядев на ПДА, только присвистнул.

— Не свисти, — буркнул Тимур. — Денег не будет. Чего там твоя шарманка?

— Три на первом, две на втором. Еще сколько-то на чердаке, отсюда не понятно, — отрапортовал Ворожцов. — Чего-то многовато.

— Не бойсь, — подбодрил Тимур. — Зато здесь светло. Идем?

Он достал болт и зашагал по никогда не бывшему чистым полу. Леся закашлялась и двинулась следом.

Ворожцов пошлепал последним, следя за показаниями детектора. Впрочем, на ПДА он поглядывал лишь временами. Постоянно косился на Лесю с Тимуром.

Тимур тоже периодически смотрел на девчонку, но не раздевающим похотливым взглядом, как казалось раньше Ворожцову, а заботливо, внимательно. И он с удивлением вынужден был признать, что Тимур, кажется, относится к Лесе несколько иначе, чем удобно было думать Ворожцову. Может, это чувство и нельзя было назвать любовью, но оно всяко переросло похоть.

Это ничего не меняло ни в отношении Ворожцова к Лесе, ни в отношении его к Тимуру как к приятелю, ни в отношении его к Тимуру-конкуренту. Все оставалось как раньше. Но признать в этом хотя бы себе было честно.

Когда-нибудь они возвратятся к этому вопросу. Потом, когда вернутся обратно. А если он, Ворожцов, не вернется, что ж... пусть Леся и Тимур будут счастливы вместе. В отличие от других Тимур как минимум честен...

— Ворожцов, не спи, — словно прочитав его мысли, окликнул Тимур.

Ворожцов поглядел через огромное пространство первого этажа, так и не распланированное, не разделенное на комнаты. В середине над грудой битого кирпича переливался воздух, словно кирпич, прежде чем свалить в кучу, раскалили до пары сотен градусов.

— Одну вижу, — указал Ворожцов. — Вон. Еще две должны быть где-то рядом.

Леся уставилась на дрожащий над кирпичной кучей воздух.

— Балда ты, Ворожцов, — фыркнул Тимур. — Хватит высматривать. Ты прибор где-нибудь здесь видишь?

— Нет, — откликнулся он.

— Во-о-от, — протянул Тимур. — Это потому, что его тут нет. А если прибора нет, то и высматривать нам тут нечего. Пошли на второй этаж. Лесь, подожди здесь.

Девчонка не ответила, она все еще медитировала на неестественно плавающий воздух над кирпичами.

Лестница наверх оказалась крутой и не имела даже намека на перила. Подниматься по ней было жутковато. Высоты Ворожцов не особо боялся, но сверзиться отсюда не улыбалось.

Стараясь держаться стены, он выбрался на второй этаж, если его можно было так назвать. Кусок пола возле лестницы был сделан кое-как. Еще один фрагмент пола был уложен у дальней правой стены. Там, кажется, основательно, но сказать наверняка было невозможно. Сверху, отгораживая законченный участок, свешивались хвосты размотанных рулонов чего-то черного, похожего на рубероид. Все остальное пространство перекрывали несущие балки.

Сзади появился Тимур, выбрался на площадку, огляделся.

— Ну как? Тут тоже ловить нечего?

Ворожцов кивнул на загороженный кусок этажа.

— Там спокойно может стоять прибор. И, судя по детектору, там есть активность.

— Ух ты! — сказал Тимур без особой радости. — Значит, мы еще и в канатоходцев сыграем.

Он поежился. Ворожцов поглядел искоса. Неужели Тимур высоты боится...

— Балка широкая, — успокоил он. — Равновесие удержать не трудно. Главное — вниз не смотреть. Хочешь, давай болт. Я пойду.

— Ты лучше шарманку крути, — посоветовал Тимур и шагнул на балку.

Нет, высоты он не боялся. А если и боялся, то искусно это маскировал. По балке Тимур пошел так легко и уверенно, что Ворожцову стало завидно.

— Ребят, — донесся снизу жалобный голос Леси. — Они двигаются.

Тимур замер посреди балки. Ворожцов, так и не успевший ступить на нее, быстро опустился на колени и свесился вниз.

— Кто?

— Аномалии, — кашлянула Леся.

Ворожцов вскинул наладонник, посмотрел на экран. Метки аномалий на первом этаже не изменились, не сдвинулись.

— Леся, они не двигаются. Тебе показалось.

Леся посмотрела наверх, глаза у нее были совсем больными.

— Мне страшно, — тихо сказала она. — Я к вам.

— Не надо. Жди внизу, — попросил Ворожцов и поднялся на ноги.

Кивнул Тимуру: мол, все в порядке. И сам ступил на балку. Тимур заскользил вперед с новыми силами, словно ему вставили свежую батарейку.

Не успел Ворожцов дойти до середины, как Тимур снова почувствовал пол под ногами.

— Осторожно, — предупредил Ворожцов на всякий случай, балансируя на балке. — Там аномалии.

Но Тимур уже скрылся за покачивающимися полотнами рубероида. Через секунду раздался ответный возглас.

— Тут штука на трех ногах!

От такой новости Ворожцов задвигался быстрее.

— Осторожно, — напомнил он снова.

По полу брякнул и прокатился болт.

— До прибора чисто, — крикнул Тимур. — Я пошел, догоняй.

И тут же послышались шаги.

Ворожцов со всей прыти добрался до конца балки, сошел на пол и с замирающим сердцем заглянул туда, где ждала цель путешествия. Тимур крутился возле треноги, на которой в самом деле была установлена какая-то строительная хреновина. И Тимур мог принять это за прибор. Ворожцов — нет. Он представлял, как на самом деле выглядит искомое.

— Это не он, — разочарованно сказал Ворожцов.

— Как? — В голосе Тимура послышалась обида. — Ты же сам говорил, на трех ногах.

— Говорил. Но это не он. Там ноги другие и прибор другой.

Тимур стиснул зубы и не торопясь пошел обратно.

— Стоило сюда лезть, чтобы так обломаться.

Он вышел на открытое пространство и переменялся в лице. На балке, шагах в трех-четырех от дальнего края, стояла Леся и смотрела прямо перед собой, не решаясь сдвинуться с места.

Вот кто боялся высоты. Ворожцов понял это сразу. Страх был написан у девчонки на лице, полыхал в глазах.

— Ты чего там?

— Высоты боюсь, — процедила сквозь зубы Леся.

— Я же говорил, жди внизу...

— Отходи назад, — перебил Ворожцова Тимур.

— Не могу.

— Я сейчас к тебе подойду, — подался вперед Тимур.

Ворожцов перехватил его за рукав и оттянул. Тот хоть и подчинился, но поглядел сердито, с непониманием.

— Что?

— С ума сошел? — вопросом ответил Ворожцов. — Хочешь, чтоб вы вместе грохнулись? Ее сейчас трогать нельзя.

— Ты это откуда взял, академик?

Ворожцов не ответил. Оттеснил Тимура и подошел к краю. На Лесю посмотрел спокойно, стараясь глядеть прямо в глаза. Кто бы знал, чего ему стоило это спокойствие.

— Леся, сейчас ты пойдешь назад, — сказал он тихо.

Леся помотала головой, отчего покачнулась. Вздогнула, ловя равновесие. Снова замерла. Ворожцов незаметно выдохнул.

— Слушай, — повторил он. — Все будет нормально. Ты, главное, не поворачивайся и не смотри вниз. Слушай... Не отрывай ногу от балки. Ту, которая у тебя сейчас сзади, медленно, очень медленно веди назад. Только не опирайся на нее и не отрывай от балки. Если отведешь ногу не туда, почувствуешь край балки. Медленно. Давай.

Леся стояла, слушала, как он повторяет одно и то же по кругу, и боролась со своим страхом.

Наконец осторожно перенесла вес и медленно потянула ногу назад. Ровно, спокойно.

— Молодец, — похвалил Ворожцов, не сводя взгляда с ее ноги. — Только не отрывай ногу от балки. Медленно. Еще чуть-чуть. Стоп.

Леся снова чуть не дернулась, но совладала с чувствами.

— Ставь ногу, — подбодрил Ворожцов. — Вот так. Теперь переноси на нее вес. Хорошо. Подтягивай вторую ногу.

Девчонка хоть и боялась до беспамятства, а инструкции выполняла четко. Как в школе на практической по химии.

— Молодец, — похвалил Ворожцов. — Один шаг сделали. Еще немного. Давай снова вес на ту ногу, что впереди. Хорошо. Теперь вторую медленно води назад. Только очень медленно. И не отрывай от балки.

Ворожцов продолжал лопотать. Говорил, говорил, говорил.

Говорил, чувствуя страх Леси.

Говорил, ощущая на себе взгляд Тимура, но не решаясь отвести глаз от ног Леси.

Говорил, чувствуя себя, как в жутком ночном кошмаре, когда рядом с тобой на краю пропасти стоит родной, близкий тебе человек, а ты ничего не можешь сделать, потому что эта пропасть между вами. И остается только с ужасом смотреть, как человек срывается и летит вниз. Бесконечно долго.

Пока не проснешься.

Нога Леси скользнула с балки на уложенный возле лестницы участок пола.

— Переноси вес на заднюю ногу, — в который раз повторил Ворожцов, чувствуя ликование. — Теперь подтягивай к себе вторую ногу. Молодец. А теперь отойди от края и больше так не делай. Мы сейчас.

Он выдохнул с невероятным облегчением и повернулся к Тимуру. Тот, похоже, тоже струхнул. На Ворожцова смотрел с восхищением.

— Ну, ботан, даешь, — сказал он. — А я...

Что он, Ворожцов не узнал никогда. Конец фразы потонул в оглушительном треске ломающегося дерева.

Он повернул голову и, как в том самом ночном кошмаре, словно в замедленной съемке, увидел проламывающиеся доски плохо настеленного пола под ногами у Леси. Брызнула щепка. Девчонка безмолвно, словно рыбак под лед, ушла под пол. А через бесконечно долгое мгновение послышался грохот падающего тела и дикий крик.

Кто из них первым сорвался с места: он или Тимур? Как они пробежали по балке? Как слетели вниз по крутой лестнице без перил? Вспомнить этого Ворожцов потом так и не смог...

Крови было много.

Кровь текла из уголков рта.

Кровь пузырями лопалась на беззвучно шевелящихся губах.

Кровь заливала грудь и живот, растекалась по полу.

Леся еще была жива. Она лежала на спине. А из живота и груди ее торчали ржавые арматурины.

«Что делать? — понеслось в голове. — Что делать? Что делать? Что делать?»

Мимо промелькнул Тимур, метнулся вперед. Склонился над Лесей. На Ворожцова посмотрел почти безумно.

— Надо ее снять с этого...

Ворожцов покачал головой.

— Нельзя трогать до прихода врача, — выдал он заученную фразу, понимая, что здесь она звучит нелепо и страшно. Впрочем, здесь и сейчас все уже было нелепо и страшно.

— Какого врача? Какого врача, Ворожцов? Нету никакого врача. Никто не придет! Никто. Тут врача даже не вызовешь. Тут даже телефон не фурычит. Самим надо. Быстрее надо. Давай же. Делай что-нибудь...

— Что?

— Надо ее снять, — повторил Тимур.

И Ворожцов сдался.

Леся показалась легкой, невесомой. Люди не бывают такими легкими. С арматуры она снялась как пластиковое колечко с детской пирамидки. Кровь продолжала течь, хотя, кажется, ее вытекло больше, чем должно находиться в организме человека.

Тимур опустился на пол...

Он сидел, уложив девчонку головой на колени. Рвал какие-то тряпки, бормотал что-то невнятное, обращаясь то к Ворожцову, то к Лесе.

Она беззвучно шлепала губами, пуская кровавые пузыри. А Ворожцов не знал, что сказать. Слова кончились. Все кончилось. Остались только пустота и страх.

Он поглядел на ПДА. Меток по-прежнему было три, но он был совершенно уверен, что очень скоро их останется две.

Вот и все.

Он так активно доказывал себе, что несет за всех какую-то ответственность.

А теперь профукал все и всех, за кого готов был отвечать.

Нет ответственности. Не за кого отвечать. И вот за это теперь придется отвечать всю оставшуюся жизнь. Не перед чужими родителями, не перед своими, не перед следователем или судом — нет. Перед самим собой, перед совестью.

От прозрения сделалось еще страшнее.

Он оглянулся на Тимура.

Тот сидел на грязном полу возле окровавленной арматуры. Лесю держал теперь на руках, как ребенка.

Девчонка затихла. Глаза закрылись, кровь больше не сочилась.

Ворожцов медленно перевел взгляд на экран, заранее зная, что там увидит.

Метки было две.

Тимур заскулил, как обиженная на жизнь собака, прижался лбом ко лбу Леси и принялся мерно покачиваться взад-вперед, словно баюкал. Зачем? Она и так уже спит.

Ворожцов отвернулся и пошел на улицу. Внутри вдруг стало абсолютно пусто. В этой пустоте не было размышлений, чувств, переживаний. Не было даже страха и усталости. Только отстраненное знание. Голые, сухие факты.

А ведь Тимур любил ее. По-настоящему. На самом деле.

А он, Ворожцов? Кого любил он? И любил ли кого-то когда-нибудь, кроме своей идеи? Может, прав был Тимур, когда говорил, что они с братом одинаковые?

Нет. Пожалуй, нет.

Но если что-то, какое-то чувство было к живой Лесе, то где это чувство теперь, когда она умерла? Почему вместо него — пустота?

Ответов не было.

Слез не было.

Ворожцов просто закрыл лицо руками и почувствовал, что его трясет.

Странно почувствовал. Отстраненно. Будто все это творилось не с ним.

Глава двенадцатая. Как в жизни

Солнце уже поднялось высоко, и тень от недостроенного дома падала во двор короткой дырявой пирамидой. Ветер притих. Улица замерла, как замирают в полдень все деревенские улочки в глубинке. Не хватало, правда, квохчущих кур, вышагивающих возле заборов, стука молотка, дымящей трубы, запаха свежекошенного сена...

Не хватало жизни.

За спиной была смерть, впереди — пустота.

Тимур встал с бетонной плиты и подхватил обрез. Не заметил, каким привычным получилось движение — рука уже запомнила его, как пальцы гитариста запоминают, где и как прижимать струны к грифу. Но гитаристу для этого нужны годы, а здесь хватило трех дней.

Три дня летних каникул, которые пролетают для детей незаметно — в маленьких приключениях или обычной лени. Три дня, ставшие для него вечностью, где звенели отголоски мыслей и голосов. Где дрожало эхо поступков, желаний и чувств.

Три дня из осколков.

Тяжесть тела Леси до сих пор стыла в руках. Говорят, человек после смерти становится чуть легче, потому что его покидает душа... Дурь это все. Жизнь, только жизнь дарит людям легкость. Смерть делает тяжелее.

Кровь с лица и ладоней он кое-как отмыл, штаны оттер, заляпанный темными пятнами свитер снял и убрал поглубже в рюкзак. Следов почти не осталось. Если бы не эти полоски под ногтями, которые после похорон Леси стали будто бы еще чернее. Умом Тимур понимал — иллюзия. Ведь на этот раз они копали не руками, а найденными среди инструментов лопатами. Умом понимал. Но глаза все равно видели: полоски стали черней, въелись.

Ворожцов окончательно замкнулся. Тимур то и дело ловил на себе его долгий пустой взгляд, странный взгляд: будто на висок падал едва тлеющий уголек — ни горячий, ни холодный. Невесомый. Почти пепел.

Они практически не разговаривали. Так, перебрасывались короткими фразами — информацией, не эмоциями. Спокойно, без надрыва.

Тимуру иногда казалось, что Ворожцов вот-вот окликнет его и начнет говорить. Говорить что-то важное, правильное...

Но Ворожцов молчал.

Лишь долго смотрел в висок.

Нужно было проверить дома по другую сторону улицы. Найти прибор. Теперь это стало навязчивой идеей, засевшей в мозгах. Просто развернуться и уйти после всего казалось как-то дико, нечестно по отношению к остальным.

Сергуня сказал бы, что они идиоты, если зашли так далеко, но не собираются добраться до этой штуковины. Наташка пожалала бы плечами и поправила прическу, но любопытство перебороло бы девичьи опасения. Мазила бы вскинулся и ввинтил очередную байку про сталкеров. Леся... Она и так оставалась с ними до конца.

При мысли о Лесе пришла боль. Почти физическая. Тимур нахмурился, закрыл глаза. В сознании теперь каждый раз срабатывал какой-то блок, когда упрямая память воскрешала образ Леси.

Память воскрешала, а сознание стирало.

Словно кто-то задерживал плотную штору, не давая разглядеть, что же там дальше.

Страшно. Как на старом детском планшете: вот он, простой и знакомый рисунок, узнаваемые черты лица, глаза, улыбка... Но только соберешься рассмотреть получше, как кто-то резким движением встряхивает игрушку, и изображение стирается.

Хлоп, и чистый экран.

— Готовь шарманку, — бесцветным голосом сказал Тимур. Слова прозвучали глухо, он словно услышал их со стороны.

— Готова, — так же глухо отозвался Ворожцов. — В крайнем доме ничего нет. В следующем — две аномалии.

Тимур поправил заметно отощавший рюкзак и пошел через улицу по диагонали к развалюхе, которую и домом-то можно было назвать с большой натяжкой. Осевший забор, потемневшие бревна, прогнившие ставни.

Ворожцов бесшумно пристроился рядом, поймал шаг. Тимур машинально отметил, что у них теперь само по себе получалось ходить слаженно — чуть ли не синхронно ускоряясь и притормаживая, останавливаясь как по команде. Одновременно поворачивая и меняя траекторию, будто не просто шли два человека рядом, а были связаны короткой веревкой. Они стали интуитивно чувствовать друг друга. Иногда Тимур угадывал предупреждение Ворожцова за секунду до произнесенного слова, а тот, в свою очередь, замирал, ловя какой-то неосознанный Тимуров жест.

Наверное, так ходят напарники, всерьез притертые один к другому.

Метрах в пяти от дома Тимур остановился. Прислушался. Даже не к внешним звукам, а скорее к внутреннему голосу.

Нет. Все-таки между ними пропасть. Хоть Ворожцов и повторил его маневр с точностью робота. Хоть и стоит вот в шаге, дышит в такт. Хоть сердца их, может быть, и отстукивают одинаковый ритм...

Все равно — пропасть.

Глубиной в три дня.

Шириной в четыре смерти и две жизни.

Говорят, настоящие испытания сближают людей, делают их друзьями навек. Дурь. Невозможно крепко сцепиться оборванными краями судеб. Нельзя жить в лохмотьях общей памяти.

Дурь это.

А реальность вообще слепа к таким восторженным откровениям.

Тимур снова почувствовал на виске уголек взгляда. Не стал поворачиваться. Зачем?

Он просто поднял обрез и двинулся вперед, к темному дверному проему. Ворожцов тенью скользнул следом...

Или это Ворожцов пошел, а Тимур, как тень, прыгнул ему под ноги? Ведь солнце как раз сзади...

Какая разница.

В голову лезла какая-то ерунда, долбили посторонние мысли, заглушая ледяной хруст пустоты. Смахивая крупы памяти, как «дворники» сметаю капли дождя с лобового стекла машины в ненастный день.

Прежде чем переступить порог, Тимур притормозил. Включил налобник и встряхнулся. Нужно было сосредоточиться. Лезть вперед в таком состоянии опасно.

— Ты чего? — спросил Ворожцов.

— Мозги на место ставлю. — Тимур с силой провел ладонью по лицу, словно хотел вместе с пылью и потом стянуть какую-то надоевшую маску. Глубоко вздохнул. — Сам готов?

— Да.

— Пошли.

В крохотных сенях почти ничего не уцелело — обрывки тряпья, битая посуда, ржа, плесень, гниль. Внизу чернел подпол, пройти к комнате можно было только по единственному уцелевшему бревну.

Придерживаясь левой рукой за низкую притолоку, Тимур добрался до двери и почувствовал, какая она сухая в отличие от влажной балки. Из комнаты явно веяло теплом.

— Там? — уточнил он, не оборачиваясь.

— Да, обе, — подтвердил Ворожцов. — Похоже на...

Тимур дернул дверь, и деревянная ручка с противным треском осталась у него в кулаке. Закачавшись на бревне, он едва не сверзился в подпол. Луч налобника заплескал по покрытой иссохшим белесым налетом стене.

Восстановив равновесие, Тимур уперся рукой с обрезом в потолок и саданул по двери ногой. Дряхлые доски не выдержали, проломились под тяжелым ботинком. Часть косяка рассыпалась в мелкую щепу, половина полотна со скрипом ушла внутрь и обвалилась.

В лицо моментально ударил теплый, сухой воздух, по глазам резанул свет. Тимур зажмурился, прикрылся ладонью.

Угол дома давно просел и обрушился. Половина комнаты была завалена обломками крыши и потолочных балок. А за всем этим нагромождением мерцали знакомые желтые огоньки.

Две аномалии. Точно такие они уже встречали в ангаре, когда столкнулись с гигантским хищником.

— Вряд ли пенсионеры ставили свои опыты здесь, — проворчал Тимур, осторожно разворачиваясь в проеме. — Зря лезли. Можно было вообще снаружи обойти.

— Кто ж знал, — откликнулся Ворожцов.

Его силуэт двинулся и замер на фоне светлого пятна входной двери. Тревожно зажужжал наладонник.

— Еще аномалия? — поинтересовался Тимур.

— Нет, это на сканере, — ответил Ворожцов. — По улице кто-то идет.

Тимур с удивлением отметил, что известие о появлении на радаре незнакомца — будь то человек или зверь — не произвело на него почти никакого эффекта. Ни дрожи в коленях, ни прошибающего внутренности холода, ни озноба, ни мурашек на спине.

Тот, кто был снаружи, не пугал его — просто вызывал рациональную осторожность. И это было совсем новым ощущением, вовсе не беспечности или равнодушия, как могло показаться сначала.

Отнюдь. Это было ощущением превосходства.

Короткий укол всесилия заставил сердце сжаться, но чувство быстро ушло. Опасное чувство, граничащее с безрассудством.

— Далеко? — спросил Тимур.

— Метров пятьдесят. — Голос Ворожцова тоже был ровным. Совсем не похожим на знакомый лепет ботана. В нем скользила та же тихая, почти безумная уверенность надломленного человека, как в самом Тимуре. — Я выхожу.

— Стой, — жестко осадил Тимур. — Подожди.

— Чего? — не понял Ворожцов. — Ты за мной. Я слежу за перемещением, ты прикрываешь. Как обычно.

— Нет, не как обычно, Ворожцов, — покачал головой Тимур, и луч фонарика повторил его движение. — Нет никакого «обычно», понимаешь? Нет, не было и не будет.

Тот обернулся, и Тимур наконец поймал его взгляд не виском, а глазами. Пустой, перегоревший взгляд. Не уголь. Пепел.

— Почему? — просто спросил Ворожцов, практически не шурясь на свет налобника. — Почему это не как обычно, а, Тимур?

На ПДА в его руке мерцала точка, приближаясь к центру экрана.

Тот, кто идет по улице, вот-вот поравняется с их домом, окажется совсем близко...

— Потому что если ты сейчас выйдешь и сыграешь в храброго бойскаута, — проговорил Тимур, подбирая слова, которые падали с языка тяжелыми каплями, — то наша затея провалится.

— Почему? — настырно повторил Ворожцов. В его тоне прорезался холодный вызов. — Грохнешь его, найдем прибор. Сделаем то, зачем пришли. Ничего не провалится.

— Нет, Ворожцов, — с нажимом ответил Тимур. — Если ты сейчас выйдешь, то никакой прибор не поможет. Понимаешь?

Тот понимал, Тимур видел по глазам. Но за пониманием дрожал остывший пепел безразличия и немного отчаяния. Он уже наблюдал такой взгляд — взгляд переломанного неудачами человека, жившего рухнувшей в одночасье идеей. На кухне, по ту сторону ополовиненной бутылки.

Он даже посмеивался над причудами ученого, не осознавая трагедии...

— Я похож на брата? — спросил Ворожцов, и чужая улыбка тронула его бледные, потрескавшиеся губы. — Похож, да?

— Ты похож на тряпку, — припечатал Тимур, стиснув зубы. Выцедил: — А если выйдешь, тебя порвут до конца.

— Все еще играешь во взрослого, — печально усмехнулся Ворожцов. — Не надоело?

Пропать.

Глубиной в три дня.

Шириной в четыре смерти.

И две жизни.

Тимур, рискуя упасть с бревна, подошел к Ворожцову и положил ему ладонь сзади на шею. Притянул и упер лбом в свой лоб, сворачивая фонарик на сторону. Сжал попавшую в пальцы шевелюру, стиснул.

— Опомнись, Женька, — сказал он и вдавил башку упрямого ботана в свою собственную с такой зверской силой, будто хотел, чтобы у того лопнул череп. — Опомнись. Там никого нет.

Три дня.

Четыре смерти.

Всего две жизни.

И пустой экран наладонника...

Тимур так и не понял, куда делась метка на сканере. Просто исчезла, и все. Они с Ворожцовым вышли из дома, и через минуту он уже не был уверен, что эта метка вообще появлялась на ПДА.

Тихая улица, слепящее солнце.

Здесь, в Зоне, не все так просто, как кажется на первый и даже на второй взгляд.

Тут лучше доверять обыкновенным болтам, чем самому современному оборудованию. Зона показывает не всегда то, что ты готов увидеть. Иногда она пугает миражами, плетет вокруг узор из бритвенно-тонких линий, за которыми совсем не то, чего ждешь.

Перед глазами возник образ Леси. Память услужливо дорисовала и без того знакомые черты. Красивая, самая красивая в классе...

Тимур опустил веки.

Хлоп, и пустота.

Некоторое время они стояли и прислушивались к тишине. Ворожцов озадаченно переключал приложения на ПДА, искоса поглядывал на Тимура, соображал что-то.

Пусть соображает. Полезно. Здесь нельзя расслабляться ни на миг. Даже если кажется, будто все плохое, что могло случиться, уже случилось, и хуже быть не может.

Может.

Тут все гораздо сложнее, чем кажется. Тут никто не ограничивает твои действия. Тут свобода. Тут ты сам себе творец. Что может быть хуже?

— Как ты понял? — наконец решился спросить Ворожцов. Ну, про то, что метка пропадет?

— Не знаю, — ответил Тимур. — Уверен, что она вообще была?

Казалось бы, этот встречный вопрос должен был окончательно загнать Ворожцова в тупик, но тот лишь нахмурился еще сильнее. Значит, тоже не уверен. Значит, эта метка действительно могла существовать только в их воображении. Но как?

— Не могло же нам одновременно почудиться, — задумчиво предположил Ворожцов, словно услышал Тимуровы мысли. — Или... могло?

— Фиг знает, — пожал плечами Тимур, не сводя с него глаз. — Ты у нас умник.

— Не хотел тебе говорить... — Ворожцов замаялся на секунду, но потом продолжил: — Я давно заметил одну странность. С тех пор, как мы переплыли через реку, стали происходить некоторые вещи...

— О, ты тоже заметил? — не удержался от подначки Тимур.

— Не, ты не понял, — отмахнулся Ворожцов, не обратив внимания на иронию. — Я не о мутантах с аномалиями. Некоторые вещи, они как бы не просто происходят...

— Типа, нам что-то подбрасывают и смотрят, как выкручиваться будем? — подыграл Тимур.

— Вроде того, — кивнул Ворожцов. — Даже не то чтобы выкручиваться, а просто — какотреагируем... Игрушки те, зверюга в ангаре, экскаватор... Теперь вот — эта метка на сканере.

— Я тоже сначала так думал, — признался Тимур. — Только потом понял: нет здесь никакого сверхума или еще чего. Никто нас не изучает, никому мы на фиг не сдались.

Ворожцов оторвал взгляд от экрана и уставился на Тимура. Показалось, или за дрожащим пеплом снова затлел уголек?

— А что же тогда? — с какой-то легкой обидой в голосе спросил он. Ага, не привык умник оказываться в роли непонимающего.

— А ничего, — покачал головой Тимур. — Оно просто происходит, и все. А смысл мы уже сами выдумываем. Кто во что горазд.

— Как в жизни, — сорвалось с губ Ворожцова.

— Как в жизни, — эхом отозвался Тимур. — Ну что, отпустило, бойскаут?

— Более-менее.

— Пошли.

Следующий дом оказался полон ржавых нитей, свисающих с потолка. От этих косм детектор зашкаливало: светлые пятна сливались в единую массу, словно вся изба была наполнена одной бесформенной аномалией до краев.

Тимур бросил болт. Железка пролетела сквозь первую завесу и увязла в следующей. Косматая ржавчина никак не отреагировала.

Ворожцов отстранил его, подошел ближе и осторожно попробовал сунуть в рыжие лохмотья палку. Ничего.

— На драные занавески похоже, только из проволоки, — хмыкнул Тимур. — И ноль реакции.

— Больше поросль какую-то напоминает, — не согласился Ворожцов. — Подожди-ка...

Он отошел к забору, сорвал кустик лебеды и вернулся. Бросил на лохмотья. Раздалось еле слышное шипение. Листья, соприкоснувшиеся с рыжими нитями, моментально пожухли, стебель покрылся ожогами.

На порог упали скукожившиеся остатки кустика.

— Хм, как раскозявило. — Тимур выпятил нижнюю губу и рефлекторно отступил на шаг. — Если б мы сунулись, было бы не круто.

— Похоже на химический ожог, — сказал Ворожцов, обходя дом со стороны и поддевая приколоченную ставню. — Помоги. В окно глянем, если прибора там нет, пойдем дальше.

Прибора в заросшей нитями комнате не оказалось. Обстановку сквозь мутное стекло разглядеть не удалось, но и без того было ясно: ставить эксперимент в таких условиях не решился бы даже сумасшедший. Да и аномалия явно не та.

— Сколько еще осталось? — спросил Тимур.

— Чего «сколько»? — не сообразил Ворожцов.

— Домов прочесать.

— А-а... Три штуки. В следующем одна аномалия, и дом неплохо сохранился. Надеюсь, там.

Соседний с «косматым» дом и правда выглядел крепким. Но, как выяснилось, только снаружи. Изнутри его словно взбили миксером: о существовании межкомнатных дверей напоминали только огрызки коробок в проемах, вся мебель была переломана, утварь искореженными ломтями валялась по углам. В толстых бревнах торчали мелкие осколки посуды и зеркала.

А посреди большой комнаты едва уловимо дрожал воздух. Под потолком медленно кружила пуговица от разодранной в лохмотья подушки. Перекошенная картина торчала в разбитом окне, словно ее задуло туда мощным ураганом. Только не снаружи, а изнутри.

При виде вихреобразной аномалии Тимура невольно передернуло. Что-то подобное убило Сергуню.

— Пошли отсюда, — попросил Ворожцов. — Не то.

— Не мог этот смерч прибор твой разнести? — уточнил Тимур, пятясь к выходу.

— Вряд ли, — ответил Ворожцов. — Аномалия должна быть совсем не такой.

— А какой?

— Точно не знаю, но не такой. Брат говорил, она совсем не похожа на остальные. А эта... Она как...

— Да, я помню.

Тимур быстрым шагом покинул дом и через двор вышел на улицу. Дождался Ворожцова, прежде чем идти дальше. Окинул взглядом два оставшихся дома: едва возвышающаяся над травой хибара, каким-то чудом еще не ушедшая под землю полностью, и одноэтажный домик с верандой.

— Сколько в этих? — поинтересовался он у подошедшего Ворожцова.

— В землянке одна аномалия, а в том, с верандой, три штуки, — сказал Ворожцов. — Скорее всего в нем и...

Зажужжал ПДА.

— Что? — Тимур заглянул через плечо Ворожцова. По экрану медленно плыла мерцающая метка. — Опять глюки?

— Я не знаю, — тихо сказал тот и резко обернулся. — А если не глюки?

Тимур всмотрелся в залитый солнечным светом конец улицы. Недостроенный дом, дырявая тень от него в форме пирамиды, груды битого кирпича и строительного мусора. Где-то там осталась Леся...

Как только в памяти всплыл знакомый образ, сознание вновь щелкнуло и стерло картинку.

Хлоп, и нет ее.

Только улица тонула в поросшем бурьяном пустыре с остатками покосившегося забора. Когда-то там были огороды, а теперь торчали огрызки досок, и колыхалась от легкого движения воздуха трава...

Неправильно она колыхалась в одном месте. Против ветра.

— Видишь? — Тимур сглотнул и перехватил обрез. — Там, у забора.

— Да, — кивнул Ворожцов. — Не глюки.

Слепая собака вышла на дорогу неспешно: без опаски, но и не торопясь бросаться вперед. Повела уродливой мордой сначала в одну сторону, потом в другую, будто принюхивалась. Тимур обратил внимание, как Ворожцов машинально прижал к боку покусанную руку и засопел.

— Одна? — косясь на ПДА, уточнил Тимур.

— Вроде бы.

В голосе Ворожцова больше не было того безумного пофигизма, который так испугал Тимура в доме с проваленным полом. Ботан снова боялся, и это в данном случае обнадеживало. По крайней мере не станет без повода кидаться грудью на амбразуру.

Псина опустила башку к земле и безмолвно потрусилась вперед, словно взяла след. Тимур живо дернул в сторону с дороги. Ворожцов как привязанный мотнулся следом.

— Пропустим? — спросил Тимур, прижимаясь к столбу и ведя стволом цель. — Или шарахнуть?

Ворожцов неотрывно следил глазами за тварью и сопел. Кажется, в тот момент ему было по барабану, как избавиться от присутствия псины — лишь бы поскорее. Да уж, советчик.

— Если к нам повернет, пальну, — прокомментировал Тимур скорее для себя, чем для Ворожцова. — А пойдет прямо — так и пусть чешет. Скатертью дорожка.

Палец застыл на спусковом крючке. Тимур плавно вел обрезом слева направо. Слепая псина рысцой двигалась по улице, приближалась.

Когда тварь поравнялась с ними, она на секунду замедлила бег. Повернула к Тимурову изъеденную язвами морду и коротко оскалилась. Но не рыкнула, не гавкнула. Даже не фыркнула.

Псина будто бы усмехнулась ему в лицо и потрусилась дальше.

Тимур провожал стволом собаку до тех пор, пока она не скрылась из виду, и только после этого опустил обрез. Убрал затекший палец со спускового крючка.

— Ушла вроде, — сипло сказал он, прокашлялся. — Ушла?

— Да, — отозвался Ворожцов, глядя на экран. На лбу у него выступил пот.

— Ты нормально? — спросил Тимур.

— Сойдет. — Ворожцов осторожно подвигал перевязанной рукой. — Аж рана заболела. Как почувствовала, зараза.

— Я слышал о таком, — кивнул Тимур. — Психомоторика, что ли...

— Сам ты психомоторика, — проворчал Ворожцов, переключая ПДА на детектор. — Пойдем, землянку проверим.

Лачугу обследовали больше для галочки, чем с реальной надеждой на то, что прибор окажется в ней. Избенка дышала на ладан, и Тимур даже не рискнул забираться внутрь: только пригнулся, держась за остатки крылечного козырька, и посветил фонариком в просевший вход.

— Там мне одному не развернуться, не говоря уж о троих ученых, — разгибаясь, сказал он. — И аномалии никакой не видно. Ты напутал, что ли?

— Аномалия есть, — ответил Ворожцов, показал четкую точку на детекторе. — Ты не заметил, наверное.

— Да вроде фонариком светил.

— Если электрическая, то в свете ее, наоборот, хуже видно.

Тимур выключил налобник и снова нагнулся. Дал глазам привыкнуть, всмотрелся. Где-то в глубине развалившейся избенки действительно кружили несколько мерцающих огоньков, слегка разгоняя тьму. Только в отличие от желтых, которые вились над огненными скороварками, у этих был голубоватый оттенок.

— Да, похоже на электрическую, — обернулся он. — Но, насколько я понимаю, это никак не наш вариант?

— Не наш, — согласился Ворожцов. — Методом исключения получается...

Он указал на соседний дом с верандой.

Лезть через одряхлевшие дворовые постройки и раскисшую канаву возле перекошенной ограды было опасно. Тимур решил обойти с улицы. Они вернулись на дорогу, прошли метров пять и остановились перед железными воротами.

Не крепость, но дверь вполне надежная. Жестяной забор по обе стороны давно проржавел и изогнулся, хотя прорех в нем не было.

Тимур дернул калитку. Заперто. Он отошел от ворот и пнул ногой крайнюю секцию забора. Громыкнуло. Рыжая труха сыпанула на землю, но забор устоял. Мало того: острый железный край отошедшего листа едва не пропорол ботинок.

— Огрызается.

Тимур отступил на шаг и с размаху врезал каблуком в самый центр ржавого листа. Звук получился громче, трухи осыпалось больше, ногу отпружинило сильнее, но результат оказался все таким же — нулевым.

— Хватит долбить, — сказал Ворожцов и двинулся вдоль забора. — Наверняка есть какой-нибудь лаз.

— Ищи свой лаз, — обронил Тимур и в третий раз саданул по строптивой секции, вложив в удар весь свой вес.

Нога провалилась вместе со слетевшим листом, и Тимур чуть не впился лбом в поперечину. В последний момент успел выставить руку и ухватиться за соседнюю секцию. Замедлить падение получилось, остановить полностью не удалось. Инерция оказалась слишком велика, и Тимур вместе с рюкзаком повалился на выбитый ржавый лист.

Тут же вскочил, громыхая, и уперся взглядом в недовольную рожу Ворожцова. Тот укоризненно смотрел через прореху в заборе и качал головой.

— Чего уставился? — набычился Тимур, поправляя рюкзак.

— Отлично загримировался. — Ворожцов поводил пальцем возле щеки, намекая на перемазанную физиономию самого Тимура. — Только зря старался: вся маскировка насмарку после такого грохота.

— Смотрю, чувство юмора прорезалось, — сказал Тимур, вытирая рукавом перепачканное в ржавчине лицо. — Вовремя оно у тебя, ничего не скажешь.

— Нос вытри, — посоветовал Ворожцов.

— А ты под носом, — вернул Тимур.

Ворожцов машинально провел кулаком над верхней губой — жест получился дурацким.

— Тыфу на тебя, — улыбнулся он.

— Подобрал сопли? — Тимур тоже беззлобно усмехнулся. — Ладно, готовь шарманку и пошли. Надеюсь, прибор твоего брата здесь.

Пол на веранде, как ни странно, оказался цел, хотя и захламлен. Навес тоже сохранился почти полностью, лишь самый его угол обвалился вместе с рваным куском рубероида и проржавевшей водосточной трубой.

На входной двери лохматились остатки обивки. Вдоль косяка угадывалась нехитрая резьба, гласившая, что некий Гриша тут любил некую Клаву в июле 1983-го. На толстых скобах висел амбарный замок.

Тимур дернул за ручку, хотя и так было видно, что скобы вколочены глубоко, а доски не гнилые.

— Тоже пинать будешь? — полюбопытствовал Ворожцов.

— Не буду, — ответил Тимур. — Глянь, ставни наглухо забиты?

Ворожцов осторожно прошелся по скрипучей веранде, оглядывая большие заколоченные окна, попробовал одну из досок на прочность и вернулся.

— Наглухо. Может, с торца обойдем?

— Не, собью замок.

— Как?

— Громко. Все равно нашумели уже. Ну-ка, отойди подальше, а то скрикошетит еще...

Ворожцов засопел, но возражать не стал, отодвинулся от двери. Тимур тоже отступил на шаг, прицелился не в сам замок, а ближе к одной из скоб, и, рефлекторно прищурившись, надавил на спусковой крючок.

Шарахнуло так, что уши заложило. Обрез дрогнул в руках. Вправо брызнул целый фонтан мелкой щепы, что-то с неприятным свистом отскочило и дзенькнуло по краешку водосточной трубы. Запахло пороховой гарью.

Тимур запоздало отпрянул, хотя в общем-то напрасно: в них с Ворожцовым ничего не отлетело. Вместе с замком выстрелом снесло часть двери и нижнюю половину косяка. И теперь было не ясно, кто любил неизвестную Клаву в июле 1983-го.

Тимур поморгал, разогнал рукой едкий дым, перезарядил обрез. Подцепил стволом дверь. Скрипнуло.

— Прошу, — приглашающе повел он рукой и включил налобник. — Шарманщики — вперед.

Ворожцов знакомо передернул плечами, выставил перед собой ПДА и исчез внутри дома. Позвал почти сразу:

— Здесь темень. Иди, свети.

Тимур аккуратно подвинул Ворожцова и переступил порог.

Тут и сеней-то не было, скорее — просторная прихожая-столовая с двумя коридорами, ведущими в комнаты. В углу ржавел холодильник, на прибитых к стене полках рядами стояли пузатые банки со вспученными крышками и давно сгнившим содержимым, на столе под слоем пыли угадывался клетчатый узор клеенки.

— Дальше, что ль, аномалии? — спросил Тимур.

— Одна в ближней комнате, а еще две... — Ворожцов взгляделся в экран ПДА, жутковато подсвечивая им лицо. — Не пойму. Две аномалии прямо перед нами.

— Где? — замер Тимур и медленно повел головой из стороны в сторону. Воздух не дрожал и не плавился. — Не вижу.

— На потолок посвети, — прошептал Ворожцов.

Тимур поднял голову, луч уперся в два мутных пятна. Не будь рядом бдительного Ворожцова с детектором, он бы их и не заметил, пока не... Тимур, честно говоря, представления не имел, как действуют эти штуковины.

На вздувшейся желтыми волдырями побелке висела пара бурдюков. Их словно бы приклеили к потолку. Набрякшие, бурого цвета, склизкие на вид. Раскинувшие вокруг себя мельчайшие блестящие паутинки. Мерзкие.

— Только не вздумай по ним палить, — быстро предупредил Ворожцов. — Мало ли что.

— Да уж не дурак, — фыркнул Тимур и двинулся по дуге, с хрустом давя что-то на полу. — Обойдем вдоль стены, дел-то на раз-два.

— Ты осторожней, раз-два, — осадил Ворожцов, ступая следом и не спуская глаз с бурдюков. — В комнату войдешь и тормози.

Слушая его увещевания, Тимур добрался до короткого коридора и, прижавшись спиной, обогнул угол. Нащупал рукой дверь, толкнул — хорошо хоть здесь оказалось не заперто.

Он шагнул в комнату и чуть не споткнулся на неожиданно высоком пороге. Чертыхнулся. Бросил через плечо:

— Носом не клюнь!

— Ага. — Ворожцов вошел и остановился. — Ну?

Тимур окинул взглядом пустой центр комнаты. Потом догадался и так же, как в прихожей, перевел луч на потолок. Бурый бурдюк здесь выглядел посолидней: висел конусом вокруг провода и охватывал сеточкой паутины всю верхнюю половину люстры.

В дальнем конце комнаты виднелась тумбочка с пластинками, на которой пылился прикрытый пластиковой крышкой проигрыватель. На стене застыли часы. По полу был разбросан целый ворох пожелтевших журналов. У стены стояли две сдвинутые пружинные кровати без матрацев. На одной из провисших сеток лежал старый фотоаппарат. Короткий объектив был прикрыт крышкой.

— Фотик, — констатировал Тимур.

— А... прибор? — Ворожцов огляделся.

— Может, в другой комнате, — предположил Тимур, чувствуя, как неприятный холодок неудачи заползает внутрь. Тупо добавил: — Ты же говорил: на штативе. Раз есть фотоаппарат, должен быть штатив.

— Аномалия не та, — упавшим голосом произнес Ворожцов. — Там должна быть энергетическая, одна-единственная... А тут три каких-то слизняка.

— Что же получается? — выцедил сквозь зубы Тимур. — Зря все? Зря все...

Он не договорил, чувствуя, как в горле застрял комок.

— Наверное, мы ошиблись, — пробормотал Ворожцов. — Значит, не все дома еще обошли.

— Сам же говорил, что аномалии только в этой части деревни!

— Нужно еще раз проверить...

Тимур мотнул обрезом в сторону выхода. Велел:

— Пошли-ка на улицу.

Ворожцов прищурился и потыкал пальцем в экран наладонника, словно там можно было погуглить и найти ответы. На ПДА высвечивалась окружающая картинка: три аномалии на детекторе, две метки на сканере. И всё.

— Пошли, — повторил Тимур уже спокойнее. — Нечего в темноте тупить.

— Ты прав, — согласился Ворожцов. — Давай на улицу, там разберемся.

Перед тем как выйти, Тимур все же проверил дальнюю комнату. Но ни треноги, ни прибора там не обнаружилось. Он вернулся в прихожую, подсвечивая себе и Ворожцову, обогнул пару так и не проявивших себя бурдюков и вышел на веранду. Дал глазам привыкнуть к солнечному свету, двинулся к вышибленному листу жести в заборе. Ворожцов поспешил за ним.

— Ну и где твой прибор? — раздраженно спросил Тимур, останавливаясь посреди дороги и разводя руками. — Где, умник? Может, за столбом не видно? Или в канаве твой братец его спрятал?

— Не кипятись. — Ворожцов был чернее тучи. — Я помечал все дома, которые мы проверили. Сейчас посмотрим.

Тимур повернулся.

Ворожцов уменьшил масштаб карты и тихонько вел пальцем вдоль схематичной улицы — сначала с одной стороны, потом с другой. Бубнил себе под нос.

А Тимур не мог оторвать взгляда от черной полоски под ногтем на указательном пальце.

Такой же, как у него.

Три дня, и эти чертовы полоски под ногтями...

Нет уж! Теперь они найдут этот проклятый прибор!

— Мы проверили все. — Ворожцов поднял глаза на Тимура. Во взгляде застыло непонимание. — Я не знаю, где еще могли проводить эксперимент.

— Дай сюда шарманку. — Тимур отобрал ПДА и уставился на карту. Схематичные домики двумя параллельными рядами горели на темном фоне. Во многих мерцали метки аномалий. — Как тут еще отдалить?

— Вон ползунок, — показал Ворожцов. — Ты же вроде позавчера по такой же карте шел...

— Не гунди. — Тимур двинул ползунок, меняя масштаб. Теперь он видел всю деревню целиком. — Так, здесь что?

— Это крайние дома, — объяснил Ворожцов. — Вот в этом мы ночевали.

— Ага, понял. — Тимур повертел головой, соотнес изображение с окружающей местностью. Вновь уткнулся в экран. — Погоди-ка, а это?

— Где? — нагнулся Ворожцов.

— Да вот же, пес слепой... — Тимур осекся и шмыгнул носом. — Извини. Вот, на отшибе совсем.

Оба подняли головы и синхронно обернулись. За трухлявой крышей просевшей хибары виднелся цилиндр водонапорной башни. А ведь Тимур приметил ее еще вчера вечером, с пригорка...

— Водонапорка! — воскликнул Ворожцов. — Ее не проверяли!

— Не спеши радоваться, — осадил его Тимур. — На карту глянь, там нет аномалии.

— Башня слишком далеко отсюда, детектор не добивает. — Ворожцов забрал ПДА из руки Тимура. — Пошли.

Как только башня появилась на детекторе, стало ясно: аномалия возле нее есть. Одна, мощная, ярким пятном горящая на фоне остальной тусклой россыпи.

А еще там была радиация.

Водонапорка излучала, и излучала нехило. Странно, что на карте это место отмечено не было — ни как опасное, ни вообще как объект, достойный внимания. Никак. И Ворожцов-старший ни разу не упоминал в своих пьяных рассказах, что на месте эксперимента такая суровая радиация.

Счетчик затрещал еще на подходе, метров за тридцать.

— Стой, — предупредил Ворожцов, придерживая Тимура. — Башня фонит.

— И что? — нахмурился Тимур. — Здесь много чего фонит. Рентгеном больше, рентгеном меньше... И так уж нахватались на год вперед.

— Вот именно, — кивнул Ворожцов.

Тимур повернулся к нему. Внимательно посмотрел исподлобья. Тихо спросил:

— Я что-то не пойму, ты расхотел туда идти?

— Нет. — Ворожцов ответил на взгляд, хотя уверенности в голосе не было. — Но придется делать все очень быстро.

— Сколько у нас времени?

— Точно не знаю. Минуты три. Может, пять. Потом... если не успеем или не получится... Нужно будет быстро уйти.

— Значит, у нас есть одна попытка.

— Значит.

Тимур еще некоторое время держал взгляд Ворожцова, потом моргнул. Не потому, что тот его переглядел. Вовсе нет...

— Готов? — привычно спросил он и скинул рюкзак на траву.

— Кажется, — кивнул Ворожцов. Тоже снял рюкзак, поморщившись от боли в руке. — Да, готов.

— Тогда заводи чертову шарманку... И бегом!

Тимур рванул через бурьян. Он старался смотреть под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть. Среди кустиков мелькали валуны, под подошвами хрустели прошлогодние стебли. Но скоро трава стала редеть, и Тимур выбежал на песчаную площадку.

Башня была крупнее, чем казалась издали: метров десять в высоту, а то и больше. Из нижней ее части торчал огузок толстой трубы с намертво прикипевшим вентилем, вдоль железного бока поднималась вторая труба — совсем тонкая, проржавевшая насквозь.

А рядом, за прутьями ограды, белела кирпичная пристройка.

Возле забора, с внешней стороны, лежал разложившийся труп с клочьями седых волос на черепе. Второе тело валялось на пороге мастерской.

— Умники-ботаники? — не разобравшись, спросил Тимур.

— Нет, — отозвался Ворожцов, притормаживая. — Один прямо рядом с прибором умер, второго брат уволок.

— О как! — удивился Тимур. — Значит, кто-то еще приборчик врубал?

— Наверно. — Ворожцов восстановил дыхание и покосился на седовласого. — Откуда им было знать, что это за штуковина и как она настроена...

— То-то я гляжу, как их в глубокий пенсионный возраст вогнало, — кивнул Тимур и сплюнул, чувствуя, как его начинает подташнивать. — Сколько времени прошло? Ты не засек?

— Не засек. Минута или больше уже...

— А где аномалия? — спросил Тимур, со скрежетом отворяя решетчатую калитку.

— Там же, где прибор, — мотнул головой Ворожцов. — Внутри.

Тимур хотел включить налобник, но увидел, что внутри горит свет. Замедлил шаг.

— Что за хрень?

— Аномалия, — сказал Ворожцов. — Заходи уже.

Тимур переступил высохший труп, распластаный на пороге, и вошел внутрь. Здесь действительно когда-то была мастерская местного плотника или слесаря. А может, и того, и другого в одном лице. По левую руку стоял искромсанный стамесками и временем верстак. Вдоль стен темнели круги для циркулярок.

Посреди мастерской возвышался трехногий штатив с причудливым прибором, напоминающим телекамеру. А за ним переливалась радужным сиянием аномалия. Завораживающая. Будто живая. Таких Тимур еще не видел.

Рядом со штативом белели кости. По всей видимости, это были останки ученого.

Ворожцов встал рядом.

Дошли.

Продрались, чтобы воплотить в жизнь сумасшедшую идею, возникшую на перемене в школьном туалете.

Они хотели всего лишь немного повзрослеть, чтобы предки не шпыняли, как маленьких, чтобы девчонки воспринимали всерьез, чтобы...

Тимур засомневался.

Перевел взгляд на чернеющий на фоне перламутрового марева прибор.

Одно движение.

Хлоп, и Тимур станет на пару лет взрослее.

И отец больше не будет тюкать его всякими боксами и армейскими приколами, а мать перестанет наконец воспринимать как несмышленного сыночка, которого надо пристроить в хороший вуз.

Хлоп...

Тимур вздрогнул. Перед глазами возник образ Леси. Яркий, пугающе знакомый, он проступил сквозь сияние аномалии, вырвался из памяти и вломился в сознание, разрушая все преграды и снося к чертовой матери все блоки. Образ вихрем влетел в сердце. Заполнил собой все вокруг.

Тимур почувствовал, как дрогнули веки, роняя на щеки обжигающие слезы.

— Минута, — громыхнул в ушах голос Ворожцова. — Пора.

— Да, — неслышно сорвалось с губ Тимура. — Успею.

Он поднял дробовик, ставший вдруг легким, как игрушечный, и выстрелил. Оглушительно громыхнуло. Дробь снесла ножку штатива и ушла в угол. Прибор крутанулся, рухнул на пол.

Тимур переломил обрез. Подцепил теплую гильзу, чувствуя как полоски застрявшей под ногтями земли наконец крошатся. Вставил новый патрон. Защелкнул. Взвел курок.

Грянул второй выстрел. Дробь отщипнула от пластикового корпуса краешек и заставила прибор бешено завертеться на месте.

Тимур снова переломил обрез. Вынул гильзу, вогнал патрон.

Хрясть.

Щелк.

Ворожцов не мешал ему. Просто стоял рядом и тоже смотрел в радужную пелену, видя в ее завораживающей глубине что-то свое.

Вот и круто.

Пусть видит.

Тимур в третий раз поднял ствол и нажал на спусковой крючок. Громыхнуло. Свинцовым шквалом прибор разнесло на куски и швырнуло в центр аномалии.

На миг Тимуру показалось, что сквозь звон в ушах он услышал чей-то разочарованный вздох...

А потом радужная бездна взорвалась призрачно-белым сиянием. И даже через закрытые веки Тимур увидел, как из этой ослепительной бесконечности на него с улыбкой смотрит она.

Добрая, умная, чуть застенчивая.

Самая красивая в классе.

Эпилог

Шаг. Шаг. Еще шаг.

Они выходили одинаковыми, как удары метронома. Гулко отдавались в пустоте. Нет, не в той пустоте, что снаружи: вокруг мелькал ставший уже привычным странноватый пейзаж. Эхо шагов громыхало в той пустоте, что заполнила все нутро Ворожцова и не желала уходить. Словно прописалась.

«Прописалась», — зацепилась на мгновение мысль.

Значит, это навсегда.

Неужели это навсегда?

Ворожцов украдкой посмотрел на Тимура. Тот шел в двух шагах от него. Подавленный. Необычайно задумчивый. Такого Тимура Ворожцов прежде не видел. Он как будто понял что-то или был на пороге понимания.

Как будто.

Ворожцов и сам как будто что-то осознал. Какое-то время он даже был уверен в своем знании. Оно казалось нехитрой истиной, до которой так просто и так сложно дойти. Ведь живут же люди всю жизнь и не доходят, а он дошел.

Но все вокруг зыбко, даже истина. То, что еще вчера было выстрадано и казалось непогрешимым догматом, сегодня расшибалось в прах. Может быть, это самый главный догмат — нет никаких догматов?

Только что тогда дальше? Как дальше? Куда?

Он прожил чуть больше пятнадцати лет. И еще три дня.

Эти три дня перекорежили все, с чем он существовал предыдущие пять с половиной тысяч дней своей жизни. Три дня назад были цели, желания, чувства. Сейчас не было ничего. Только пустота внутри и зыбь под ногами.

Три дня назад были друзья...

* * *

...Ворожцов выскакивает на перрон, оглядывается. Номер вагона он знает, но теперь надо понять, откуда эти вагоны считают: от головы поезда или от хвоста. Сосчитать он не

успевают. Слева над толпой взлетает к небу рука, машет приветственно. В этом взмахе есть что-то особенное. Нарочито взрослое и оттого совсем несерьезное. Наивное.

Подтянув сползающую лямку рюкзака, Ворожцов поворачивает налево.

Встречающие, провожающие, уезжающие, приезжающие, торгующие, попрошайничающие — вокзал живет обычной жизнью. Он идет сквозь эту жизнь, потому что видит цель. Впрочем, об этом он даже не задумывается.

Подходит к стоящей возле вагона тройце. Мазила опускает наконец длинную руку с широкой ладонью и радостно улыбается:

— Привет.

Ворожцов пожимает ему руку. Затем Тимуру. Сергуне. Блондинчик ухмыляется, но молчит. Видно, не придумал еще, как поддеть. Или не в том настроении.

Тимур смотрит по сторонам, водит по непрестанно движущейся толпе взглядом. Ищет. Ждет. Сергуня делает глоток пива из бутылки, кивает:

— Ворожайкин, пива хочешь?

Пить хочется. Пива — нет. Ворожцов неопределенно поводит плечами.

Сергуня со вкусом прикладывается к бутылке.

— Хочешь? Вон палатка, — указывает он в сторону и ржет.

Ну да, когда это Сергуня был не в том настроении, чтобы обойтись без издевок...

Ворожцов отворачивается. Тимур цепляется за что-то взглядом, машет. Коротко, не так, как Мазила, до последнего изображавший ветряную мельницу. Поняв, что его увидели, Тимур опускает руку.

Вдоль синего бока вагона к ним идут Леся и Наташка Казарезова. Девчонки красивые, но по-разному. У Наташки красота глянцева, подиумная. Такие нравятся всем. Леся другая. Ее красота спокойнее.

Ворожцов хочет поделиться этой неожиданной мыслью, но делиться не с кем. Сергуня засмеет, Тимур назовет занудой, Мазила вообще не поймет.

Девчонки подходят ближе. Тимур улыбается им. Точнее — Лесе.

Ворожцов чувствует, что хмурится. Ему нравится Леся, и с Тимуром ссориться не хочется. Но уступать он тоже не намерен.

Тимур здоровается с девчонками. Сергуня фиглярствует, напрашивается на дружеский поцелуй, но получает лишь уничижительный взгляд со стороны Казарезовой.

— Слюни собери, — надменно говорит Наташка.

— Не очень-то и хотелось, — вворачивает блондинчик. Он совсем не расстроен. — Или ты, Козлорезкина, думаешь, что все только и мечтают припасть к тебе губами? Других полно.

Сергуня показушно пялится через плечо Ворожцова на проходящую мимо девушку. Девушка интересная и старше Казарезовой лет на пять. Девушка оформилась во всех смыслах. Наташка все прекрасно видит и понимает, но не сдается.

— Полно, — кивает она в сторону Ворожцова. — Вот с ним и целуйся.

Мазила смеется. Виновато смотрит на Ворожцова, но продолжает хихикать. Не над ним, над Сергуней.

— Давайте в поезд, скоро отправление, — говорит Ворожцов, чтобы перевести тему.

— Не писюкай, Ворожа, — лыбится Сергуня. — Без нас не уедут.

Мазила послушно разворачивается к караулящей у вагона проводнице. Наташка и Леся устремляются за ним. А следом чуть ли не наперегонки срываются Ворожцов с Тимуром. Последним — Сергуня.

У вагона небольшая заминка. Проверка билетов, документов. Проводница — серьезная и внушительная тетка, шутить с ней не хочется. Даже блондинчик, кажется, робеет.

Первым в вагоне оказывается Мазила. За ним Леся. Мелкий неуклюже подает ей руку, вдергивает девчонку в вагон.

Далее Наташка. Длинные ноги, узкие шортики. Бабочка нашивкой на джинсовой попе.

Сергуня пытается посадить Наташку, но, едва успев коснуться, отшатывается.

— Ворожцова лапай, — словно сплевывает она и исчезает во мраке вагона.

Тимур с Ворожцовым остаются на платформе вдвоем.
— Зачем ты его взял? — тихо бормочет Ворожцов.
— А что я мог сделать? — пожимает плечами Тимур. — Не нравится — пойди и скажи, что мы без него едем.
И Тимур лезет в тамбур...

* * *

...Наверное, тогда Тимур лукавил: он-то хотел взять с собой Сергуню. Если б Ворожцов настоял, блондинчик сейчас был бы жив.

Но Ворожцов не мог подойти и сказать: «нет». А если бы и сказал, то все равно ничего не изменилось бы.

Внутри, в пустоте, зашевелилась боль. Ощущение было новым. Нет, болело и раньше, но если прежде резало, кололо, рвало душу на куски и выворачивало наизнанку, то теперь боль стала ноющей, тоскливой. Так болят зубы.

И что страшнее: боль или пустота — он тоже не знал. И то, и другое страшно.

Почему брат болтал о чем угодно, пил и снова говорил много и невнятно? Почему он ни разу не сказал главного: здесь страшно. Не опасно, не интересно, а именно страшно. Или брат говорил, а Ворожцов не услышал?

Да если бы и услышал, изменило бы это что-то? Или все было предопределено?

Где-то ведь была точка невозврата. Когда ситуация стала необратимой. Когда пути назад не осталось.

Сперва Ворожцову казалось, что эту точку они прошли, когда отказались от идеи вернуться, прячась под жестяным щитом от дождя.

Потом он стал разматывать воспоминания, как клубок.

Может быть, они переступили эту черту, когда разметало по поляне паникера и понтарежа Сергуню? Нет. Или когда бежали от всплывшего со дна реки пузыря? Нет. Когда выпрыгнули из грузовиков и кинулись в лес? Когда забирались в грузовики? Когда?

Клубок событий раскручивался в обратную сторону, а конца нитки не было видно. Его вообще не было. Или был? Просто Ворожцов придумал себе глупое сравнение и не замечает очевидного.

Кому и где надо было остановиться, чтобы все теперь было как раньше?

И зачем все это было нужно? К чему? Что это дало?

Лишь понимание того, что вся экспедиция была ошибкой. Что он не хочет взрослеть. Они не хотят.

Тимур тоже. Иначе не стал бы расстреливать прибор.

Не слишком ли высока цена еще одной, нехитрой как будто бы истины?

Перед глазами возник Сергуня с бутылкой пива, воодушевленный Мазила, наигранно неприступная Наташка, Леся...

* * *

...Их шестеро. Места в купе четыре. Потому Наташка и Леся едут отдельно, а они вчетвером в одном купе.

Ворожцов предпочел бы ехать с Лесей, но это невозможно. В крайнем случае он был бы рад ехать с Лесей и Наташкой. И пусть четвертым будет Мазила. Но он более чем уверен: Тимур с Сергуней тоже были бы не против махнуть их с мелким на девчонок. Так что остается смириться с текущим компромиссом.

На столике недопитый чай и обертки от «сникерсов». Ворожцов сидит ближе к двери и читает книжку. Тимур лежит на верхней полке, наблюдает, как Сергуня и Мазила режутся в карты.

За окном покачиваются темные леса и поля. Проплывают кое-где тусклые огоньки спящих деревушек. Ночь.

Можно было бы спать, но впереди таможня. И хотя на русско-украинской границе контроль — всего лишь формальность, подсказывать среди ночи не хочется. Остается ждать.

Сергуня бьет карту. Рожа расплывается в победоносной ухмылке. Он залихватски швыряет на стол одну за другой оставшиеся карты:

— Раз, два, три! А это, мелочь, тебе на погоны.

Мазила смотрит на карты с глупо раскрытым ртом. Бросает свои на стол рубашкой вверх. Судя по выражению лица, он уже был готов выиграть.

— Чепчик сними, — требует Сергуня.

— Зачем это? — надувается Мазила.

— Карточный долг священен, — поясняет блондинчик. — Расчет хочу получить.

— Так и бей.

— Мелкий, — встревает Тимур с верхней полки. — Проиграл — не выпендривайся.

Сергуня смотрит выжидательно. Мазила нехотя стаскивает бандану, подставляет лоб. Довольный собой блондинчик начинает отвешивать мелкому хлесткие щелбаны. Считает. Всего пять. На четвертом Мазила ойкает. После пятого морщится и трет лоб.

— Давай еще, — требует он.

Блондинчик сгребает карты, двигает мелкому колоду.

— Не умеешь головой — работай руками, — ехидно сообщает Сергуня.

Мазила усердно тасует карты. Он сосредоточен, что забавляет Сергуню еще больше.

— Не за то отец бил, что играл, — снова комментирует Тимур. — А за то бил, что отыгрывался.

Мелкий достаёт козыря, кладет колоду и разбирает карты.

Блондинчик смотрит в свои, затем переводит взгляд, поверх карт смотрит на Тимура. Тот сверху заглядывает в карты Мазила, мимикой пытается что-то объяснить Сергуне.

Ворожцов замечает это, откладывает книжку.

— Жулье, — говорит он.

Мазила вздрагивает. Тимур принимает независимый вид и утыкается в темноту за окном. Сергуня скалится в ядовитой ухмылке:

— Жопа слова не давали. Хочешь играть — садись за стол.

Ворожцов пересаживает Мазилу на другую сторону, к блондину. Сам садится на место мелкого и откидывается к стене, так, чтобы сверху не было видно карт.

— Только с тобой, Ворожа, я на щелбаны играть не буду.

— Тогда без меня, — расстраивается Мазила. — На деньги я не могу. У меня и так немного.

— На желание? — предлагает Сергуня.

— Какое?

— Любое, — ржет блондин. — Слабо?

— А если ты пожелаешь, чтоб я с поезда спрыгнул?

— В пределах разумного, — милостиво снисходит Сергуня. — Только проигравший желание выполняет сразу. Идет?

— Идет, — соглашается Мазила. — Только деньги желать нельзя. Я на деньги не играю. У меня их впритык.

— Успокойся, мелочь, — веселится Сергуня. — Мы уже поняли, что ты нищеврод. У кого шесть пик?

Играют молча. Карты неспешно ложатся на стол, уходят в слив.

Тимур спускается с верхней полки, садится рядом с Ворожцовым. За игрой наблюдает с любопытством.

Первым выходит Сергуня. Мазила остается с Ворожцовым. Два хода, и Ворожцов остается один с веером карт на руке.

Мелкий по-дружески сочувствует. Пытается скрыть радость от выигрыша, но это выходит у него плохо.

Ворожцов бросает карты.

— Надо было в короля ходить, — советует Мазила, глядя на разлетевшийся по столу веер.

— Надо было карты считать, — ехидничает Сергуня. — Это тебе, Ворожкин, не урок математики, здесь реально считать надо. Я хочу...

Блондинчик делает драматическую паузу.

— Короче, — продолжает он уже безо всякого драматизма. — Сейчас идешь к девкам, вламываешься и говоришь: «Таможенный контроль. Готовим деньги, оружие, наркотики». Ржать нельзя. Засмеешься — будешь еще одно желание выполнять.

Ворожцов представляет, как будет глупо выглядеть перед девчонками. Жалеет, что сел играть.

— Давай что-нибудь другое, — предлагает он. — Вдруг они уже спят?

— Если спят, еще смешнее будет, — по-своему реагирует на отмазку Сергуни. — Входишь, сдергиваешь одеяла со спящих и командным голосом: «Таможня. Деньги, оружие, наркотики...»

Ворожцов вяло отпирается, но ему напоминают о святости карточного долга и намекают, что все в пределах разумного. Его же никто не заставляет стоп-краны рвать или проводнице в любви объясняться.

В коридоре прохладно. Ворожцов делает глубокий вдох, оглядывается. Дверь их купе приоткрыта, оттуда торчат три заинтересованные рожи.

Ворожцов выдыхает и идет к соседнему купе. Возле двери останавливается и тихонько опускает ручку, тянет дверь. В наметившейся щелке — темнота. В купе спят. Очень не хочется будить девчонок, но карточный долг...

Дверь ползет в сторону. Ворожцов осторожно, неуверенно тянет одеяло с ближайшей койки. Чувствует он себя по-идиотски.

— Таможня, — громким шепотом объявляет он. — Документы приготовьте.

Из коридора слышно сдавленное хихиканье.

— Оружие, — приговаривает Ворожцов по инерции и тарашится в темноту.

Осторожно подтягиваемое одеяло соскальзывает на пол.

— Деньги, наркотики...

Что-то не так. Он понимает это слишком поздно, а в следующее мгновение раздается испуганный женский вскрик. Ворожцов пятится, вываливается в коридор, захлопывает за собой дверь и под громогласный хохот Сергуни, Мазилы и Тимура пулей врывается в их купе.

Ворожцов чувствует, как наливаются пунцовым уши. Но сам уже не удерживается от смешка.

— Чего ржете, придурки? — бормочет он. — Там какая-то тетка.

— Какая-то, — ухохатывается Сергуня. — Они ж там не одни едут. Ворожкин, ты с кого одеяло стянул? Маньячелло.

Ворожцову стыдно и смешно. Но больше он играть не садится. Мазила с Сергуней раскидывают еще пару партий, а потом поезд останавливается, и входят настоящие таможенники.

Когда граница остается позади, а колеса снова стучат по стыкам, никто уже не играет. Все спят.

Утром их будит проводница.

— Встаем, сдаем постель, — повторяет она на одной ноте.

Ворожцов садится, натягивает майку. Сверху спрыгивает Тимур.

— Постельку сдаем, — несется по вагону монотонное. — Сдаем постель.

Они комкают и относят в служебное купе простыни с наволочками и полотенцами. Заказывают чай, по очереди бегают умываться в туалет.

Ворожцов допивает обжигающий сладкий чай, когда распаивается дверь, и входят девчонки.

— Доброе утро, — говорит Ворожцов.

— Привет, — весело откликается Наташка. — Ну, колитесь, кто из вас на таможне подрабатывает?

Леся улыбается. Мазила, Сергуня и Тимур снова начинают ржать. Казарезова смотрит на Ворожцова.

— Извращенец, — говорит она под дружный хохот. — Тетке сорок лет, а ты к ней под одеяло.

— Он к тебе хотел, — писклявым от смеха голосом выдавливают Сергуня, — но перепутал.

На платформу они спускаются уже без смеха. Ворожцов серьезен. Подтягивает лямку старого рюкзака. Мазила вертит башкой по сторонам. Любопытный. Девчонки озираются, пытаясь прочувствовать незнакомый город. С одной стороны, они насторожены, с другой — им тоже интересно.

Сергуня с Тимуром выходят из поезда последними.

Им вслед несется равнодушное напутствие проводницы:

— Вещи не забываем...

* * *

...Вещи. Теперь у них не осталось ничего. Почти. Паспорта с обратными билетами. Немного денег. У Ворожцова — ПДА, у Тимура — пара ржавых болтов.

Обрез Тимур оставил рядом с разнесенным прибором. Патроны кончились, а без них от ружья никакого толка. Рюкзак Ворожцов бросил неподалеку от водонапорки.

Отсюда до места, где они планировали выйти из Зоны, вернуться в обычный мир, оставалось совсем немного. И тащить на себе лишние килограммы ненужного теперь барахла казалось абсолютно бессмысленным.

Мазила сказал бы на это, что сталкеру своя ноша не тянет... Только где теперь Мазила? И что он знал о сталкерах? Понахватался в интернете всякой чепухи, поверил в романтику. Так в интернете правды не напишут. Ее вообще не передать, эту правду. Только прочувствовать на своей шкуре.

Вот если б не Ворожцов, а Мазила оттащил Тимура от той аномалии у трансформаторной будки, а потом они вместе закапывали бы руками в грязной канаве друга, разворотившего себе грудь из обреза в упор... Тогда, возможно, мелкий понял бы.

Но Мазила попал в аномалию, пальнул себе в сердце из ружья. И одному богу известно, что он увидел и понял перед смертью.

Боль в груди стала острее. Она уверенно вытесняла пустоту. Надолго ли? И что будет потом?

Нет, не думать сейчас об этом.

Шаг. Шаг. Еще шаг.

Одинаковые, безликие, как удары метронома.

Из ниоткуда в никуда. Хотя, казалось бы, у них есть и точка отправления, и точка, к которой идут.

Ворожцов тряхнул головой, на ходу выудил из кармана наладонник. Плюмкнуло.

Загрузилась карта, засветились метки.

Ворожцов остановился. Рядом застыл Тимур.

— Что на шарманке? — спросил он негромко.

— Почти пришли. За деревьями дорога. Через сотню метров блокпост. Там военные. Брат рассказывал, что с ними можно договориться. Денег пихнуть, и они пропустят. Если ты без оружия.

Тимур постучал пальцем по экрану. Грязная кромка ногтя ткнулась в кучку меток у блокпоста.

— Это что? — уточнил он.

— Военные, — пояснил Ворожцов. — Наверное, военные.

— Наверное?

— Кому еще торчать на блокпосте?

— А дальше?

— А дальше всё. Внешний мир.

Слова вылетели просто. Когда-то Ворожцов мечтал о том, как скажет это. С облегчением. Сейчас не было никакого облегчения. Не было надрыва, сожаления, радости. Только спокойная констатация.

— Мы ведь не углублялись, — заговорил он, пытаясь поймать хоть какую-то интонацию, почувствовать хоть какое-то настроение, — по краю, считай, прошли, как и наметили.

— Ворожцов, не нуди, — попросил Тимур, на секунду напоминая того, прежнего Тимура.

Но лишь на мгновение. Когда Ворожцов повернулся к нему, тот стоял задумчивый и серьезный.

— Можно прямо на блокпост и попробовать сторговаться, — предложил Ворожцов. — Еще можно сделать петлю, обойти и под железной дорогой, под насыпью. Как тогда...

При упоминании о насыпи Тимур едва заметно повел плечами.

— Пойдем через военных? — предложил Ворожцов.

— Тоже опасно.

— Не станут же они по нам стрелять, — стараясь добавить бодрости в голос, проговорил он. Не для себя, для Тимура.

Не получилось. Не было бодрости. Как не было страха и других бушевавших совсем недавно эмоций.

— Пойдем, — кивнул Тимур. — Попробуем сторговаться.

Ворожцов выключил ПДА и убрал в карман. Они спустились по небольшому откосу и зашагали по разбитым останкам дороги.

Шаг. Шаг. Еще шаг.

Шаги отщелкивали, как метроном.

Ворожцов попытался считать их, чтобы занять чем-то мысли, но быстро сбился. Снова нахлынули воспоминания.

Вот он, выход из лабиринта, в который сами себя загнали. Он был здесь всегда и не только здесь. Надо было лишь захотеть выйти. А они...

Просто глупо лезли туда, где им нечего было делать.

Где их не ждали.

Где им не место.

Лезли, выбрав себе жизненно важной целью то, что оказалось вовсе не нужным.

У блокпоста возникло движение. Кто-то там, должно быть, уже держал их на мушке.

Шаг. Шаг. Еще...

Тимур остановился. Ворожцов сделал то же самое шагом позже.

На дорогу вышли двое парней в военной форме. Молодые. Один держал наизготовку автомат Калашникова. Напряженный, готовый нажать на спуск в любое мгновение. Второй опустил оружие стволом в землю и только смотрел на них.

Что-то знакомое почудилось Ворожцову в этом взгляде.

— Эй вы! А ну-ка стоять! — приказал первый, хотя они и без того не двигались. — Грабли на затылок.

Второй только улыбнулся криво, уголком рта. И было в этой корявой улыбке одновременно столько понимания, грусти, боли, что Ворожцов вздрогнул, словно его ударило током.

Он вспомнил, где и когда видел этого парня: три дня назад, когда они выпрыгивали из грузовиков. Военный заметил их, но не поднял тревогу. Лишь криво улыбнулся уголком рта. Так же, как и теперь.

Почти так же. Чего-то не хватало.

— Грабли на затылок! — рявкнул первый. — Ну!

Не стреляйте, хотел крикнуть Ворожцов. Мы ведь только дети.

Но голос неожиданно отказал, а в голову острым раскаленным шилом воткнулась пугающая своей простотой и непоправимостью мысль.

Он с ужасом осознал: они получили то, за чем шли. Вернее, потеряли что-то, потеряли без шансов найти, попросить обратно.

Пустота внутри, так до конца и не заполнившаяся болью, будто взорвалась.

Снова захотелось кричать. Но не военным, а кому-то выше. Кричать, умолять вернуть пропажу. Вот только возврат был невозможен.

Детство кончилось.

Навсегда.

Ворожцов медленно поднял руки, положил ладони на затылок и закрыл глаза.